

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

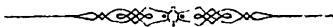

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

I.

Не задолго до Французской революціи, родился я. Ужасы о ней рассказываемые поражали даже ребяческій мой слухъ; ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ я выросалъ. Исполненный вѣрнопопуданческаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, были первые, которые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Француза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предрассудками, отъ которыхъ и повинѣ еще не краснѣю, я не только раздѣлять, ни даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ образомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укоризненную брань, и именно тогда, какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царлюбцы называли его хищникомъ престола; Англія, которая тогда безпрепятственно давала направление политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вѣнецъ и порфира казались мнѣ запачканными его полуплебейскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію: она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ заберегъ себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этотъ волшебный міръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ, поглощеннымъ землею или волнами, Помпей, Геркулануму или Винетѣ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ крутой переворотъ, и быстро за нимъ

послѣдовавшія происшествія воскресили бывшее, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православною духовенства оскверненная царубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ Святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантию его милосердія: я думалъ, что все кончено. Нимало. Два чело-вѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именемъ его возстановленный, оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ времени болѣе согласное. Оба льстили себя надеждою—истребить снисходительностью и благодушіемъ силу, затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему октроировалъ, видишь, пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться, что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повипитъ въ тогдашнемъ певѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверждающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Вофремоны, и я былъ предоволенъ. Не прошло года, и Франція доказала, что желѣзный скипетръ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Такой урокъ, данный самимъ Провидѣніемъ, кажется, долженъ бы былъ образумить вѣщносцевъ; но мнѣнія, предрасудки, привитые въ первой молодости, видно, совершенно исцѣлены никогда быть не могутъ. Если рѣшились уже до того унижить, опозорить Францію, что отдали ее подъ караулъ, то, кажется, въ это время можно бы было себѣ все съ нею позволить. Почему же было пропустить сей единственный случай и, для ея же блага, не сжать, не оковать ея вольности, изъ коей кромѣ самаго худаго, она никакого другаго употребленія, никогда не умѣла дѣлать? Ослаблять ее вѣчными внутренними раздорами могло быть полезно не Россіи, а развѣ только ближайшей ея сосѣдкѣ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ въ нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ—въ молодости вѣтренымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англomanъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ подражанію; этой слабости, кажется, подвержена бѣольшая часть чело-вѣчества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ и нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное,

ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть Англинскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ Великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ новыхъ своихъ теорій. Онъ былъ начптаяъ, много писалъ, любилъ поавторствовать и, родясь на ступеняхъ трона, походилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ, всегда замышляющихъ похитить верховную власть. Но онъ былъ скромень, осторожень, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда послѣ взятія Бастилии, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій, послѣднее убѣжище нашель онъ въ Англии, и тамъ вблизи могъ любоваться искусственнымъ устройствомъ ея, которое, къ несчастію такъ много пѣвнуетъ знакомыхъ мнѣ умнѣйшихъ людей. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи, еслибъ она соблаговолила его призвать. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое—плодъ долгодѣтнихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвелля имъ вздѣлѣнное. Оно не спасло Франціи отъ вторженія Наполеона и скорѣе открыло ему путь въ нее; но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Въ свободѣ Англии видятъ обыкновенно главный источникъ ея богатства и могущества. Тамъ, гдѣ вся земля принадлежитъ малому числу большихъ владѣльцевъ и каждый изъ нихъ, по прихоти, можетъ лишить живущаго на ней клочка земли, который питаетъ его съ семействомъ; тамъ, гдѣ съ одной стороны горы золота, а съ другой голодъ, вѣчно ему покорствующій; тамъ, гдѣ содержатель фабрики, высылая изъ нея работника, произноситъ ему смертный приговоръ: не знаю, можно ли почитать тамъ людей свободными? Лорды держатъ народъ, какъ охотники собакъ на сворѣ: онѣ рвутся, лаютъ; а поприятни ихъ немного, они тотчасъ уймутся. Столько же было свободы и едва ли не болѣе въ Венеціанской республикѣ, гдѣ ея вовсе не было. Нѣтъ, Англія сильна безпредѣльною властію, которою пользуются въ ней олигархія рода и аристократія золота; она сильна мѣстностями положенія своего; особенно же она сильна тѣмъ, что всегда свято хранила преданія древности, всегда ихъ держалась, что народная ея гордость всегда

чуждалась подражнія; что всѣ законы, всѣ учрежденія ея суть произведенія собственной почвы и ни у кого не заимствованы. И не безразсудно ли взять за образецъ страну, съ которой другія не могутъ имѣть ничего общаго? Народы, точно также, какъ всякій человѣкъ въ особенности, также какъ звѣри и растенія, имѣють различныя сложенія и склонности. Всякому свое: то, что губительно для пальмы, сохраняетъ березу, и наоборотъ. Одинаковая ли температура нужна бѣлому медвѣдю и Африканскому льву?

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого кипучаго народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежь. Десятки лѣтъ прошли, и съ каждымъ годомъ видимъ мы, что оно становится все хуже.

Заблужденія императора Александра истекали изъ самаго чистаго источника. Никогда еще не было на тронѣ монарха, оживленнаго столь горячею, столь искреннею любовію къ человѣчеству. Еще въ отроческомъ возрастѣ наставникъ его, Швейцарецъ Лагарпъ, увѣрилъ его, что совершенная свобода есть высочайшее благо для людей. Но видно, что въ отчизнѣ его не слишкомъ ею дорожили: ибо вольные жители горъ, Альпійскіе пастухи цѣлыми тысячами продавали себя иноземнымъ владыкамъ и за деньги проливали кровь свою. Союзная съ нимъ Англія и окружавшіе его совѣтники, ей преданные, утвердили въ немъ желаніе сдѣлаться благодѣтелемъ Россіи, даровавъ ей представительное правленіе. Тильзитъ, который такъ напрасно клянемъ мы, все приостановилъ. Коль же скоро стали замѣтны несогласія его съ Наполеономъ, явился Нѣмецкій баронъ Штейнъ уполномоченнымъ отъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ тайныхъ обществъ. Черезъ него возносили они мольбы свои къ нему, вопили о спасеніи, увѣряя, что не переставали почитать его свободолубцемъ и видѣть въ немъ будущаго спасителя Германіи. Тогда свобода сдѣлалась для него не только цѣлю, но обратилась и въ средство, и на побѣдоносномъ пути его до Парижа вездѣ встрѣчали его съ вѣнками въ рукахъ. Въ стихахъ и прозѣ превозносили его; поэтъ Раупахъ изобразилъ его въ трагедіи своей *Timoleon der Befreuer*.

Подъ Французскимъ игомъ, для Нѣмцевъ ненавистнымъ, распространились между ними Французскія революціонныя идеи. Очень искусно научились они смѣшивать слово независимость (что предпола

гаеть освобожденіе отъ чуждой власти) со словомъ свобода. Нѣмецкіе владѣтельные князья, дабы болѣе возбудить ихъ къ возстанію, обѣщали имъ дарованіе многихъ правъ и вольностей по окончаніи войны. Нужно ли все это было, когда честь и самохраненіе Пруссіи и здравая политика Австріи повелѣвали къ намъ присоединиться, когда не народы, а правительства и войска одинъ за другимъ приставали къ намъ? Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ: «Я воевалъ съ Европой для поддержанія монархическаго правила, цари побѣдили меня именемъ народной свободы; они жестоко въ томъ будутъ раскаиваться». И дѣйствительно послѣ его шумно-грозно-созидательнаго вѣка наступило тихо-разрушительное время. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что первые годы послѣ Наполеона были пора посѣва; черезъ пятнадцать лѣтъ все выросло, созрѣло: горе тѣмъ, которые доживутъ до жатвы.

Англія стояла тогда на вершинѣ могущества своего, блистала величіемъ и богатствомъ, сіяла злобною радостію при видѣ нестерпимыхъ мукъ, на кои осудила безсмертнаго своего противника и, дружелюбно улыбаясь неискуснымъ своимъ подражателямъ, не переставала твердить имъ о свободѣ. Въ странѣ, гдѣ именемъ свободы совершены были неслыханныя злодѣйства, попираемо все священное для людей, разрушены алтари, изгнана вѣра Христова, въ этой странѣ единокровные преемники ея жертвъ провозгласили права ея неоспоримыми. И, наконецъ, богоподобный человѣкъ, который сдѣлался первымъ въ Европѣ и въ мірѣ, всенародно исповѣдывалъ любовь свою къ ней! Послѣ того имя ея признано равнымъ именамъ божества и добродѣтели. Что говорю я? Оно стало выше ихъ. Передъ нимъ всѣ преклоняли головы, и оно сдѣлалось священнымъ для всѣхъ, даже для насъ, которые прежде никогда не произносили его не отъ страха, а отъ невѣдѣнія.

Трудно мнѣ изобразить, какимъ непріятнымъ образомъ былъ я изумленъ, оглушенъ новымъ, непонятнымъ сперва для меня языкомъ, которымъ все вокругъ меня заговорило. Молодость всегда легковѣрна и великодушна, и первая вспыхнула отъ прикосновенія электрическаго слова. Довольно скромно позволялъ я себѣ входить въ сужденія съ молодыми воинами; куды тебѣ! Названія запоздалаго, старовѣра, гасильника такъ и посыпались на меня, и никѣмъ не поддержанный я умолкъ. Любопытно и даже забавно было видѣть иныхъ людей, въ характерѣ которыхъ была рѣзкая противоположность съ правилами, которыя вдругъ начали они поддерживать: изъ раболѣпства стали они прикидываться свободомыслящими. Напримѣръ, старый министръ Козодавлевъ, который всегда смотрѣлъ, откуда при дворѣ дуетъ вѣтеръ, находилъ въ Крыловѣ холопскія чувства, въ Крыловѣ, который въ

басняхъ своихъ насказалъ такъ много смѣлыхъ истинъ, едва завѣшивая ихъ наготу полупрозрачными прекрасными своими покровами. На дачѣ у себя, передъ всѣми высшими властями пресмыкающійся Уваровъ слѣдующимъ лѣтомъ принималъ насъ въ павильонѣ, посвященномъ памяти Штейна и названномъ его именемъ. Александръ хлебнулъ, и опянѣли дворъ, гвардія и столица его.

Вообще съ удивленіемъ замѣтить должно, что почти во всѣхъ земляхъ обыкновенно высшее сословіе или аристократія производили народныя возстанія и направляли ихъ противъ законной высшей власти. Не говоря уже о революціи 89 года, которую раздували дюки и маркизы, во время Фронды, знатныя дамы, даже принцессы Монпансье, Лонгевиль принимали сильнѣйшее участіе въ возмущеніяхъ. Въ Нидерландахъ Эгмонтъ и Горнъ были не простые люди; Польшу всегда волновали магнаты; въ Римѣ принчипе, гордые и праздные, всегда непокорны и если въ Венгріи случится бѣда, то навѣрное предсказать можно, что безпокойства произведены будутъ знатнѣйшими ея богачами. Эти люди, ближе другихъ окружая тронъ и ближе другихъ вида слабости сидящихъ на немъ, менѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и болѣе всѣхъ завидуютъ имъ. Безразсудные! Стремясь иссушить единственный источникъ ихъ благъ, они неизбежно ведутъ согражданъ къ демократіи, для нихъ губительной, истребительной. А тамъ приходитъ раскаяніе; потерявъ или, лучше сказать, погубивъ головы Людовика XVI-го и Маріи Антоанетты, роялисты плакали по волосамъ ихъ.

Въ одной Россіи это дѣло кажется невозможнымъ; попытались было бояре, послѣ смерти Петра II-го, облечься въ верховную власть; но царелюбивый народъ Русскій присталъ даже къ Нѣмцамъ, чтобы свергнуть ихъ. Тутъ дѣло было совсѣмъ иное: изъ угожденія къ царской прихоти, можетъ быть, скоро преходящей, нѣкоторые вельможи стали восхвалять свободу. Если первые были преступны, то послѣдніе подлы: одни искали власти, а другимъ хотѣлось только милостей, повышенія.

Важную ошибку на Вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи Австрійскаго императора попрежнему Римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между Нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ Римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ. Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на главномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе

сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (*feuilles volantes*), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Мелкіе государи сихъ особняковъ не въ силахъ были противиться подданнымъ, которые требовали исполненія данныхъ обѣщаній: подай имъ конституцію, да и только! Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба народа съ правительствомъ. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома; еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ Германскихъ странахъ. Непоколебимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ, присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго наизаны разнородныя королевства гораздо обширнѣе и многочисленнѣе его, казался также смѣшною несообразностью. Латинское названіе сіе, пережившее Римское величіе и для потомства служащее его изображеніемъ, прилично только западнымъ и восточнымъ наслѣдникамъ Августовъ и Кесарей. Владѣеть ли онъ старымъ или новымъ Римомъ или довольно силенъ, чтобы имѣть справедливыя притязанія на вѣчные грады, гдѣ временно только господствуютъ тіара и чалма, тотъ только безъ стыда можетъ носить названіе, котораго нѣтъ выше въ мірѣ. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли, что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго и, разъединенные Вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши самодержцемъ Всероссійскимъ? Никогда еще столь великодушнаго ослѣпленія не было видано. Неизвѣстно, кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Алевсандра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Стоило только поприлежнѣе прочитать Русскую Исторію, чтобы найти въ ней оправданіе, или, по крайней мѣрѣ, извиненіе сему великому злодѣянію. Въ самой цвѣтущей молодости, когда первыя впечатлѣнія такъ

сильно дѣйствуютъ на сердце и на воображеніе, Полька Нарышкина и Полякъ Чарторижскій дали познать ему любовь и дружбу. Привязанность къ нему Польскихъ его подданныхъ представлена ими какъ невольное сердечное влеченіе, тогда какъ въ Русской добродушной преданности видѣлъ онъ простое исполненіе обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ, съ новою силою обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него (еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея), ни ужасы и опустошенія, которыя ровно черезъ двѣсти лѣтъ повторили они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что, будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость. Онъ былъ остороженъ и неторопливъ въ исполненіи важныхъ предпріятій своихъ: приобретенное имъ по трактатамъ Польское Царство первое хотѣлъ онъ подвергнуть испытанію конституціоннаго правленія. Желая исподоволь новыхъ подданныхъ своихъ ознакомить со свободой, но зная всю невоздержность Поляковъ, зная, какъ готовы они предаваться всякаго рода упоеніямъ и опасаясь, чтобы они не слишкомъ стали упиваться сей сладкой отравой, вмѣсто противоядія поставилъ онъ межъ ними брата своего Константина.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавалъ онъ для Россіи. Это самое, надобно думать, омрачило веселіе, которое безъ того встрѣтило бы его вторичный возвратъ изъ Парижа. Отнюдь не будучи свободо-мыслящимъ, я, можетъ быть, одинъ въ воспріятіи титула Царя Польскаго видѣлъ событіе счастливое для Россіи и основаніе новаго для нея величія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что Польша къ Россіи должна быть въ томъ же отношеніи, какъ при Наполеонѣ Италия была къ Франціи: она граничитъ съ Нѣмецкими владѣніями и, по примѣру Наполеона, Государь можетъ сдѣлаться главою Германскаго союза. Или, думалъ я, Польша будетъ главнымъ звѣномъ той цѣпи, которая потянется отъ нея направо и налево и составлена будетъ изъ единокровныхъ ей и намъ Славянскихъ государствъ. Опираясь на Россію, какъ на огромную скалу, они сами, какъ рядъ твердынь, будутъ защищать ее отъ нападений западныхъ народовъ.

Какъ ошибался я! И какъ все это далеко было отъ мысли Александра! Слава какъ будто прискучила ему; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія мира мірови. На высотѣ

счастія и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе; онъ, весь любовь, испыталъ неблагодарность людей, коимъ благотворилъ, и правительствъ, коихъ былъ искреннимъ и мощнымъ союзникомъ. Можетъ быть, онъ возненавидѣлъ бы родъ человѣчскій; новое чувство, которое тогда наполнило его душу, не допустило его до того. Любовь къ Богу всегда болѣе утверждаетъ въ любви къ человѣчеству. Онъ былъ расположенъ къ религиозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое нео-христіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ *), урожденная Фитингофъ, вдова Русскаго посланника въ Берлинѣ, писательница, великая грѣшница, раскаявшаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и въ селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутияхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ, въ Россіи нашла убѣжище и могилу.

Я старался помѣстить въ этой главѣ все то, что при началѣ 1816 года было, такъ сказать, въ зернѣ и, постепенно развиваясь, впоследствии причинило намъ такъ много горестей и бѣдствій. Въ сей главѣ объясняется многое, что читатель далѣе можетъ встрѣтить въ сихъ Запискахъ.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семь 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ бесполезной, какъ было дотошъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. «Вы теперь ничего не дѣлаете; не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? Представляется къ тому случай», сказалъ онъ мнѣ. «Слышали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? Онъ въ большой довѣренности у Государя и по части механики можно почитать его Европейскою знаменитостью. Число фальшивыхъ ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и Государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Черезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую пе-

---

*) Не надобно смѣшивать ее съ другою госпожею Крюднеръ, также великой грѣшницей, Нѣмой, которая гораздо послѣ нея въ Россію къ намъ пожаловала.

реписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка Русскаго, ни Русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ Французскій и Русскій языки и на котораго бы могъ онъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о присканіи ему такового: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадритѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства. Я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ; пройдетъ недѣли двѣ-три, не болѣе и вы увидите, полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы официально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ, назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики, можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ это нисколько не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ въ Коммиссіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться».

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Онъ усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговорился, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того, чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ по-поламъ листѣ, на одной половинѣ Французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой Русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ номеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніальности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ былъ онъ лицо весьма примѣчательное, особен-

но же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предрасудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все, что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Неподалеку отъ Лилля, во Французской Фландріи, и понынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетангурь. Предки Русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно, что за люди были эти *сирь*. Когда, при герцогахъ Бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать, и приняты сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ вооруженною рукою дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, грабительство свое по сосѣдству перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшого Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространствѣ единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко-де-Гамы, смѣлыми Португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго мыса, Мадера и Асорскія острова, и розданы имъ. Морякъ Бетангурь одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались Гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетангурь родился на счастливомъ Tenerifскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гишпаніи дни короля Карла III.

Есть искусство въ время родиться и въ время умирать; въ числѣ другихъ Бетангурь имѣлъ и это искусство. Что бы было съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ: Заботясь о благѣ государства своего, Карль III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ каналы и чистилъ Гвадалквивирь, однимъ словомъ создавалъ въ Гишпаніи все то, чего ей не доставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетангурь провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго Мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ Французскою республикой, и Гишпанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетангуръ воспользовался тѣмъ, чтобъ посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ

начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщений, полагать должно, не выше того, что у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостоль и, желая угодить Государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои и предвидя бѣду неминуемую, самъ, наконецъ, предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ, какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма, по условію ему назначенная, была не маловажная: двадцать четыре тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыплютъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: Гипшанскому гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать; безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ, что въ землѣ, куда онъ пріѣхалъ, чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генераль-майоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая, что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генераль-лейтенантомъ. Не помню за что, Государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая, что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и на оборотъ Государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова, равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеса, суть военно-монашескія братства, разсѣянные по Португаліи и Гиппаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не виню его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на Югѣ и на Западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, не трудно было потому владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться въ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ

ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость сего имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи. Молчаливость почиталась тогда достоинствомъ, а знаніе иностранныхъ языковъ облагораживало каждаго; но еслибъ кто захотѣлъ попристальнѣе взглядѣться въ нее, то легко могъ принять бы ее за кухарку. Занимаясь механикой и посѣщая мастерскія, Бетанкуръ вѣроятно встрѣтилъ ее среди Лондонскаго ремесленнаго народа. Она была католичка, Англичанка съ Французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: ибо кому была до того какая нужда, и чѣмъ могло это умножить ея достоинство? Надобно полагать, что съ молодости была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Бетанкуру жениться на бѣдной дурѣ изъ низкаго состоянія? А спѣсива была она такъ, что не приведи Богъ!

Къ счастью, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каролина, еще молодая, начинала уже дурнѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови, вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лицо въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцатилѣтняя Матильда плѣняла наружностію; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чѣмъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда онѣ играли на арфѣ и на фортепіано, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляскою фавданго и воллерд; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленнаго неба, подъ которымъ онъ родился и, какъ всѣ вспыльчивые люди, имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ, когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общою поговоркой было: *poli somme un grand seigneur*—учтивъ, какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя,

не удивится, узнавъ, что съ такимъ человѣкомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ сдѣлать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ колесніями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ. Въ первыхъ частяхъ сихъ Записокъ сказалъ уже я, что при учрежденіи министерствъ поступила она въ вѣдомство министра коммерціи, и что въ 1809 году, преобразованная въ особое министерство, подъ названіемъ Главной Дирекціи путей сообщенія, находилась подъ управленіемъ принца Георгія Ольденбургскаго. Тамъ же упомянулъ я объ образованіи особаго корпуса гражданскихъ инженеровъ, коимъ для поощренія даны были военные чины и мундиры. Для пополненія великаго недостатка въ сихъ инженерахъ, начали набирать въ новый корпусъ людей кое откуда, по большей части изъ гражданскаго вѣдомства.

Дабы на будущее время не нуждаться въ нихъ, учреждено для нихъ особое высшее училище, подъ названіемъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Для помѣщенія сего новаго заведенія, купленъ былъ за бездѣлицу, за триста тысячъ рублей ассигнаціями, великолѣпный домъ или скорѣе дворецъ князя Юсупова, на Фонтанкѣ у Обухова моста. Продавецъ построилъ его на славу, по образцу отелей Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, между дворомъ и садомъ, съ тою только разницей, что на пространствѣ ими занимаемомъ можно было бы построить три или четыре Парижскіе отеля. Всѣ ученики были своекоштные, и не только ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ жительства въ Институтѣ, ни даже права заглядывать въ садъ, ему принадлежащій. Всѣмъ пользовались завѣдывающіе имъ иностранцы. Онъ состоялъ подъ управленіемъ особаго директора, надъ которымъ были еще принцъ Ольденбургскій, въ видѣ попечителя или покровителя, и генералъ Ботанкуръ, подъ названіемъ главнаго начальника Института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потѣшалъ онъ ими только Императора; но тутъ, по учрежденіи Института, коего былъ онъ настоящимъ основателемъ можно сказать, приобрѣлъ онъ осѣдность. Онъ занималъ большую, лучшую часть зданія, которую, находясь при немъ, я посѣщалъ ежедневно. Онъ не принадлежалъ къ корпусу инженеровъ, не носилъ ихъ мундира, числился въ свитѣ Государя и почиталъ себя за висящимъ единственно отъ него. Онъ признавалъ однакоже передъ со-

бою первенство принца, пока тотъ былъ живъ; но послѣ кончины его сдѣлался совершенно независимъ отъ преемника его, инженеръ-генерала Франца Павловича де-Волана. Зданіе Института со всѣми его принадлежностями было какъ бы отдѣльное царство, въ которомъ господствовалъ онъ самовластно.

Я опять вступилъ въ міръ, мнѣ дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный. Подчиненные Бетанкура, коихъ число было небольшое, составляли свиту, штатъ и общество его. Я никакихъ сношеній не имѣлъ съ ними по службѣ, но, каждодневно встрѣчаясь, скоро свелъ съ ними знакомство, котораго не искалъ и не избѣгалъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я не умолчу, ибо почитаю ихъ лицами весьма примѣчательными.

Старый Французъ Сенноверъ, который вступивъ въ нашу службу, официально нареченъ Степаномъ Игнатьевичемъ, былъ директоромъ Института. Онъ былъ уменъ, какъ демонъ, въ котораго конечно нѣкогда вѣровалъ онъ болѣе чѣмъ въ Христа; такъ надобно думать, ибо, принадлежа къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Лангедокѣ и находясь въ королевской службѣ капитаномъ, сдѣлался онъ бѣшеннымъ революціонеромъ и санюлотомъ. Этого бы никакъ нельзя было подозрѣвать, смотря на его спокойный видъ, внимая его безпрестаннымъ шуточкамъ, иногда довольно смѣлымъ, но никогда не переходящимъ за предѣлы благопристойности. Какъ во всѣхъ любезникахъ школы Вольтеровской, нечестіе и безбожіе были въ немъ щеголеваты; но онъ тогда не хвастался ими. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, худъ лицомъ, но полонъ тѣломъ; страждущія отъ подагры ноги его еще болѣе изнемогали отъ тяжести его туловища: онъ съ трудомъ могъ ходить. Я находилъ его не столько пріятнымъ какъ забавнымъ, и во время веселыхъ съ нимъ разговоровъ мнѣ всегда приходилъ на мысль Скарронъ и все повѣствуемое о немъ. О якобинствѣ его я бы умолчалъ и слышанное мною о томъ охотно счелъ бы клеветою, если бъ онъ самъ, увлеченный воспоминаніями о прошедшемъ, какъ объ удалствѣ своей молодости, не рассказывалъ мнѣ иногда о тѣсной дружбѣ своей съ Маратомъ. Мнѣ любопытно было слушать о роскошномъ, раздушенномъ и эпикурейскомъ житіи этого ужаснаго человѣка во внутреннихъ комнатахъ его и какъ, выходя съ Сенноверомъ, переодѣвались они въ запачканныя, оборванные блузы, чтобы на улицѣ болѣе угодить простому народу и заслужить имя друзей его.

Когда Шарлотта Корде лишила его друга, и терроризмъ началъ пожирать самъ себя, Сенноверу удалось бѣжать изъ Франціи. Какъ потомъ изъ Англіи попалъ онъ въ Россію, этого я не знаю; извѣстно только, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговалъ онъ въ Петербургѣ выписываемымъ Французскимъ табакомъ. Играя изрядно на

скрипкѣ, былъ иногда приглашаемъ на вечеринки къ достаточнымъ молодымъ меломанамъ, между прочимъ къ одному г. Маничарову. По прїѣздѣ изъ-за границы, въ собственномъ домѣ послѣдняго остановился Бетанкуръ, ни съ кѣмъ еще не знакомый; первыми знакомыми его были хозяинъ дома и черезъ него Сенноверъ. Старики полюбились другъ другу, можетъ быть, самую противоположною характеровъ; оба были веселаго нрава, но одинъ весь такъ и кипѣлъ, а въ другомъ страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для Института Путей Сообщенія, Бетанкуръ предложилъ Сенновера. Какъ это возможно? Королевской службы капитана, котораго къ намъ можно принять не болѣе какъ поручикомъ! Бетанкуръ объявилъ, что достойнѣе его не знаетъ, и что безъ него и самъ онъ не приметъ главнаго начальства. Чтò было дѣлать? Опредѣлили Сенновера исправляющимъ должность директора, а черезъ шесть мѣсяцевъ утвердили въ семъ званіи съ чиномъ генераль-майора. Нарушеніе формъ въ Россіи было какъ будто торжествомъ, услажденіемъ для Бетанкура. Новый успѣхъ скоро долженъ былъ обрадовать Сенновера; на преступныя его заблужденія накинута не мантия, а крестъ Св. Лудовика. По возвращеніи Бурбоновъ, этотъ орденъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои до революціи имѣли военные офицерскіе чины во Французской арміи, а ему, не знаю какъ-то, удалось выдать себя за эмигранта. Впрочемъ, въ правилахъ его не оставалось и тѣни республиканизма. Вообще, слово свобода для большей части ея мнимыхъ поклонниковъ есть ломъ, которымъ пробиваютъ, раскалываютъ они преграды, загоразживающія имъ путь къ быстрому возвышенію, и который по достиженіи желаемаго, бросаютъ.

Поговоривъ о Сенноверѣ, нельзя же не сказать ни слова о его семействѣ. Также какъ Бетанкуръ, въ Великобританіи нашелъ онъ себѣ подругу, только Англичанку - англичанку, бабу смирную, которая припелась къ Бетанкуршѣ въ видѣ всепокорнѣйшей собесѣдницы. Я никогда не слыхалъ ея голоса, и въ гостинной у мужа казалась она домашнею утварью, которую забыли вынести. Единственная же дочь ихъ, Стефанія, въ тринадцать лѣтъ изумляла уже живостію и смѣлостію ума и развивающимся кокетствомъ. Можно было предвидѣть, что она пойдетъ далеко, что она будетъ чѣмъ-то, чему тогда не было еще имени. Ожиданія сбылись: Сень-Симонизмъ и всѣ богопротивныя секты видѣли ее сильною своею поборницею.

По открытіи Института, начальствовавшіе въ немъ Гишпанецъ и Французъ не должны были забыть сводчика своего Маничарова. Онъ былъ изъ Армянъ. Люди этой націи въ Русскихъ столицахъ обыкновенно бываютъ ювелиры, или торгуютъ шальями, Персидскими и Ин-

дѣйскими товарами; разбогатѣвши, объявляютъ себя дворянами такой земли, гдѣ ихъ никогда не бывало. Отецъ г. Маничарова до того былъ богатъ, что сыновьямъ его нужно было много времени для разстройства оставленнаго имъ состоянія. Въ старшемъ изъ нихъ, любезномъ моемъ Петрѣ Макаровичѣ, было много оригинальнаго. Главною странностію его, среди завистливаго, себялюбиваго міра сего, почитать можно неистощимую доброту его сердца. Онъ любилъ всѣхъ людей, обожалъ всѣхъ женщинъ, наслаждался всѣми безвредными для чести удовольствіями. Въ шумныхъ, холостыхъ обществахъ, кои предпочтительно посѣщалъ онъ, умѣлъ онъ быть пристоеенъ и тихо-весель, ласковъ и учтивъ безъ приторности. Онъ былъ добрымъ товарищемъ всѣхъ любителей разгульной жизни, но не имѣлъ задушевныхъ друзей, за то и не имѣлъ ни единаго врага. Его душевное спокойствіе, слегка тревожимое желаніями, безъ труда удовлетворяемыми, сохранило ему молодость ума и, конечно, продлить его дни. Сколько поколѣній встрѣтилъ онъ на порогѣ юности и приводилъ изъ нея, самъ никогда ея не покидая. Никогда въ голову не приходила ему служба, какъ вдругъ хозяйственныя дѣла его, пришедши въ упадокъ, не отъ мотовства, а отъ безпечности, заставили его о томъ подумать. Уже былъ онъ лѣтъ сорока, когда черезъ покровительство Бетангура, не имѣя никакого чина, онъ былъ опредѣленъ въ Институтъ, разумѣется, не воспитанникомъ, а экономомъ онаго, прямо съ чиномъ инженеръ-капитана. Ну что уже и была это за экономія! Изъ всѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми тутъ свела меня судьба, онъ болѣе всѣхъ полюбился мнѣ своею привѣтливостію, равенствомъ своего характера.

Образованіе Института было довольно странное. Воспитанники носили шляпу съ перомъ и офицерскій мундиръ съ шитьемъ, только безъ эполетовъ; а произведенные въ офицеры, прапорщики, подпоручики, надѣвъ эполеты, продолжали оставаться въ Институтѣ до поручичьяго чина. Въ немъ сперва было четыре только профессора или преподавателя наукъ. Ими ссудилъ насъ Наполеонъ, приславъ Александру четырехъ лучшихъ учениковъ Политехнической Школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема. Это было, какъ изволите видѣть, совершенно Французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англинскихъ ремесленниковъ, садовниковъ, машинистовъ, портныхъ и тому подобныхъ; однимъ словомъ, все то что управляющимъ пришельцамъ казалось цвѣтомъ Петербургскаго юношества. Въ 1812 году четыре Француза объявили, что не могутъ служить правительству, которое находится въ войнѣ съ ихъ отечествомъ и требовали, чтобъ ихъ отпустили: имъ отвѣчали ссылкой въ Сибирь. Ученіе

на время должно было приостановиться. Дабы по возможности помочь этой бѣдѣ, нарядили въ мундиръ и въ штабъ-офицерскіе эполеты мусью Резимона, учителя въ частномъ домѣ, довольно свѣдущаго въ математическихъ наукахъ; да какъ другаго иностранца на первый случай не встрѣтилось, то по неволѣ должны были взять Руссаго, недавно произведеннаго въ офицеры Севастьянова, который въ познаніяхъ догналъ и едва ли не перегналъ всѣхъ иностранныхъ наставниковъ своихъ. Послѣ общаго замиренія въ 1814 году, сосланные Французы воротились къ своимъ должностямъ; во все время войны сохраняли они жалованье свое и чины: Базенъ — подполковника, а трое другихъ оставались майорами. Двое изъ нихъ, Фабръ и Дестремъ, вскорѣ, согласно желанію своему, получили мѣста въ округахъ Путей Сообщенія; въ Институтѣ же остались только Базенъ и Потье. О нихъ да позволено будетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.

Уживчивѣе Петра Петровича Базена ни одного человѣка не случилось мнѣ видѣть. Онъ родился въ самомъ центрѣ Парижа отъ бѣдныхъ мѣщанъ и, не совсѣмъ будучи уже ребенкомъ, видѣлъ всѣ ужасы революціи. Съ одной стороны, это научило его осторожности въ изъясненіи своихъ мнѣній, съ другой — породило въ немъ омерзѣніе къ отвратительной грубости развратной Парижской черни. Изъ разговоровъ своихъ старался онъ изгнать все то что могло напомнить о наывахъ его первой молодости, и говорилъ всегда отборными словами. Не только не позволялъ себѣ кого нибудь порицать, но обо всемъ и обо всѣхъ находилъ средство говорить съ похвалою. Въ душевномъ умиленіи онъ готовъ былъ пасть на колѣни при имени святаго Лудовика XVI, умѣлъ извинять кровожадныхъ Робеспіера и Дантона, ихъ злодѣянія приписывая добрымъ намѣреніямъ, въ Лафайетѣ видѣлъ самаго Вашингтона, приходилъ въ непритворный восторгъ, когда называли Наполеона, дивился мудрости Лудовика XVIII и благородству, рыцарскому духу меньшаго брата его. Онъ имѣлъ удивительный даръ не только со всѣми соглашаться, но каждаго порознь увѣрить, что онъ совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Я не думаю, чтобъ онъ кого-нибудь обманывалъ: невозможно было льстить цѣлому свѣту; но для борьбы съ заблужденіями его онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно убѣжденія и желая оставаться въ покоѣ, никакого мнѣнія преимущественно не поддерживалъ. Его всѣ чрезвычайно любили, начиная съ меня. Легко было предвидѣть, что по службѣ будетъ онъ имѣть большіе успѣхи въ этой Россіи, которую онъ искренно или притворно любилъ и уважалъ.

Манеры друга его, сотоварища и нѣкогда соученика, Потье, были въ совершенной противоположности съ его тонкою образованностію.

Въ немъ виденъ былъ мужикъ сѣверной Франціи; тоже просторѣчіе и вмѣсто учтивости добродушіе не безъ лукавства.

Петербургъ какъ фирammentъ: множество большихъ свѣтилъ движется въ немъ; они одни видимы только простыми глазами, тогда какъ небольшія планеты, около нихъ совершающія путь свой, остаются неизѣдомы жителямъ другихъ планетныхъ системъ. Перелетая изъ одной въ другую, въ семь совершенно новомъ для меня мірѣ, съ вышепоменованными мною лицами, мнѣ было бы не лудо; но, какъ уже выше я сказалъ, кромѣ довольно пріятнаго знакомства, другихъ сношеній я съ ними имѣть не могъ. Тотъ же, съ которымъ служба нѣкоторымъ образомъ связывала меня, какъ объясню я ниже, былъ для меня со-всѣмъ не находка.

Для заведенія новой ассигнаціонной фабрики купленъ былъ большой домъ откупщика Чоблокова на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста. Надобно было заказать нѣсколько машинъ, другія выписать изъ Англіи; да сверхъ того нужно было растянуть фасадъ по улицѣ и возвести нѣсколько новыхъ строеній внутри двора. Для того опредѣлено было, начиная съ 1-го Марта 1816 года, въ продолженіи двухъ лѣтъ, изъ Казначейства отпускать ежемѣсячно по шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями въ полное распоряженіе Бетанкура, который брался все устроить экономическимъ образомъ. Еслибы мнѣ предложено было храненіе сихъ суммъ и отчетная часть по нихъ, я бы рѣшительно отказался; но былъ другой человекъ, который принялъ на себя эту обязанность, тотъ же самый, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и поручено бы смотрѣніе за производствомъ работъ.

Во время проѣзда Государя черезъ Брухсаль, вдовствующая маркграфиня Баденская, теща его, навязала ему одного неимущаго Баденскаго дворянина, который, по словамъ ея, былъ весьма искусенъ по механической части. Изъ уваженія къ такой рекомендаціи, Государь на казенный счетъ велѣлъ отправить искусника къ Бетанкуру, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое заблагоразсудитъ. Когда Нѣмецъ захочетъ угодить начальнику, никто лучше его не сумѣетъ этого сдѣлать. Въ довѣренность къ Бетанкуру совершенно вѣлся г. Василій Карловичъ Третеръ. Онъ поселился въ Чоблоковомъ домѣ и началъ заниматься перестройкой его, не дождавшись еще высочайшаго утвержденія. Оно не замедлило, и онъ принятъ въ службу прямо инженеръ-майоромъ.

Трудно бываетъ говорить объ иныхъ людяхъ. Обыкновенные пороки легко осмѣять; для изъявленія негодованія, которое производить въ душѣ сотворенное зло, всегда сыщутся выраженія; но какъ быть, когда нельзя ни подняться до ужаса, ни спуститься до смѣха? Когда

чувствуемое презрѣніе такъ сильно, что для изображенія его нѣтъ другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, кои порядочный человѣкъ никогда охотно не употребляетъ? Я поставленъ въ эту необходимость и, говоря о Третерѣ, принужденъ назвать его гнуснымъ плутомъ. Дотоль зналъ я однихъ только честныхъ Нѣмцевъ; но видно, эта нація совсѣмъ переродилась, и Третеръ былъ первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые наконецъ заставили меня перемѣнить мнѣніе на счетъ его соотечественниковъ.

Впрочемъ, что касается до меня лично, я не имѣлъ никакой причины быть имъ недовольнымъ. Не знаю, какъ объяснялся онъ съ подрядчиками, только мнѣ сообщалъ онъ дурно, съ ошибками по-французски написанныя, заключенныя съ ними условія, и учтиво просилъ по волѣ Бетанкура, перевода ихъ, облечь въ законную форму, на узаконенной гербовой бумагѣ. Я же изъ собственныхъ денегъ долженъ былъ для того нанимать переписчика. Но взаимная наша антипатія была недолима: отъ рѣчей его, отъ самаго голоса такъ и пахло дерзкимъ, безстыднымъ мопенничествомъ. Быть не только подчиненнымъ его, ни даже начальникомъ, я ни за что бы не согласился, но отказаться имѣть съ нимъ дѣло мнѣ было невозможно. Тоже самое что я, чувствовали къ нему Французы, и самъ Базень съ нимъ однимъ только былъ вовсе нелюбезенъ. Если былъ онъ на руку не чистъ, за то и на руку былъ онъ дерзокъ; у себя дома съ подчиненными бѣдными солдатами былъ онъ настоящій палачъ; да и въ Институтѣ къ Русскимъ служителямъ придирался онъ, чтобы безъ всякой причины и безъ всякаго права ихъ поколотить. За нихъ вступались Французы, и изъ того одинъ разъ чуть было не вышелъ у него поединокъ съ Базеномъ. Тутъ въ первый разъ могъ я замѣтить разницу въ расположеніи къ намъ Нѣмцевъ и Французовъ: первые ненавидятъ насъ, какъ возмужалыхъ и некоренныхъ учениковъ, которыхъ надѣялись они вѣчно держать въ опеку; послѣдніе видятъ въ насъ побѣдившихъ, но прежде того побѣжденныхъ ими великодушныхъ противниковъ.

Мнѣ такъ надоѣло возиться съ Третеромъ, что я готовъ былъ, не говоря ни слова, воротиться опять въ Министерство Финансовъ; одно новое обстоятельство заставило меня пріостановиться.

Счастливо окончивъ всѣ войны, Государь захотѣлъ предаться вновь нѣкоторымъ изъ прерванныхъ любимыхъ своихъ мирныхъ занятій. Петербургъ захотѣлось ему сдѣлать красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для того придумалъ онъ учредить особый архитектурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бетанкура. Ни законность правъ на владѣніе домами, ни прочность строенія казенныхъ и частныхъ зданій не должны были входить въ число занятій сего комитета: онъ дол-

женъ былъ просто разсматривать проекты новыхъ фасадовъ, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять, также заниматься регуляроvanіемъ улицъ и площадей, проектированіемъ каналовъ, мостовъ и лучшимъ устройствомъ отдаленныхъ частей города, однимъ словомъ, одною только наружною его красотою. Членами въ него назначены инженеры и архитекторы.

Почти въ тоже время, графъ Ламбертъ, увѣдомля меня, что штатъ Комиссіи погашенія долговъ утвержденъ, и что она скоро имѣеть быть открыта, требуетъ извѣщенія: сохраняю ли я желаніе быть однимъ изъ ея директоровъ? ибо только въ противномъ случаѣ будетъ онъ почитать себя въ правѣ располагать мѣстомъ, на которое есть много просящихся. Прежде чѣмъ дать ему отвѣтъ, объяснилъ я Бетанкуру, что въ настоящемъ не видя ничего положительнаго, твердаго, я не могу отказаться отъ мѣста почетнаго, спокойнаго и выгоднаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что новому Комитету, который скоро долженъ будетъ открыть свои засѣданія, нужны канцелярія и чертежная, что онъ поручаетъ мнѣ составить первую и штатъ для обѣихъ, что себѣ, какъ правителю этой канцеляріи, могу я назначить жалованья сколько мнѣ угодно, что онъ все это поднесетъ Императору, и знаетъ напередъ, что все будетъ утверждено. Онъ совѣтовалъ мнѣ не быть слишкомъ скромнымъ, также не забыть достаточной суммы для найма квартиры Комитету, въ которой и я могъ бы имѣть удобное помѣщеніе.

Я расчелъ, что этотъ Комитетъ не что иное, какъ царская забава, что, повидимому, дѣла будетъ въ немъ немного, и что въ небольшомъ участкѣ, службою мнѣ отмежеванномъ, буду я полный господинъ. Къ тому же я всегда былъ немного суевѣренъ: рескриптъ на имя Бетанкура объ учрежденіи Комитета былъ подписанъ Государемъ 3-го Мая, день именинъ и рожденія матери моей, и я видѣлъ въ этомъ счастливое для себя предзнаменованіе. Итакъ, я поѣхалъ къ Ламберту благодарить его за двойныя обо мнѣ попеченія, и объявить, что отъ добра добра не ищутъ, и что я остаюсь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое по его же рекомендаціи я поставленъ.

Безъ этого проклятаго Комитета сколько бы провелъ я спокойныхъ годовъ! Винить мнѣ некого, кромѣ самого себя. Другіе промахи свои и неудачи всегда любятъ взваливать на людей и на обстоятельства; этому всеобщему пороку по крайней мѣрѣ не былъ я подверженъ. Но какъ избѣгнуть своего предопредѣленія? У меня, видно, на роду было написано увидѣть вблизи всѣ состоянія; неужели для того, чтобъ изобразить ихъ въ сихъ Запискахъ? Коли такъ, то въ слѣдующей главѣ постараюсь представить художниковъ, съ коими пришлось мнѣ коротко ознакомиться.

III.

Все прежнее поколѣніе архитекторовъ, которые въ концѣ Екатеринына вѣка, при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, украшали Петербургъ: Гваренги, Захаровъ, Старовъ, Воронихинъ, Бренна, Камеронъ, Томонъ, отошли въ вѣчность, иныя не достигнувъ еще старости; оставался одинъ только Рускó, и тотъ за ними скоро послѣдовалъ. Возникли новыя строительныя зажиточности, которыя, по мнѣнію знатоковъ, въ искусствѣ далеко отъ первыхъ отстали. Изъ нихъ четверо посажены членами въ Комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, какъ я самовольно его назвалъ. Если не портреты съ нихъ, то по крайней мѣрѣ абрисы, кроки хочется мнѣ снять.

Старшій по чину и первый по вкусу и таланту между ними былъ Карлъ Ивановичъ Росси, иностранецъ, родившійся въ Россіи. Кто былъ его отецъ, не знаю; но *chacun sait la tendre mère*, всякій зналъ родительницу его, нѣкогда первую танцовщицу на Петербургскомъ театрѣ. Въ лѣтописяхъ хореграфіи прославленное ею имя Росси согласилась она промѣнять не иначе какъ на столь же знаменитое имя Ле-Пика, которое въ царствованіе Екатерины громко доходило до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій. Въ Кіевѣ съ благоговѣніемъ проносилъ его танцевальный мой учитель Потд, и я затвердилъ его; но мнѣ не удалось восхищаться этою четой: вслѣдъ за смертію Екатерины и она куда-то закатилась. Слава ея однакоже не вдругъ исчезла, и мнѣ въ первой молодости неоднократно случалось читать на афишкѣ: «балетъ сочиненія балетмейстера Ле-Пика.» Дочь госпожи Росси, отъ втораго брака, хотя не поступила на сцену, но и не выступила изъ круга дѣятельности своихъ родителей. Она вышла за Огюста, брата сирены Шевалье, нѣкогда плѣннившей Павла и любимца его Кутайсова. Этотъ Огюстъ долго, очень долго танцевалъ и леталъ передъ нами зephyромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебелистію, не заставило его надѣть бороду, нашъ простой крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать по-русски.

Для Росси такой сценической знатности было мало: онъ пожелалъ быть артистомъ еще болѣе благороднаго разряда. Слѣдуя внутреннему признанію, онъ сдѣлался архитекторомъ и на семь избранномъ имъ пути нажилъ деньги, получилъ чины и кресты. Судьба однакоже не вдругъ отдѣлила его отъ родины, отъ мѣста, гдѣ онъ началъ жить и возрастать. Первымъ произведеніемъ его искусства былъ прекрасный деревянный театръ въ Москвѣ на Арбатской площади, который сгорѣлъ въ большомъ пожарѣ 1812 года. Онъ былъ еще красивъ и молодъ,

когда его отправили въ Москву; къ тому же былъ артистъ съ иностраннымъ прозваніемъ. Половины сихъ преимуществъ достаточно, чтобы пользующіеся ими въ Москвѣ обрѣтали рай. Кто знаетъ Московскія общества, тому извѣстно, съ какою жадностію воспринимается въ нихъ молодость людей разныхъ состояній. Успѣхи Росси въ сихъ обществахъ были превыше силъ его. Когда онъ воротился въ Петербургъ, друзья съ трудомъ могли его узнать: до того измѣнился онъ въ лицѣ, до того истощенъ былъ онъ наслажденіями, можетъ быть, душевными. Никогда силы къ нему не возвращались; но сіе тѣмъ полезнѣе было для его генія: при изнеможеніи тѣлесномъ замѣчено, что почти всегда изощряется воображеніе. Взамѣнъ здоровья, котораго лишился онъ въ барскихъ домахъ, приобрѣлъ онъ большой навыкъ въ свѣтскомъ обхожденіи. Онъ былъ привѣтливъ, любезенъ, и съ нимъ пріятно было имѣть дѣло.

За то, первый послѣ него, Василій Петровичъ Стасовъ, былъ совершеннымъ его контрастомъ. Кто онъ? Чтѣ онъ? Откуда онъ? Мнѣ вовсе неизвѣстно. Тотъ же мракъ, который изображали его взоры, покрывалъ и происхожденіе его. Онъ, кажется, былъ человѣкъ не злой, но всегда угрюмый, какъ будто недовольный. Суровость его, которая едва смягчалась въ сношеніяхъ съ начальствомъ, была слѣдствіемъ, какъ мнѣ сдается, чрезмѣрнаго и неудовлетвореннаго самолюбія. Онъ хотѣлъ быть законодательною властію Комитета и все предлагалъ правила, правда, стѣснительныя для владѣльцевъ, за то весьма полезныя въ разсужденіи предосторожности отъ пожаровъ.

Третій членъ, Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, былъ настоящій добрякъ; другаго названія ему дать не умѣю. Маленькій, веселый, простой этотъ человѣкъ былъ воспитанъ въ Академіи Художествъ и никогда потомъ съ нею не разставался, ни въ званіи академика, ни въ званіи профессора. Онъ никакъ не гнался за геніальностію, ничего не умѣлъ выдумывать, слѣдовалъ рабски за славными образцами, но, подражая имъ, умѣлъ однакоже изъ произведеній ихъ выбирать всегда лучшее.

Всѣ трое были зодчіе домашняго издѣлія; одинъ только четвертый былъ иноземный, хотя и не выписной. Прежде чѣмъ пріѣхалъ онъ въ Россію, г. Антоанъ Модюи посѣтилъ развалины Греціи; въ ихъ священномъ прахѣ искалъ онъ артистическихъ вдохновеній и, какъ мнѣ казалось, мало привезъ ихъ къ намъ съ собою. Какъ объ архитекторѣ, объ немъ говорить почти нечего; но пребываніе многорѣчиваго Парижанина въ классической землѣ Эсхила и Демосеена усилило въ немъ даръ краснорѣчія, и онъ сдѣлался ораторомъ нашего Комитета. Скоро открылъ я въ немъ новый талантъ: подобно Перро, былъ онъ и сти-

хотворецъ. Онъ подарилъ мнѣ небольшую тетрадь, по-французски напечатанную въ Петербургѣ подъ названіемъ: *Cirque et Lyra, le Cotras et la Lyre*, содержащую въ себѣ его стихотворенія. И что это такое! Ни одинъ ученикъ теперь во Франціи не позволить себѣ писать такіе стихи; между прочимъ я помню слѣдующіе:

Caulaincourt, ce mortel dont la reconnaissance
A jamais dans mon coeur grava le souvenir,
En parla près du trône et m'y fit parvenir.

То-есть: «благодарность Коленкура, который возвелъ его на престолъ», скажетъ тотъ, кто знаетъ по-французски. Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ явился здѣсь во время тѣснаго союза Наполеона съ Александромъ, когда Коленкуръ игралъ у насъ такую большую ролю и былъ довольно силенъ, чтобъ и этого шута представить самому Государю. Онъ былъ нрава совсѣмъ невеселаго, но вообще былъ добрый малый, и какъ Французъ, болтливъ и легкомысленъ.

Болѣе или менѣе всѣ эти великіе наши строители принадлежали къ старой школѣ. Для нихъ Ветрувій былъ тоже что Аристотель для литераторовъ и особенно для драматическихъ писателей. Какъ послѣдніе три единства на сценѣ почитали непреложнымъ для себя закономъ, такъ первые, видѣвъ четырехъ орденовъ, Дорическаго, Ионическаго, Тосканскаго и Коринтскаго, видѣли беззаконіе, нарушеніе священнѣйшихъ обязанностей, и композитный орденъ едва только допускали въ своихъ планахъ. Французская революція все ниспровергла, почти все поставила вверхъ дномъ; но, во дни владычества ужасныхъ и смѣшныхъ подражателей древней Греціи и Рима, классицизмъ въ художествахъ, въ наукахъ, во всемъ устоялъ и даже еще болѣе усилился. Въ императорѣ Александрѣ былъ вкусъ артиста, но въ тоже время пристрастіе военнаго начальника къ точности размѣровъ, къ правильности линій; и дабы регулярному Петербургу дать еще болѣе однообразія, утомительнаго для глазъ, учредилъ онъ этотъ Комитетъ. Члены добросовѣстно выполняли его намѣренія; планъ всякаго ново-строющагося домика на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ, представленный ихъ разсмотрѣнію, подвергался строгимъ правиламъ архитектуры. Одинъ только Бетангуръ вздыхалъ, видя невозможность въ этомъ случаѣ не сообразоваться съ волею Царя. Мальчикомъ любовался онъ прелестями Аламбры и фантастическими украшеніями Мавританскихъ зданій въ Севильѣ и всегда оставался поборникомъ кудрявой пестроты.

Три инженера участвовали въ засѣданіяхъ Комитета. Одинъ неизбѣжный для меня Третеръ, другой данный мнѣ въ утѣшеніе

вновь произведенный полковникъ Базень. Третій былъ весьма молодой майоръ Андрей Даниловичъ Готманъ, благородной наружности и пріятнаго обхожденія, болѣе всѣхъ отличившійся въ наукахъ воспитанникъ Инженернаго Института, Нѣмецъ, но католикъ, преимущественно знающій одинъ только Французскій языкъ, сынъ садовника, но ультралегитимистъ, благодаря стараніямъ воспитавшаго его архитектора Томона, а еще болѣе его жены.

Кромѣ одного Росси, никто изъ нашихъ членовъ не могъ тогда назвать публичнаго памятника, который былъ созданиемъ его творческой мысли. Другіе занимались дотолѣ одними частными строеніями, которыя, доставляя имъ небольшую прибыль, мало умножали ихъ извѣстность. Только Модюи, получая отъ казны жалованье, рѣшительно ничего не дѣлалъ и обидѣлся, когда ему предложили совершенную перестройку придворныхъ конюшенъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ находятся. Стасовъ не поспѣсивилъ и хорошо сдѣлалъ. Модюи же отвѣчалъ, что можетъ принять на себя возведеніе только тѣхъ зданій, которыя должны увѣковѣчить славу Александра, сдѣлать ихъ обонихъ безсмертными. Онъ нашелъ однакоже средство быть дѣйствительно полезнымъ: этимъ же лѣтомъ принялся онъ за составленіе проектовъ для новаго устройства внутреннихъ населеннѣйшихъ частей города. Въ нихъ было еще много пустырей, обширныхъ кварталовъ, одними садами и огородами занятыхъ; черезъ нихъ сталъ онъ проводить линіи и этимъ способомъ умножать сообщенія и сближать разстоянія. Всѣ его планы были одобрены; но, увы, не ему было поручено ихъ исполненіе. Напримѣръ, по его указаніямъ, по его рисункамъ, на мѣстѣ грязнаго двора передъ Аничковымъ дворцомъ, устроена большая площадь со скверомъ, съ Александринскимъ театромъ и съ высокими вокругъ него зданіями, и пробита улица вплоть до Чернышова моста. По его же проекту съ Невскаго проспекта отъ городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая къ новой площади, въ глубинѣ коей долженъ былъ возвыситься Михайловскій дворецъ, и которой однообразныя большія строенія должны были служить рамой. Все это начато и окончено безъ него и даже послѣ него.

Самоважнѣйшее дѣло, коимъ въ продолженіе перваго лѣта, по высочайшей волѣ, занимался Комитетъ, было постановленіе о тротуарахъ, которыхъ прежде не было въ Петербургѣ. Предметъ, конечно, важный, учрежденіе благотѣльное для пѣшеходцевъ; но и теперь безъ смѣху не могу я вспомнить сильныя пренія, которыя порождалъ сей вопросъ, важность, съ которою его обсуживали. Казалось, что дѣло идетъ объ узаконеніи, отъ котораго зависитъ благосостояніе государства.

Не помню, въ Іюнѣ или въ Іюлѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ изъ Парижа одинъ человѣчекъ, котораго появленіе осталось вовсе незамѣченнымъ нашими главными архитекторами, но котораго успѣхи сдѣлались скоро постояннымъ предметомъ ихъ досады и зависти. Въ одно утро нашелъ я у Бетанкура бѣлобрысаго Французика, лѣтъ тридцати не болѣе, разодѣтаго по послѣдней модѣ, который привезъ ему рекомендательное письмо отъ друга его, часовщика Брегета. Когда онъ вышелъ, спросилъ я объ немъ, кто онъ таковъ? «Право не знаю», отвѣчалъ Бетанкуръ: «какой-то рисовальщикъ, зовутъ его Монферранъ. Брегетъ проситъ меня, впрочемъ не слишкомъ убѣдительно, найти ему занятіе, а на какую онъ можетъ быть потребу?» Дня черезъ три позвалъ онъ меня въ комнату, которая была за кабинетомъ его и, указывая на большую вызолоченную раму, спросилъ, что я думаю о томъ что она содержитъ въ себѣ? «Да, это просто чудо,» воскликнулъ я.—«Это работа маленькаго рисовальщика», сказалъ онъ мнѣ. Въ огромномъ рисункѣ подъ стекломъ собраны были всѣ достопримѣчательныя древности Рима, Троянова колонна, конная статуя Марка Аврелія, триумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и такъ искусно группированы, что составляли нѣчто цѣлое, чрезвычайно пріятное для глазъ. Всему этому придавало цѣну совершенство отдѣлки, которому подобнаго я никогда не видывалъ. «Не правда ли», сказалъ мнѣ Бетанкуръ, «что этого человѣка никакъ не должны мы выпускать изъ Россіи?»—«Да какъ съ этимъ быть?» отвѣчалъ я.—«Вотъ что мнѣ пришло въ голову», сказалъ онъ: мнѣ хочется помѣстить его на фарфоровый заводъ, тамъ будетъ онъ сочинять формы для вазъ, съ его вкусомъ это будетъ неподобно; да сверхъ того можетъ онъ рисовать и на самомъ фарфорѣ.» Онъ предложилъ это министру финансовъ Гурьеву, управлявшему въ то же время и Кабинетомъ, въ вѣдѣніи коего находился заводъ. Монферранъ требовалъ три тысячи рублей ассигнаціями, а Гурьевъ давалъ только двѣ тысячи пять сотъ; отъ того дѣло и разошлось. Между тѣмъ онъ все становился со мною любезнѣе, до того что я рѣшился посѣтить его и мнимую его мадамъ Монферранъ, почти на чердакѣ, въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было проходить черезъ швальню портнаго Люилье. Онъ же дѣлалъ для меня прекрасные маленькіе рисунки, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я ни одного у себя не оставилъ, а всѣ раздарилъ въ альбомы знакомымъ дамамъ. За то я и затѣвалъ для него выгодное мѣсто, которымъ долженъ былъ онъ остаться доволенъ. Но пока оставимъ его, чтобы возвратиться къ Комитету.

Я чрезвычайно ошибся, полагая что дѣла въ немъ мнѣ будутъ очень мало. Надобно было составлять журналы засѣданій его; они сна-

чала были не длинны, и это бы еще не бѣда. Но по примѣру Бетанкура захотѣлъ Модюи, чтобы они писаны были на двухъ языкахъ; къ нему присталъ Третеръ, который также не зналъ по-русски, и Бетанкуръ потребовалъ, чтобы я удовлетворилъ ихъ желаніе. Скоро Модюи принялся витѣйствовать и подавать нескончаемыя мнѣнія, которыя цѣликомъ долженъ былъ я вносить въ журналъ, переводя ихъ на Русскій языкъ. Съ другой стороны, Стасовъ началъ представлять свои мнѣнія, варварскимъ языкомъ писанныя, и ихъ также осужденъ я былъ переводить на Французскій.

Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную, гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства, по ихъ прихоти, дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ. Пристрастіе къ тому, что называемъ мы Европейскимъ просвѣщеніемъ, народное самолюбіе наше осуждаетъ на непрерывныя пожертвованія; безпрестанно подавляя, оно наконецъ совсѣмъ можетъ истребить его. Что изъ насъ выйдетъ тогда? Россія какъ трупъ будетъ тѣло безъ души. Если я вполне не почувствовалъ тогда, сколь это унижительно для нея, то виною мое себѣлюбіе или эгоизмъ, если угодно. Прежде чѣмъ о ней подумалъ я о себѣ и находилъ обиднымъ, что архитекторы такъ самовольно могутъ располагать моими занятіями, и на этотъ счетъ объяснился съ Бетанкуромъ. «Пожалуста, не смотрите на нихъ, а знайте меня одного», отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно иногда случалось мнѣ въ его отсутствіи его именемъ объявлять имъ свою волю. Даже въ напрасномъ обремененіи этомъ видѣлъ я полезное для себя умноженіе труда: мнѣ хотѣлось настоящую жизнь свою, такъ-сказать, оторвать отъ прошедшаго своего бездѣйствія, закалить себя въ работѣ; съ остервенѣніемъ вооружился я противъ своей лѣни и съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ сталъ переводить съ языка на языкъ и Французскую болтовню Модюи, и Русское вранье *Стасова.

Первые мѣсяца полтора составлялъ я одинъ всю канцелярію Комитета и, не смотря на все рвеніе мое, мнѣ приходилось не въ мочь. Бетанкуръ все твердилъ мнѣ: «да зачѣмъ не наберете вы канцелярію? вы имѣете на то полную власть.» Это легко было сказать; въ надеждѣ на будущее жалованье заманить людей, которые бы, по крайней мѣрѣ, умѣли переписывать по-французски, было дѣло весьма трудное; однакоже и это не знаю какъ-то мнѣ удалось.

Въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ служилъ столоначальникомъ нѣкто Николай Яковлевичъ Ноденъ. Не знаю, легковѣріе ли его, или довѣрчивость, которую чистосердечіе мое внушало всѣмъ людямъ, а можетъ-быть и слабая надежда сколько нибудь умножить средства къ содержанію бѣднаго семейства, понудили его принять мое предложеніе,

только онъ согласился, не покидая настоящаго мѣста служенія, приходять ко мнѣ на помощь. Онъ былъ воспитанъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ мать его, Француженка, вдова танцмейстера той же націи, была инспектриссою при малолѣтнихъ кадетахъ *). Въ немъ не было достаточно ни способностей, ни познаній, чтобы когда-либо занять какое нибудь высокое мѣсто, но въ канцеляріяхъ такіе люди кладь: онъ былъ точенъ и неутомимъ. Не столько живости, сколько веселости было у него не въ умѣ, а въ характерѣ и необыкновенная кротость въ душѣ; сердиться онъ никогда не умѣлъ, а только иногда морщился, и за такого помощника, право, мнѣ можно было благодарить Бога.

Я не замедилъ составленный мною штатъ представить на усмотрѣніе Бетанкура. Ни предсѣдателю, ни членамъ никакого жалованья въ немъ не полагалось. Правителю же канцеляріи, то-есть самому себѣ, назначилъ я по двѣ тысячи пяти сотъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, секретарю по тысячѣ пяти сотъ, а двумъ помощникамъ его только по тысячѣ, да сверхъ того, начальнику чертежной тоже самое что правителю канцеляріи, и двѣнадцати чертежникамъ отъ пяти сотъ до тысячи рублей ежегодно. Служащимъ въ канцеляріи Комитета выговорилъ я право занимать другія должности въ иныхъ вѣдомствахъ, и Нодену, не отнимая его у департамента горныхъ дѣлъ, предназначилъ высокій титулъ секретаря. Мнѣ удалось завербовать ему и двухъ помощниковъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, молодой человекъ Прудниковъ, служащій въ канцеляріи министра финансовъ, и старшій братъ члена Готмана, учитель въ частномъ домѣ, но числящійся въ какомъ-то вѣдомствѣ, согласились нѣкоторое время трудиться при мнѣ безвозмездно.

Должность начальника чертежной берегъ я для Монферрана и чрезвычайно удивился, когда на сдѣланное мною о томъ предложеніе отъ Бетанкура получилъ отказъ. «Онъ для такой должности еще слишкомъ молодъ», отвѣчалъ онъ. Я, однакоже не отступилъ и выторговалъ ему, по крайней мѣрѣ, названіе старшаго чертежника, правда, безъ жалованья, но съ квартирою и съ суммою, равною жалованью, въ видѣ награжденія или пособія ему, отъ Комитета выдаваемою. Я долженъ былъ объяснить это Монферрану, который все съ благодарностію готовъ былъ принять, какъ будто предвидя, что все это скоро должно перемѣниться. Первый наборъ чертежниковъ, изъ воспитанни-

---

*) Въ перепискѣ съ Великимъ Фредерикомъ извѣстный безбожникъ, баронъ Гриммъ, говорить про нее слѣдующее: Эта госпожа Naudin какъ бывало ни поидеть къ обѣднѣ, дома у нея случится какое нибудь несчастіе. Когда неоднократно сіе повторилось, она воселикнула: Господи, прости меня, но дамъ клятву, что отнынѣ никогда нога моя не будетъ въ церкви.

ковъ Академіи Художествъ, сдѣланный съ помощію члена Михайлова, послѣдовавшій, однакоже, не прежде какъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Комитета, былъ также весьма удаченъ. Въ числѣ ихъ находились нынѣ извѣстные архитекторы: Брюловъ, Тонъ, Штакеншнейдеръ и Щедринъ.

Переписывались мы болѣе всего съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ, Вязмитиновымъ; но въ сношеніяхъ съ нимъ Бетанкуръ, чрезвычайно любимый Царемъ, умѣлъ, однакоже, сохранять совершенное равенство; съ переменною обстоятельствомъ въ послѣдствіи сіе должно было измѣниться. Съ другой стороны, и я, въ частыхъ сношеніяхъ съ двумя правителями канцеляріи его, никакъ не хотѣлъ признавать ихъ передъ собою первенства. Обоихъ громко обвиняли въ издоимствѣ; но я такъ уже привыкъ это слышать, что смотрѣлъ на нихъ безъ малѣйшаго отвращенія. Одинъ изъ нихъ, Адамовичъ, имѣлъ притязанія на образованность и пріятность формъ; другой, Перевопчиковъ, былъ веселый и ласковый плутъ; тотъ и другой, повидимому, старались мнѣ быть угодными.

Не выходя изъ скромной роли своей, Монферранъ, между тѣмъ, тайкомъ трудился надъ чѣмъ-то важнымъ. На словахъ Государь просилъ Бетанкура поручить кому-нибудь составить проектъ перестройки Исакиевскаго собора, такъ, чтобы сохраняя все прежнее зданіе, развѣ съ небольшою только прибавкою, дать видъ болѣе великолѣпный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло въ голову для пробы занять этимъ Монферрана, выдавъ ему планъ церкви и всѣ архитектурныя книги изъ институтской библіотеки. Чтѣ же онъ сдѣлалъ? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящіяся въ нихъ изображенія храмовъ, принаравливая ихъ къ величинѣ и пропорціямъ нашего Исакиевскаго собора. Такимъ образомъ составилъ онъ разомъ двадцать четыре проекта или, лучше сказать, начертилъ двадцать четыре прекраснѣйшихъ миниатюрныхъ рисунка и сдѣлалъ изъ нихъ въ переплетѣ красивый альбомъ. Тутъ все можно было найти: Китайскій, Индѣйскій, Готическій вкусъ, Византійскій стиль и стиль Возрожденія и, разумѣется, чисто Греческую архитектуру древнѣйшихъ и новѣйшихъ памятниковъ.

Въ это время начались ежегодныя, продолжительныя, непрерывныя путешествія Государя внутри Россіи, которыя не должны были прекратиться для него даже самою его смертію. Не знаю, до какой степени знакомили они его съ духомъ его народа и выгодами его государства. По возвращеніи его, въ глухую осень, изъ перваго такого путешествія, Бетанкуръ представилъ ему Монферрановскій альбомъ, прося одинъ изъ рисунковъ удостоить своимъ выборомъ: вѣр-

ный вкусъ Его Величества будетъ служить потомъ руководствомъ для исполнителей его воли. Нельзя было не восхититься искусствомъ рисовальщика, и Государь на время оставилъ у себя альбомъ.

На другой день Бетанкуръ, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ въ полголоса сказалъ мнѣ:

— Напишите указъ придворной конторѣ объ опредѣленіи Монферрана императорскимъ архитекторомъ, съ тремя тысячами рублей ассигнаціями жалованья изъ суммъ Кабинета.

Я изумился и не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Да какой же онъ архитекторъ? Онъ отъ роду ничего не строилъ, и вы сами едва признаете его чертежникомъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ онъ,—такъ и быть; пожалуйста помолчите о томъ и напишите только указъ.

Я собственноручно написалъ его, а Государь подписалъ.

А утвержденіе нашего штата, не смотря на возвращеніе Императора, все еще день отъ ото дня откладывалось. Наконецъ, только въ Декабрѣ вышло вдругъ милостивое рѣшеніе: на содержаніе Комитета выдать изъ уѣзднаго казначейства всю сумму сполна за весь истекающій годъ, а чиновникамъ—жалованье съ 3-го Мая, со дня подписанія рескрипта Бетанкуру. Сей послѣдній все еще упрямылся и, не смотря на великолѣпный титулъ, имъ доставленный Монферрану, опредѣлилъ его къ намъ только что старшимъ чертежникомъ. Онъ же, какъ мнѣ кажется, съ умысломъ ежился и гнулъся передъ нимъ, увѣряя его, что во всѣхъ большихъ постройкахъ настоящимъ архитекторомъ, великимъ строителемъ будетъ онъ самъ, Бетанкуръ, а онъ по возможности будетъ стараться облекать въ формы гениальныя его идеи.

Дабы кончить разговоръ о рѣшительномъ устройствѣ пресловутаго Комитета, необходимо долженъ я выступить за предѣлы 1816 года. Въ Январѣ 1817 нанялъ я для него, равно какъ и для себя, удобную и помѣстительную квартиру, въ домъ Шмидта, у Семеновскаго моста, на углу Фонтанки и Апраксинскаго переулка. Поселившись въ этомъ пріютѣ, который, по предчувствіямъ моимъ, столько лѣтъ долженъ былъ я занимать, и который, не превышая скудныхъ средствъ мои, какъ могъ, старался я лучше прибрать, ощутилъ я необычайную отраду. Мнѣ уже исполнилось тридцать лѣтъ, и тщетно усиливался я дотолѣ найти постоянное мѣсто и прочную службу, вездѣ встрѣчая неудачи. Оттого-то самая жизнь моя въ Петербургѣ была всегда кочевая; съ одной небольшой квартиркой часто переѣзжалъ я на другую малую. Тутъ было нѣчто похожее на осѣдность, и это единственный домъ, мимо котораго и доселѣ не могу я равнодушно пройти или проѣхать. Мнѣ сожи-

тельствовалъ Монферранъ, и первые мѣсяцы сосѣдствомъ его оставался я доволенъ. Послѣ началъ онъ зазнаваться; я долженъ былъ искать средства, чтобы оградить себя отъ неприятностей, которыя готовъ былъ онъ дѣлать, и онъ унялся. Чертежникамъ раздавалъ онъ работу; но они меня гораздо болѣе признавали своимъ начальникомъ. Однимъ словомъ, въ небольшомъ углу своемъ долго оставался я совершеннымъ хозяиномъ.

IV.

Не дѣлюю главу, а нѣсколько страницъ въ каждой части сихъ Записокъ посвящаю я обыкновенно описанію современнаго состоянія Русскаго театра. Здѣсь достаточно мнѣ будетъ на то нѣсколько строкъ; ибо въ предыдущей части довольно говорилъ я объ немъ, и остается только назвать нѣсколько новыхъ молодыхъ талантовъ, тогда показавшихся, изъ коихъ нѣкоторые и понынѣ украшаютъ нашу сцену.

Особенно примѣчательны были два актера, Сосницкій въ комедіяхъ и Рамазановъ въ водевиляхъ. Первому, въ цвѣтуція лѣта, удалось попасть въ общество образованныхъ людей; а какъ сверхъ того имѣлъ онъ и врожденное чувство свѣтской пристойности, то первый явилъ себя на сценѣ молодымъ человѣкомъ, котораго можно пустить въ лучшую гостиную. Другой, Рамазановъ, былъ живчикъ, который пѣлъ пріятнымъ голосомъ и весьма естественно игралъ не въ шутовскихъ, а въ веселыхъ и забавныхъ роляхъ.

Главною актрисою въ комедіяхъ была Валберхова, весьма еще не старая и красивая, но не совсѣмъ однакоже и молодая дѣва, дочь посредственнаго танцовщика Лѣсогорова, который перевелъ себя на Нѣмецкій языкъ, дабы вдушить зрителямъ болѣе къ себѣ уваженія. Она была, какъ увѣряли, примѣрной нравственности, скромна, добродѣтельна и отказалась отъ брака, для того чтобы прилежниѣ заниматься воспитаніемъ сиротъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ. Такія почтенныя свойства вредили однакоже ея таланту, когда приходилось ей играть вѣтренныхъ кокетокъ. Прикованный не любовію, а сожитіемъ, привычкою и общими выгодами къ другой актрисѣ, Шаховской тщетно, говорятъ, вздыхалъ у ногъ ея. Катерина Ивановна Ежова (мадамъ Жегова, какъ называли ее Французскіе актеры) была женщина или дѣвица хитрая и смѣлая. Домохозяйка его и мать его дѣтей, она держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ: змѣей обвилась она вокругъ его огромнаго туловища. Въ роляхъ сердитыхъ барынь на сценѣ заступила она мѣсто Рахмановой, которая по старости отошла на покой. Къ тому же и самый характеръ новаго рода крикуньевъ мало походилъ на тотъ, который такъ искусно изображала Рахманова.

Также и въ трагедіяхъ играла Валберхова и, казалось бы, гораздо превосходнѣе, если какой-либо второстепенный талантъ могъ бы выдержать сравненіе съ совершенствомъ игры Семеновой. Ни въ Россіи, ни за границей въ трагедіи я никого выше ея не видалъ. На театрѣ она казалась царицей среди подвластныхъ ей рабовъ, и по моему мнѣнію у насъ не умѣли ей довольно дивиться. Старѣющая Каратыгина иногда дерзала также показываться подлѣ Семеновой; а неблагодарная публика, которая прежде, не видавъ лучшаго, столько плѣнялась ею, смотрѣла уже на нее съ отвращеніемъ. Ей обѣщано было новое, живѣйшее удовольствіе: Гибдичъ и другъ его, Лобановъ, возвѣстили ей, что въ трагедіи, переведенной послѣднимъ, будетъ она изумлена игрой молоденькой актрисы Степановой, въ роля Ифигеніи. Я видѣлъ это первое представленіе и заодно съ публикой восторговъ не ощутилъ и не изъявлялъ.

Въ отсутствіи Французской труппы не одни мелкіе чиновники и гостинодворцы посѣщали Русскій театръ, но и лучшее общество. Дабы видѣть и слышать Семенову, соглашалось оно выносить неистоваго Яковлева, нашего простонароднаго Лекеня, который многія лѣта продолжалъ еще хрипѣть и ревѣть передъ зрителями. Для молодыхъ ролей, за неимѣніемъ лучшаго, былъ нѣкто Щениковъ; совсѣмъ не помню, когда онъ исчезъ и куда онъ дѣвался. Еще одинъ молодой купчикъ, Брянской, пошелъ въ трагическіе актеры; онъ былъ не безъ дарованій, говорилъ стихи очень внятно и рѣчисто и могъ бы, заступивъ мѣсто Яковлева, избавить насъ отъ него, но, къ сожалѣнію, былъ чрезвычайно холоденъ. Въ это время болѣе десяти лѣтъ уже находился онъ на сценѣ и о сую пору, кажется, не покидалъ ея; послѣ женился онъ на вышереченной Степановой, и она, благодаря сему союзу, и понынѣ еще въ числѣ подставныхъ актрисъ.

Примадонной въ оперѣ все оставалась меньшая Семенова, со столь же пышною красотой и со столь же тощимъ голосомъ. Первый теноръ былъ все тотъ же славный Самойловъ; второй теноръ былъ молодой человекъ Климовскій, какъ увѣряли, изъ Малороссійскихъ дворянъ, воспитанный въ придворной пѣвческой школѣ; голосъ у него былъ слабѣе чѣмъ у Сомойлова, но еще пріятнѣе, и музыку зналъ онъ лучше. Послѣ большаго пожара старая Сандунова изъ Москвы бѣжала въ Петербургъ и въ немъ осталась; ибо не было надежды, чтобы въ старой столицѣ театръ могъ скоро быть восстановленъ. Она согласилась играть роли старухъ, однакоже по нуждѣ заставляли ее выполнять ролю Весталки и другія, въ которыхъ былъ необходимъ ея уже не свѣжій, но еще сильный и чистый голосъ. Партію баса

пѣль весьма не худо Зловъ, также въ одно время съ нею изъ Москвы прѣѣхавшій пѣвецъ.

Танцовальныя зрѣлища лишились Дюпора, вмѣстѣ съ Жоржъ уѣхавшаго во Францію. Неизмѣнная чета Дидло опять осталась тогда одна, чтобы владычествовать въ балетахъ. Двое молодыхъ мальчиковъ, Люстихъ и Шемаевъ, обѣщали было сравняться съ Дюпоромъ, но не сдержали обѣщаннаго: поджилки скоро отказались имъ служить. Члены у Русскихъ бывають гибки только въ первой молодости; до старости всегда готовы они и бывають въ состояннн пахать и ратовать, но однимъ Французамъ отъ природы дана привилегія до могилы ловко прыгать и вертѣться. Доказательствомъ тому можетъ служить мусью Андре, котораго въ 1803 году видѣли мы довольно пожилымъ Французскимъ актеромъ и который, дабы не разставаться со сценою, въ это время неутомимо продолжалъ плясать на ней, что, двадцать лѣтъ спустя, дѣлаетъ онъ и понынѣ. Именной списокъ тогдашнихъ Русскихъ артистовъ заключаю я названіемъ искусной танцовщицы и извѣстной красавицы, дѣвицы Истоминой, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиною нѣсколькихъ поединковъ между ними и даже смерти одного изъ нихъ.

Въ самомъ главномъ управленіи театральномъ произошла тогда большая переменна. Вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ при Павлѣ сосланъ былъ въ Москву другой камергеръ, находившійся при Наслѣдникѣ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вызванъ по воцареніи Александра. Какъ въ характерахъ обоихъ князей-камергеровъ, такъ и въ степени довѣренности къ нимъ Государя была великая разница. Голицынъ былъ человекъ добродушный, отчѣнно веселый, но степенный и съ молода склонный къ набожности. Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одни только чувственныя наслажденія. Видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ Царя, онъ съ досады поселился въ Парижѣ и выѣзжалъ изъ него только во время разрыва Наполеона съ Россіей, впрочемъ не возвращаясь въ нее. Въ началѣ 1812 года для Русскихъ и въ Европѣ уже не было мѣста; во вниманіе къ прежней, если не службѣ, то преданности, Государь наградилъ воротившагося въ отечество блуднаго Тюфякина званіемъ гофмейстера при дворѣ и вице - директора театральныя зрѣлищъ. Въ концѣ 1814 года Александръ Львовичъ Нарышкинъ долженъ былъ сопровождать императрицу Елисавету Алексѣевну во время заграничнаго ея путешествія, и находя, что безъ Французской труппы ему ничего дѣлать, сохраняя званіе главнаго директора, все управленіе свое передалъ въ руки Тюфякина, а тотъ изъ нихъ его болѣе уже

не выпускалъ. Каждому свое: въ удѣлъ Голицына поступила церковь, Тюфякину достался театръ.

При начальникѣ, который вечеромъ никогда не бывалъ въ трезвомъ видѣ, власть Шаховскаго должна была умножиться. Его сожительница Ежова каждый вечеръ принимала у себя актрисъ, танцовщицъ и воспитанницъ театральной школы; преимущественно же послѣднихъ, дабы дать имъ болѣе ловкости въ обращеніи. Нѣсколько пожилыхъ и большая часть молодыхъ людей Петербурга добивались чести быть принятыми въ ея салонѣ. Освѣщеніе его и угощеніе, по крайней мѣрѣ чашкою чаю, сопряжено было съ издержками. Какими средствами вознаграждала она себя за нихъ, мнѣ не извѣстно. Изъ всендневныхъ посѣтителей сихъ составлялись дружины хлопунцовъ, съ которыми авторъ-хозяинъ всегда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Если литературная слава его чрезъ то нѣсколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала отъ этого. Эти, сначала, столь послушные посѣтители, видя, приобретаая большія права, сдѣлались вдругъ смѣлы и взыскательны. Часто доставалось отъ нихъ бѣдной Ежовой, говорятъ даже самому Шаховскому, до того, что они принуждены были, наконецъ, прекратить свое гостепріимство. Вотъ до чего иногда доводитъ сила страстей, даже самыхъ дозволенныхъ, повидимому, самыхъ полезныхъ просвѣщенію. И теперь безъ душевнаго сожалѣнія не могу вспомнить объ этой эпохѣ жизни слабаго, добраго князя, котораго послѣ пришлось мнѣ такъ много любить.

Пока неуваженіе свѣта и даже знакомыхъ постигало его, избранный имъ спокойный и безотвѣтный его противникъ Жуковскій все болѣе возвышался въ обществѣ мнѣніи. Ему, оставшему титулярному совѣтнику, какъ пѣвцу славы Русскаго воинства, по возвращеніи своемъ, Государь пожаловалъ богатый брилліантовый перстень съ своимъ вензелемъ и четыре тысячи рублей ассигнаціями пенсіона. Такую блестящую награду сочла Бесѣда, не знаю почему, для себя обидною; а Арзамасъ, признаться должно, имѣлъ слабость видѣть въ этомъ свое торжество.

Другое сильнѣйшее горе ожидало Бесѣду. Въ началѣ 1816 года, Карамзинъ, не бывавшій въ Петербургѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи Вяземскаго и Василя Львовича Пушкина. Самъ Государь принялъ его отлично, можно сказать, дружжелюбно. На изданіе уже написанныхъ имъ восьми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* велѣлъ отпустить ему шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, да, сверхъ того, съ чиномъ статскаго совѣтника, далъ ему прямо Анненскую ленту. Петербургъ — городъ придворный, казенный; примѣръ Царя сильно дѣйствуетъ въ немъ на людей; тутъ подражать было не

трудно: подь предлогомъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ Карамзина, удивленія къ его талантамъ, всё на перерывъ стали оказывать ему почтительныя ласки. Твореніе свое хотѣлъ онъ печатать въ Петербургѣ, и для того, на время возвратясь въ Москву, слѣдующею осенью прибылъ онъ со всѣмъ семействомъ своимъ и остался въ немъ.

Въ этой главѣ хочется мнѣ кстати досказать повѣсть о Бесѣдѣ и Арзамасѣ, хотя для того и долженъ буду выступить за предѣлы 1816 года. Одно будетъ не весьма длинно. Бесѣда въ этомъ году какъ будто исчезла, совсѣмъ пропала безъ вѣсти. Единственное засѣданіе ея, на коемъ я присутствовалъ, было едва ли не послѣднее; если потомъ и были они, то не публичныя и вѣрно очень рѣдко, ибо о нихъ и слуху не было. Единственный свѣтъ, ее озарявшій, слабѣлъ и тихо угасъ на берегахъ Волхова: лѣтомъ Державинъ заснулъ вѣчнымъ сномъ въ деревнѣ своей Званкѣ, невольно осудивъ на то и Бесѣду. Божество отлетѣло, и двери во храмъ его навсегда затворились.

Когда старуха-Бесѣда въ изнеможеніи силъ близилась къ концу, въ тоже самое время молодой соперникъ ея все болѣе крѣпился и мужалъ. Вѣкъ его былъ также коротокъ, но онъ оставилъ по себѣ долгия воспоминанія. Новыхъ членовъ, коими онъ обогащался, да позволено мнѣ будетъ назвать здѣсь по порядку, неизвѣстныхъ же читателю стараться познакомить съ нимъ.

Первые имъ воспріятыя были прибывшіе изъ-за границы два дипломата. По лѣтамъ своимъ Петръ Ивановичъ Полетика могъ нѣкоторымъ образомъ почитаться намъ ровесникомъ, но онъ всегда былъ старообразенъ: ему не было еще сорока лѣтъ, а казалось гораздо за сорокъ, и потому онъ не совсѣмъ подходилъ подь стать къ людямъ, изъ коихъ составлялась не академія, а общество довольно молодыхъ еще, пристойныхъ весельчаковъ. Онъ родомъ происходилъ отъ одного изъ Греческихъ семействъ, поселенныхъ въ Нѣжинѣ; отецъ его или дѣдъ, если не ошибаюсь, былъ послѣднимъ архіатеромъ, то есть, тѣмъ, что мы нынѣ называемъ генераль-штабъ-докторомъ. Онъ воспитанъ былъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранныя языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцованью, и все это было не худо; по крайней мѣрѣ, преподаны имъ средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ, самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ, тогда какъ нынѣ въ казармахъ, именуемыхъ корпусами, кадеты, отъ коихъ требуется знаніе одной фронтальной службы, сихъ средствъ съ малолѣтства навсегда лишены.

Нашъ Полетка не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ. Не знаю хорошенько, поступалъ ли онъ въ военную службу, только, навѣрное, не долго въ ней оставался. Семейство его находилось подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны; старшій братъ его нѣсколько времени былъ секретаремъ ея величества; изъ сестеръ, воспитанныхъ въ Смольномъ монастырѣ, одна попала во фрейлины и жила во дворцѣ. Съ такою опорой рано могъ онъ выбраться на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму. Служа въ Иностранной Коллегіи, состоялъ онъ при разныхъ миссіяхъ и изъѣздилъ почти весь свѣтъ. Мѣсто совѣтника посольства въ Мадридѣ было послѣднее, которое занималъ онъ съ 1813 года; оттуда, послѣ вторичнаго паденія Наполеона, вызванъ былъ въ Парижъ и, по заключеніи мира, причисленный къ дѣламъ коллегіи, прибылъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы получить новое назначеніе. Онъ былъ собою не видѣнь, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямоты, онъ соединялъ ихъ съ тонкостью, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его, совсѣмъ не притворная, была однакоже не безъ расчета; онъ такъ искусно, шутливо, необходимо умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣнь былъ въ немъ свѣдущій человекъ. Не зная вовсе спѣси, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, самъ же ни къ кому не чувствовалъ ненависти, и если чуждался запятанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, одержимъ онъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однакоже много забавно-почтенной оригинальности. Вообще, я нахожу, что благоразуміе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ. Изъ-за морей иногда показывался онъ въ Петербургѣ и потомъ вдругъ исчезалъ изъ него; во время сихъ быстрыхъ появленій, коротко познакомился онъ съ сослуживцами своими, Дашковымъ и Блудовымъ; мнѣ также не разъ случалось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать. Лишь только узнали о его пріѣздѣ, единогласно, громогласно призывали его въ наше общество. Онъ мало занимался Русскою литературой, хотя довольно хорошо ее зналъ; но, я повторяю, не одни литераторы намъ были нужны. Его бы слѣдовало принять почетнымъ членомъ: тогда ихъ у

насъ еще не было, все были одни дѣйствительные, и нареченный Очарованнымъ Челномъ, не знаю какъ-то, ускользнулъ онъ отъ обязанности произнести вступительную рѣчь. Недолго насладились мы его обществомъ: слѣдующею весной назначенъ былъ онъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ Мадрида и Парижа пріѣхалъ одинъ юноша, впрочемъ лѣтъ двадцати пяти, пріятель Дашкова. Отецъ Дмитрія Петровича Северина, Петръ Ивановичъ, служилъ когда-то капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка въ одно время съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службѣ, чтобы составить дружественныя связи между людьми, совершенно разныхъ свойствъ. Дмитріевъ былъ пріятелемъ Северина и еще болѣе жены его, гораздо умнѣе и просвѣщеннѣе мужа своего. Изъ этого заключали, что онъ былъ ея любовникомъ и даже приписывали ему родительскія права на рожденнаго отъ нея сына, хотя она была горбата и настоящій уродъ. Это была сущая ложь, а не клевета: ибо Дмитріева никто не думалъ осуждать за такое молодечество.

Спросить, почему Северинъ былъ Нѣмецъ, когда въ фамильномъ имени его нѣтъ ничего Нѣмецкаго? Почему капитанъ гвардіи былъ сынъ портнаго? Послѣдній вопросъ никто не сдѣлаетъ нынѣ, когда въ Россіи искусная маршировка доводитъ до высокихъ чиновъ. Во время же оно гвардія была военно-придворный штатъ; для того, чтобы удостоиться чести быть въ ней офицеромъ, нужны были извѣстное имя и большое покровительство. Чье же имя можетъ быть извѣстнѣе, если не людей, прославившихся въ ремеслахъ? Не все же перомъ да мечемъ; игла и шило также доставляли тогда славу. По однимъ преданіямъ и по стихамъ Дмитріева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Занотлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мнѣ очень памяты: молодые франты моего времени ими только и клялись. Кто помнитъ ихъ нынѣ? И сколько преемниковъ ихъ потонуло въ забвеніи! И, кажется, даже самъ мусью Буту, передъ которымъ гораздо позднѣе такъ благоговѣла молодежь. *Sic transit gloria mundi*. По крайней мѣрѣ эти люди умѣли наживать деньги и наживать трехэтажные каменные дома, предоставляя потомкамъ добывать чести. О портномъ Северинѣ могли дойти до меня только темные слухи и то по случаю знакомства моего съ его почтеннымъ внукомъ. Онъ былъ счастливѣе другихъ собратій своихъ, ибо слава имени его, скромно возникшая на каткѣ, сіяетъ нынѣ въ посольствахъ; жаль только, что бесплодіе Дмитрія Петровича не дозволяетъ надѣяться, чтобъ она перешла изъ рода въ роды *).

*) Два раза Северинъ былъ женатъ; послѣдній разъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ на

Когда Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, то отцу Северину, бывшему при Павлѣ Бѣлорусскимъ губернаторомъ, выпросилъ онъ сенаторство, а сына опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію и далъ у себя квартиру. Хотя мальчикъ вообще былъ чрезвычайно гибокъ передъ начальствомъ, находили на него иногда бѣшенныя минуты, въ которыя съ высшими дѣлался онъ также высокомеренъ и дерзокъ, какъ съ низшими. Дмитріевъ не переставалъ быть щекотливымъ, а избалованный Северинъ сталъ забываться и послѣ двухлѣтняго сожитія, въ одно утро, послѣдній былъ внезапно изгнанъ своимъ покровителемъ. Съ его же помощію былъ онъ потомъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получилъ мѣсто въ Гиспаніи, откуда воротился съ Полетикой. Что сказать мнѣ о семъ новомъ сочленѣ нашемъ? Въ сокращенномъ видѣ былъ онъ Уваровъ, съ тою, однако, великою разницею, что послѣдній былъ знатнѣе родомъ, гораздо красивѣе, во сто разъ умнѣе и богаче и даже добродушнѣе его. Я думаю оттого, что безмѣрныя притязанія Уварова давно уже обратились въ права, а Северина и понынѣ еще терзаетъ неудовлетворенное честолюбіе. Съ нами по крайней мѣрѣ не могъ и не умѣлъ онъ позволять себѣ ничего рѣзкаго. Кто же въ первой молодости былъ совершенно золъ? Счастіе почти всегда ласкаетъ юность, да и самыя неудачи такъ скоро забываются посреди тысячи развлеченій, тысячи наслажденій. Въ это время худенькій Северинъ былъ точно на молокѣ испеченный и отъ огня слегка подрумяненный сухарь. Съ годами взволнованная желчь, разливаясь по жиламъ и чертамъ его въ самый непріятный цвѣтъ, наконецъ, окрасила его лицо. Вотъ его наружность. Что касается до характера, это было удивительное сліяніе дерзости съ подлостію; но надобно признаться—никогда еще не видалъ я холопство, облеченное въ столь щеголеватыя и благородныя формы. У него были и литературныя права: благоволящій къ нему Жуковскій имѣлъ слабость чью-то басенку въ восьми стихахъ напечатать подъ его именемъ въ собраніи Русскихъ стихотвореній. Онъ былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарищъ по службѣ Дашкова, пріятелемъ обоихъ, и потому-то двери Арзамаса открылись предъ нимъ настежь.

Сейчасъ только что назвалъ я Вяземскаго, а онъ тутъ и является. Онъ и Пушкинъ, какъ сказалъ я выше, пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились въ Москву. Въ сіе короткое время одинъ усладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ. Весело и совѣстно вспомнить нынѣ

одной Нѣмкѣ и отъ своихъ браковъ не имѣлъ дѣтей. Онъ былъ нѣсколько времени повѣрникомъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи; теперь давно находится посланникомъ въ Баваріи.

проказы людей, хотя еще молодыхъ, но уже совсѣмъ не мальчиковъ: кто изъ тридцатилѣтнихъ теперь позволить себѣ такъ дурачиться? Въ первой части говорилъ уже я о первой встрѣчѣ моей съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, о метроманіи его, о его чрезмѣрномъ легковѣрїи; здѣсь нужно прибавить, въ похвалу его сердца, что всегда вѣрилъ онъ еще болѣе доброму, чѣмъ худому. Знакомые, прїятели употребляли во зло его довѣрчивость. Кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ, и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніала принятія его въ «Арзамасъ». Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ; и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ, не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина.

Ему возвѣстили, что непосвященные въ таинства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился подвергнуть имъ себя. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не бездѣлица, и что самъ онъ весьма утомился, пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ. Какъ странствующаго въ мірѣ семь безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, на дѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пелерина. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней, узкой и крутой лѣстницѣ свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопушекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія потомъ начавшаяся продолжалась около часа: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться; то вооружали его лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маской, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковскаго:

Чудище обло, озорно, трезвено и лавй.

Сіе чудище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ или Шипкова. Потомъ заставили его, поддержаннаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того... всего не припомню. Между всѣми этими продѣлками, члены произносили ему рѣчи назидательныя, ободрительныя или поздравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ дру-

гую длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненного цвѣта занавѣсъ, ее скрывавшая, онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣйливую и приличную. Когда послѣ я спросилъ его, не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ, *s'étaient d'aimables allégories*. Подите же послѣ того: родятся же люди какъ будто для того, чтобъ трунили надъ ними.

Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, въ предыдущемъ засѣданіи якобы совершенный надъ Вяземскимъ. При этомъ всѣ члены, исключая новопринятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время отмѣнить его, какъ тягостный для вступающихъ, такъ и довольно убыточный для вступившихъ. Не доставало балладъ, чтобъ давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе Вяземскій нареченъ «Асмодемъ», Пушкинъ сталъ называться «Вотъ», а Северинъ удачно прозванъ «Рѣзвымъ Котомъ». И дѣйствительно, этотъ, нынѣ старый, топкій котъ, былъ тогда ласковъ, по крайней мѣрѣ съ пріятелями, и про нихъ держалъ въ запасѣ когти, но не выпускалъ ихъ и въ самыхъ манерахъ имѣлъ еще игривость котенка.

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторые болѣе или менѣе знаменитыя лица: Карамзинъ, князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ Салтыковъ — извѣстные моему читателю и, наконецъ, Юрій Александровичъ Нелединскій Мелецкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Дмитриевымъ, единогласно избраны почетными членами или почетными гусями: титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ. Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго, невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, исполненнаго нѣжнѣйшей чувствительности и предававшася самой грубой чувственности, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много непотребныхъ.

Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровесникъ Карамзина и Дмитриева, сдѣлался онъ товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатю годами его моложе. Надобно имъ было чѣмъ нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе «Старосты Арзамаса», съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были уморительныя и остались у меня въ памяти; напримѣръ: мѣсто старосты «Вота», когда онъ на лицо, подлѣ предсѣдателя общества, во дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ... съ приличною размашкой; го-

лость его въ нашемъ собраніи... имѣть силу трубы и пріятность флейги, и тому подобный вздоръ.

Я полагаю, что еслибъ это общество могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласіе и могло долѣе продлить свое веселое существованіе; но Жуковскій безпрестанно вербвалъ новыхъ. Необходимо ихъ представить здѣсь.

Перваго назову я Дмитрія Александровича Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакоже учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде него. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ-быть, не увлеченъ былъ иль падевіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора Медицинскаго Департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человѣкъ весьма неглупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а, не знаю, какъ-то ни у кого къ нему сердце не лежало. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его «Пустынникомъ». Безнравственность его обнаружилась въ скоромъ времени; постыдные поступки лѣтъ черезъ семь или восемь до того обезславили его, что всѣ порядочные люди отъ него удалились, и въ Россіи, гдѣ общее мнѣніе ко всѣмъ такънисходительно, къ нему одному осталось оно немилосердо. Какъ будто сбылось пророчество Жуковскаго: около него сдѣлалась пустыня, и онъ всѣми забытъ.

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно принимали. Не знаю, какія предубѣжденія можно было имѣть противъ Александра Федоровича Воейкова. Я гдѣ-то сказалъ уже, что нашъ поэтъ госпитывается въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Буниныхъ. Катерина Авдасьевна Бунина, по мужу Протасова, имѣла двухъ дочерей, которыя, выростая съ нимъ, любили его какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана за сосѣда, молодого помѣщика Воейкова, когорый также писалъ стихи, и оттого-то у двухъ поетовъ составилось болѣе чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза: онъ былъ мужиковать аляповать, неблагороденъ; она же

настоящая Сильфида, Ундина, существо не земное, какъ увѣряли меня (ибо я только вскользь ее видѣлъ). Неужели это ему ставили въ вину? Да какое неуклюжество не простилъ бы я, кажется, за умъ; а въ немъ было его очень много. Въ душѣ его не было ничего поэтического, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Лучшее произведеніе его былъ переводъ *Демилле-выхъ Садовъ*. Какъ сатирикъ имѣлъ онъ истинный талантъ; всё еще знаютъ его *Домъ Сумасшедшихъ*, въ который помѣстилъ онъ друзей и недруговъ: надъ первыми смѣялся очень забавно, послѣднихъ казнилъ безъ пощады. Онъ былъ вольно-практикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду, и потому-то мнѣ не случилось доселѣ упомянуть о немъ. Никто, можетъ быть, такъ хорошо не зналъ Русскую словесность; доказательствомъ любви его къ ней служитъ принятіе званія профессора ея въ Дерптскомъ университетѣ. Это всёхъ удивило и многимъ не понравилось; наши дворяне, и особенно старинные, какъ онъ, гнушались тогда всѣмъ, что походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ названіемъ «Дымной Печурки».

Еще одного деревенскаго сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и въ манерахъ, поставилъ Жуковскій въ «Арзамасъ». Въ первой молодости, представленный въ большой свѣтъ, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ плѣнилъ его необыкновеннымъ искусствомъ подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ онъ кривляться и передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. Съ такою способностію нетрудно было ему перенять у Французовъ ихъ поговорки, всё ихъ манеры; и сіе дѣлалъ онъ уже не въ шутку, такъ что съ перваго взгляда нельзя было принять его за Русскаго.

Дочь фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышова, фрейлина Анна Ивановна, послѣ смерти отца, передъ цѣлымъ дворомъ обнаружилась стыдъ свой; чтобы прикрыть его, строгій, а иногда и снисходительный, императоръ Павелъ велѣлъ скорѣе прискаты ей жениха. Плещеевъ былъ вхожъ въ домъ ея родителя; за него перваго взялись, и онъ тутъ очень кстаги случился. Послѣ того молодые супруги удалились въ Орловскую губернію и при жизни ея никогда не возвращались въ Петербургъ.

Въ сельское убѣжище свое перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была ея знатность: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, *fêtes champêtres*, маскарадамъ конца не было. Плещеевъ былъ

Отъ природы славный актеръ, самъ игралъ на сценѣ и другихъ училъ; находили, что это чрезвычайно способствовало просвѣщенію того края. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны: онѣ были блестящія и столь же тяжкія для него оковы. Графиня не забывала свой титулъ и была чрезвычайно взыскательна съ мужемъ-дворяниномъ. Деревня ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ Блєвымъ, а сверхъ того и госпожа Протасова по мужу приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковскій всегда участвовалъ въ сихъ празднествахъ. Когда, овдовѣвъ, Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ возвѣстилъ намъ его какъ неизчерпаемый источникъ веселій; а намъ то и надо было. Сначала, дѣйствительно, онъ всѣхъ насмѣшилъ, но вскорѣ за предѣлами фарсы увидѣли совершенное ничтожество его. По смуглому цвѣту лица, всеобщій креститель нашъ назвалъ его «Чернымъ Враномъ»; наскучило, наконецъ, слушать этого ворона, даже тогда когда онъ каркалъ затверженое, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣланъ камергеромъ и членомъ театральной дирекціи; а послѣ Богъ знаетъ, чтѣ изъ него вышло.

По заочности были приняты еще два члена: Батюшковъ, какъ уже сказалъ я, подъ именемъ «Ахилла», и партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, подъ именемъ «Армянина». Первый слѣдующею осенью обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ, послѣдняго никогда мы межъ себя не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ и Пушкинымъ составили они отдѣленіе «Арзамаса», и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитріевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго «Арзамаса», не имѣя на то права.

Я все отълаживалъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ, вступившихъ въ «Арзамасъ», какъ нынѣ полагать должно, съ дурными замыслами. Тяжко мнѣ изображать людей, возбуждившихъ во мнѣ пріязнь и уваженіе, послѣ прославившихъ себя преступными заблужденіями, но коихъ память, не смотря на то, все еще осталась мнѣ любезна.

Не стану здѣсь повторять того, чтѣ говорилъ я о двухъ братьяхъ Тургеневыхъ, Андреѣ и Александрѣ (объ одномъ погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ; о другомъ, погубившемъ въ себѣ способности и знанія чрезмѣрною лѣностью ума и дѣятельностію тщеславія). У нихъ былъ еще третій братъ Николай, нѣсколькими годами моложе Александра. Искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество. Честолюбіе между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ развивалось съ лѣтами въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ. Опреѣленный въ службу по Иностранной Коллегіи, Николай Тургеневъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился въ Геттингенъ,

когда всё Нѣмцы кипѣли справедливымъ, но тайнымъ гнѣвомъ на истребителя не только независимости ихъ, но и самаго названія Германіи. Подъ именемъ Рейнскаго Союза, составленнаго изъ подданныхъ корольковъ, она не простиралась даже до Одера, а весь Сѣверъ ея до Любека присоединенъ былъ къ Франціи. Воспрянуть было невозможно: цвѣтъ юношества, всѣ жизненные силы государства искуснымъ Наполеономъ отрываемы были отъ родины, и мужество ихъ только что болѣе умножало порабощеніе ихъ отечества. Въ университетахъ сильнѣе другихъ профессоры и студенты томилась жаждою свободы и горѣли желаніемъ мести. Среди тайныхъ заговоровъ созрѣлъ и возмужалъ нашъ Тургеневъ, присталъ къ извѣстному либералу барону Штейну, и въ 1812 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Съ нимъ опять поѣхалъ онъ въ Германію, чтобы жителей возбуждать къ возстанію, что было весьма нетрудно, но опять повторю, не знаю, было ли это необходимо нужно. Онъ слѣдовалъ за нашею арміей, употребленъ былъ для разныхъ порученій и въ 1816 году окончательно воротился въ Россію.

Онъ не имѣлъ высокихъ дарованій старшаго брата своего Андрея, а замѣнялъ ихъ постояннымъ трудолюбіемъ. Имѣя врожденное чувство любви къ человѣчеству, оно въ немъ было усилено правилами какой-то превыспренней филантропіи, съ раннихъ лѣтъ ему преподаваемыми. По возвращеніи въ отечество, напедъ, что въ немъ усердно поклоняются кумиру его, свободѣ, расцелъ онъ, что пріспѣло время освобожденія отъ рабства освободителей Европы,—мысль столь же прекрасная, какъ и безразсудная! Съ безчисленными теоріями уже являлось къ намъ множество иностранцевъ, совершенно не знавшихъ народнаго духа Россіи, ни пороковъ, ни доблестей ея жителей, ни доброй, ни худой ихъ стороны, не подозревающихъ неодолимыхъ препятствій, которыя законодатель долженъ встрѣтить, еслибы дерзнулъ приступить къ совершенному ея преобразованію. Всѣ смотря на примѣръ Петра Великаго и полагаютъ, что у насъ стоитъ только приказать, дабы все измѣнилось. Онъ остригъ только верхушки деревъ, а до корней и онъ не смѣлъ коснуться. Къ числу сихъ иноземныхъ можно приписать и Тургенева, который образовался за границею. Но онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ со мною сколько разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома. Хорошо, еслибъ и другіе Русскіе, подобно ему, перенимали за границей у Европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ нихъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы обыкновенныхъ путешественниковъ нашихъ.

Не знаю, случай или природа, сдѣлавъ его хромымъ, осудили его болѣе на сидячую и уединенную жизнь и отдалили отъ общества, гдѣ мнѣнія, встрѣчая сопротивленіе, нѣсколько умѣряются и смягчаются. Къ тому же онъ былъ одаренъ великою твердостью (обратившеюся послѣ въ ужасное упрямство), а это людямъ почти всегда даетъ верхъ надъ другими. Старшій братъ его, Александръ, обратился и въ кадило, вѣчно передъ нимъ курящееся, и въ трубу, гремящую во всё концы хвалы его геніальности. А онъ, просто, былъ человекъ съ основательными познаніями, съ благими намѣреніями и несбыточными мечтами. Надобно, чтобы напередъ ты самъ себя увѣрилъ, что ты великій мужъ, потомъ смѣло возвѣсти о томъ: одни по разсѣянности, другіе по лѣви повѣрять тебѣ, а когда и очнутя, то дѣло уже сдѣлано, законность притязаній твоихъ всѣми признана. Такъ часто водится у насъ въ Россіи. Однакоже надобно и признаться, что Тургеневъ имѣлъ въ себѣ нѣчто всееляющее къ нему почтительный страхъ и довѣренность; онъ былъ рожденъ, чтобы властвовать надъ слабыми умами. Сколько разъ случалось мнѣ самому видѣть военныхъ и гражданскихъ юношей, какъ Додонскій лѣсъ посѣщающихъ его кабинетъ и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимающихъ непонятныя для меня слова, которыя, какъ оракулы, падали изъ устъ новой Сивиллы. Все тѣшило тогда Тургенева, все улыбалось ему. Въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ онъ на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Ламберта начальникомъ отдѣленія канцеляріи министра финансовъ *), и въ тоже время помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Все это, по мнѣнію его друзей, были только первые шаги, которые, несомнѣнно, немедленно должны были повести его къ званію министра, а ему было только что двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Однакоже, хотя послѣ и получалъ онъ чины и кресты, выше сихъ должностей никогда другихъ не занималъ онъ; читая же изданное имъ въ Парижѣ сочиненіе, можно подумать, что онъ дѣйствительно управлялъ у насъ какимъ-нибудь министерствомъ.

По тѣснымъ связямъ Александра Тургенева съ другими членами, былъ онъ принятъ въ «Арзамасъ» какъ родной, и кажется, ему самому въ немъ полюбілось. Тутъ онъ нашелъ нѣчто похожее на Нѣмецкую буршеншафтъ, людей уже довольно зрѣлыхъ, не забывающихъ студенческаго привычки. Въ немъ не было ни спѣси, ни педантства; молодость и надежда еще оживляли его, и онъ былъ тогда у насъ славнымъ товарищемъ и собесѣдникомъ. Въ душевной простотѣ своей, Жуковскій,

---

*) Это мѣсто было нѣкогда мнѣ предложено и обѣщано, когда я былъ еще моложе его и въ одинаковомъ съ нимъ чинѣ.

какъ будто всѣмъ предрекая будущій жребій ихъ, далъ Николаю Тургеневу имя убійцы и страдальца «Варвика». Онъ не скрывалъ своихъ желаній и хотя ясно видѣлъ, что ни одинъ изъ насъ серьезно не можетъ раздѣлять ихъ, не думалъ за то досадовать. Вскорѣ, движимый одинаковыми съ нимъ чувствами, вступившій къ намъ новый членъ былъ гораздо его предпримчивѣе.

Въ первые годы царствованія Екатерины, престолъ ея тѣсно окружали пять братьевъ-младшцевъ, изъ коихъ особенно трое были и ея любимцами, и любимцами народа Русскаго. Четверо изъ нихъ были женаты, но или не имѣли дѣтей, или законное ихъ потомство мужескаго пола въ первомъ поколѣннн прекратилось. Одинъ только, холостой Теодоръ, воспѣтый Державиннымъ орелъ

Изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухъ плыла,
Впреди Минервы свѣтлоюкой,
Когда она съ Олимпа шла,

имѣлъ четырехъ сыновей, которые рѣдствомъ и дородствомъ, мужествомъ и красотою могли равняться съ нимъ и съ братьями его. Я видѣлъ ихъ, когда, самъ почти малолѣтний, посѣщалъ я малолѣтнихъ товарищей моихъ Голицыныхъ въ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ они вмѣстѣ съ ними воспитывались. Съ двумя меньшими, Григоріемъ и Теодоромъ Орловыми, тогда и послѣ я вовсе не былъ знакомъ; съ двумя старшими, Алексѣемъ и Михайломъ, весьма мало, но случалось встрѣчать ихъ въ обществахъ и говорить съ ними. Всѣ четверо взяли за военное ремесло, всѣ четверо, не съ большимъ двадцати лѣтъ, украшены были Георгіевскимъ крестомъ; двое же меньшихъ, именно тѣ, съ коими не былъ я знакомъ, остановлены были на пути славы ядрами, оторвавшими у каждаго по ногѣ; одинъ запропастился въ Россіи, другой поселился, говорятъ, въ Италіи. Итакъ, остается мнѣ говорить лишь о старшихъ, или лучше сказать объ одномъ, и развѣ коснуться только другаго.

Завидна была ихъ участь въ юности; завиднѣе ея не находилъ я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ служили, отлично приняты въ лучшихъ обществахъ, вездѣ встрѣчая нѣжныя улыбки женщинъ,—не знаю, чего имъ не доставало. Судьба, къ нимъ столь щедрая, спасла ихъ даже отъ скуки, которую рождаетъ пресыщеніе: они всѣмъ вполне наслаждались. Имъ стоило бы только не искушать Форуну напрасными затѣями, а съ благодарностію принимать ея дары. Старшій братъ, Алексѣй, это и дѣлалъ. А второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, ими дышащему, каза-

лось мало собственнаго благополучія: онъ безпрестанно мечталъ о счастіи согражданъ и задумалъ устроить его, не распознавъ, на чемъ преимущественно оно можетъ быть основано.

Когда я гляжу на Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, нынѣ графа, мнѣ кажется, я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью. Зефиры надуваютъ парусы ея, и она спокойно и весело плыветъ по теченію величественной рѣки между цвѣтущихъ береговъ; и она будетъ столь же безопасно плыть, я увѣренъ въ томъ, до того самаго предѣла, за которымъ исчезаетъ весь родъ человѣческій. Тамъ порузится она только

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abîme sans retour.

А бѣдный братъ его, какъ ладья, тяжелымъ грузомъ думъ обремененная, отважно пустился въ море предпріятій и расплылся о первый подводный камень.

Съ перваго взгляда, въ двухъ братьяхъ-силачахъ замѣтно было нѣчто общее, фамильное; но при малѣйшемъ вниманіи легко можно было разсмотрѣть во всемъ великую разницу между ними. Съ лицомъ Амура и станомъ Аполлона Бельведерскаго у Алексѣя примѣтны были мышцы Геркулесовы; какъ лучи постоянного счастія и успѣховъ, играли румянецъ на щекахъ и вѣчная улыбка на устахъ его. Красота Михаила Орлова была строгаго стиля, болѣе мужественная, болѣе величественная. Одинъ былъ весь душа, другой весь плоть; гдѣ же былъ умъ? Я полагаю, въ обоихъ. Только у Алексѣя былъ совершенно Русскій умъ: много догадливости, смышленности, смѣтливости; онъ рожденъ былъ для одной Россіи, въ другой землѣ не годился бы онъ. Въ Михаилѣ почти все заимствовано было у Запада: въ конституціонномъ государствѣ онъ равно блисталъ бы на трибунѣ, какъ и въ бояхъ; у насъ подъ конецъ былъ онъ только что сладкорѣчивымъ, пріятнымъ салоннымъ говоруномъ.

Однакоже и въ Россіи тогда уже былъ онъ хотя самымъ молодымъ, но совсѣмъ не рядовымъ генераломъ. Императоръ имѣлъ о немъ высокое мнѣніе и часто употреблялъ въ важныхъ дѣлахъ. Въ день Монмартрскаго сраженія, его послалъ онъ въ Парижъ для заключенія условій о сдачѣ сей столицы. Послѣ того отправленъ былъ онъ къ Датскому принцу Христіану, объявившему себя Норвежскимъ королемъ, дабы уразуметь его и заставить примириться со Швеціей и Бернадотомъ. И такой препрославленный человѣкъ пожелалъ быть съ нами! Съ восторгомъ приняди мы его. Не знаю почему, я думаю, по правымъ рѣчамъ его, какъ чистыя струи «Рейна», у насъ получилъ онъ названіе сей рѣки.

Я говорилъ и даже съ похвалою объ отсутствующемъ сынѣ Катерины Феодоровны Муравьевой, Никитѣ Михайловичѣ. Послѣ войны этотъ юноша воротился къ матери, полонъ радости и надеждъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба года два или три сряду сражался онъ за независимость Европы; тиранъ, ее угнетавшій, палъ, и все обѣщало въ непродолжительномъ времени ей и отечеству его окончательное освобожденіе отъ всякаго поноснаго ига. Бѣдный Муравьевъ! Какъ не быть иногда фаталистомъ, когда видишь людей, которыхъ судьба какъ будто насильно, взявъ за руку, влечетъ къ бѣдамъ и гибели? Добродѣтельный отецъ Муравьева былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; злая мать его была недовольна Государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть; наконецъ, нечестивый Магіеръ (котораго прошу вспомнить) съ младенчества старался якобинизировать его *). Случай свелъ его въ Парижѣ съ Сіэсомъ и, что еще хуже того, съ Грегуаромъ. Французская революція, точно также какъ исторія Рима и республикъ среднихъ вѣковъ читающему новому поколѣнію знакома была по книгамъ. Всѣ дѣйствующія въ ней лица унесены были кровавымъ ея потокомъ; изъ нихъ небольшое число ее пережившихъ, молніеподобнымъ свѣтомъ, разлитымъ Наполеономъ, погружено было во мракъ, совершенно забыто. Встрѣча съ Брутомъ и Катилиной не болѣе бы поразила нашихъ Русскихъ молодыхъ людей, чѣмъ появленіе сихъ историческихъ лицъ, какъ будто изъ гробовъ возставшихъ, дабы вѣщать имъ истину. Все это сильно подѣйствовало на просвѣщенный наукою, но еще незрѣлый и неопытный умъ Муравьева: онъ сдѣлался отчаяннымъ либераломъ.

Слово *либерализмъ* въ это время только что начало входить въ употребленіе. Что значило оно? Въ настоящемъ смыслѣ щедрость; только оно происходило отъ другаго слова, *liberté*, то есть свобода. Наши тогдашніе либералы были дѣйствительно люди щедрые, не то что нынѣшніе, коимъ по большой части нечего терять. Почти всѣ тѣ, съ коими тогда я былъ знакомъ, были молодые люди съ богатымъ состояніемъ, по службѣ на прекрасной дорогѣ, которымъ въ настоящемъ порядкѣ вещей будущее сулило всякаго рода успѣхи; и всѣмъ этимъ готовы были они пожертвовать. Чему? Идеѣ. Однимъ словомъ, они готовы были, вопреки пословицѣ, промѣнять ястреба на кукушку, бессмысленно твердящую одно имя—свобода. Ими населена была гостинная госпожи Муравьевой; а какъ всѣ Арзамасы были также частыми ея посѣтителями, то сынъ ея безъ всякаго затрудненія поступилъ въ ихъ общ-

---

*) Сіе повтореніе мною сказаннаго считаю необходимымъ, дабы привести его на память читателю.

ство. Ему одному только не помню я, какое далъ прозваніе Жуковскій.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго Лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безыизвѣстности. Вышли государственные люди, какъ напимѣръ баронъ Корфъ, поэты какъ баронъ Дельвигъ, военноученые какъ Вальховскій, политическіе преступники какъ Кюхельбекеръ. На выпускъ же молодого Пушкина смотрѣли члены «Арзамаса» какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія; особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ «Арзамасѣ», казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необузданно, и мнѣ даже больно было смотрѣть, какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего, мнѣ казались противны. Спросить: былъ ли и онъ тогда либераломъ? Да какъ же не быть восемнадцатилѣтнему мальчику, который только что вырвался на волю, съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ и кипучею Африканскою кровью въ жилахъ, и въ такую эпоху, когда свободомысліе было въ самомъ разгарѣ. Я не спросилъ тогда, за чтѣ его назвали «Сверчкомъ»; теперь нахожу это весьма кстати: ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ: глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, еслибъ я могъ дописаться до счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали. Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ; другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, чтѣ въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе,—его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихія достаточно наполняетъ «Арзамасъ», чтобы сдѣлаться въ немъ преобладающею. Онъ задумалъ приступить къ его преобразованію и дать ему новое направленіе. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ собрались мы на дачѣ у г. Уварова; засѣданіе открыто было въ павильонѣ Штейна, какъ въ мѣстѣ особенно вдохновительномъ. Въ приготовленной имъ рѣчи, правильно по-русски написанной, Орловъ, осыпавъ всѣхъ насъ похвалами, съ горестію замѣтилъ, что превосходныя дарованія наши остаются безъ всякаго полезнаго употребленія. Дабы дать занятіе уму каждаго, предложилъ

онъ завести журналъ, коего статьи новостію и смѣлостію идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи. Расширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія общества, онъ находилъ необходимымъ и умножить число его членовъ; сверхъ того, предлагалъ каждому отсутствующему члену предоставить право въ мѣстѣ пребыванія его учреждать небольшія общества, которыя бы находились въ зависимости и подъ руководствомъ главнаго. Изумивъ сочленовъ своихъ неожиданностію предложеній, онъ надѣялся вырвать ихъ согласіе.

Не знаю какимъ образомъ о намѣреніи его заблаговременно предупреденный, Блудовъ отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. Учтивѣе, пристойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе нельзя дѣлать опроверженій; онъ доказывалъ ему невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества. Касаясь до распространенія свѣта наукъ, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей всегда обращается въ факель зажигательства; и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ. Когда вспомнишь это преніе, кажется, что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ.

Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело, и всѣ развѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была великихъ замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейти отъ нея къ чисто-политическимъ вопросамъ. Два вѣка, одинъ кончающійся, другой нарождающійся, встрѣтились въ «Арзамасѣ»; какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, люди перестали понимать другъ друга и скоро разсѣялись по лицу земли. И дѣйствительно, въ этомъ году, съ отлучкою многихъ членовъ, и самыхъ дѣятельныхъ, прекратились собранія, и «Арзамасъ» тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда почти нынѣ не встрѣчаемое, — неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Полагать должно, что въ воздухѣ бывають и нравственныя повальныя болѣзни: даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ. Арзамасскія тайнства, совсѣмъ не Элевзинскія, были секретомъ комедіи: мнѣ было ихъ мало. Въ домѣ у Оленина встрѣчалъ я иногда родственника его, одного Московскаго князька Голицына, который стороной, обинякомъ, иносказательно, разъ заговорилъ со мною объ удовольствіяхъ, коими люди весьма разсудитель-

ные наслаждаются вдали от свѣта. Я слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ, онъ предложилъ мнѣ быть проводникомъ моимъ въ масонскую ложу. Я далъ ему отвезти себя въ большой домъ на Фонтанкѣ близъ Аничкова моста; тамъ въ передней далъ завязать себѣ глаза и водить сверху внизъ и снизу вверхъ по комнатамъ. Не изъ опасенія казаться нескромнымъ или нарушить клятвенное обѣщаніе, мною данное, не буду я описывать здѣсь обряда, который совершается надъ вступающими въ масонство, а потому только, что всякій можетъ это найти въ печатныхъ книгахъ.

Хорошенько не знаю я исторіи этого ордена; усердные масоны возводятъ начало его до жрецовъ Изиды. Послѣ многихъ столѣтій Рыцари Храма обрѣли въ Иерусалимѣ таящійся его неугасаемый огонь и перенесли его въ Европу. Когда они были казнены и сожжены, слабые ихъ остатки скрылись въ Шотландіи и опять, послѣ столѣтій, возродились подъ именемъ Братства Вольныхъ Каменьщиковъ. Происхождение это заслуживаетъ вѣроятія, ибо Іаковъ Моле между ними почитается главнымъ святымъ мученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальною цѣлю ихъ учрежденія были желаніе мести и ниспроверженіе власти католическихъ государей и папы. Пока власть сія была неограничена, и они, закутанные въ аллегоріи, за непроницаемыми завѣсами ковали и изощряли на нее орудія, ихъ орденъ былъ силенъ и опасенъ. Самая цвѣтущая его эпоха предшествовала Французской революціи. Когда же, послѣ паденія престоловъ, королевская власть хотя опять и восстановлена, но въ камерахъ, въ журналахъ, въ памфлетахъ можно смѣло и явно нападать на нее, существованіе масонства сдѣлалось безсмысленно: народы не такъ уже церемонятся теперь съ царями. Къ намъ вошло масонство во второй половинѣ царствованія Екатерины, и завелись ложи даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, между прочимъ въ Пензѣ; вскорѣ послѣ начала революціи ихъ велѣно закрыть. Такъ много было еще тогда если не невинности, то невѣдѣнія, что масонство не оставило никакихъ вредныхъ впечатлѣній, ни даже памяти по себѣ. нашихъ добрыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ тѣшило фармазонство, и иногда замѣняло имъ камедь: они играли въ него какъ въ жмурки или въ фанты, прятались, рядились какъ о святкахъ и далѣе ничего не видѣли. Несовершеннолѣтніе народы, коихъ называютъ варварами, какъ дѣти и обезьяны, все охотно перенимаютъ и все скоро забываютъ, пока не выростутъ и не родится у нихъ собственный смыслъ, собственные страсти. На воспитателяхъ лежитъ, кажется, обязанность удалять отъ нихъ дурные примѣры.

Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его,

не мѣшало однакоже его распространенію. Оно понравилось своею новизной; любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, многихъ людей привлекали къ нему. Въ Москву, въ провинціи сначала не скоро оно проникло; вся сила его сосредоточилась въ Петербургѣ. Въ немъ показались два «Востока», или двѣ главныя ложи: одна «Астрѳея», а другая просто называемая «Провинціальною». Между ними было соперничество, и образовался какой-то скизмъ; не достигнувъ высшихъ степеней ордена, я не могу сказать, какіе догматы произвели ихъ несогласіе. Онѣ назывались также «Ложами-матерями», и каждая изъ нихъ народила много дочерей,—Русскихъ, Француженокъ, Нѣмокъ и даже Полекъ.

Я принять былъ въ ложу des Amis du Nord, Французскую, какъ имя ея показываетъ, находящуюся въ зависимости отъ «Провинціальной». Работы производились въ ней, то есть. обряды совершались на Французскомъ языкѣ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ отсутствующій генераль-маіоръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ. Мѣсто его занималъ служащій въ Пажескомъ Корпусѣ полковникъ Оде де-Сіонъ, предобрѣйшій человекъ, который не имѣлъ ни нахальства, ни буйства наци, къ которой принадлежалъ, а всю ея веселость и довольно ума, чтобы въ пажакъ и масонахъ вмѣстѣ съ любовью вселять къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Дабы дать понятіе о составѣ сей ложи, назову я главныхъ сановниковъ ея, двухъ надзирателей и обрядодержателя.

Прево де-Люмیانъ, Иванъ Ивановичъ, уже старикъ, настоящій оселъ изъ южной Франціи, ко всеобщему удивленію, въ Русской службѣ достигъ до чина генераль-маіора, и что удивительнѣе по артилеріи что, и еще удивительнѣе, при Екатеринѣ. Мужикъ добрый, не спѣсивый, онъ довольствовался мѣстомъ перваго надзирателя, втораго же занято было промотавшимся послѣ сыномъ графа Растопчина, Сергѣемъ. Тутъ свысока смотрѣлъ только Федоръ Федоровичъ, одинъ изъ пяти или шести надутыхъ братьевъ Гернгросовъ, о коихъ, кажется, уже я говорилъ. Онъ нажилъ въ карты довольно большое состояніе и сдѣлался ужаснымъ аристократомъ, во первыхъ потому, что не хотѣлъ посѣщать ни одного второстепеннаго дома въ Петербургѣ, (такъ какъ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ бралъ его иногда съ собою прогуливаться), но болѣе всего потому, что онъ женился на любимицѣ и воспитанницѣ Марьи Антоновны, прелестнѣйшей Англичаночкѣ, миссъ Салли, дочери какого-то столяра. Впрочемъ, можетъ быть, я и грѣшу, говоря о немъ всю правду; тогда какъ братъ его, находясь полковымъ командиромъ въ томъ полку, гдѣ зять мой Алексѣевъ былъ шефомъ, жилъ съ нимъ очень дружно; тогда какъ мать моя другому брату его, во время бѣгства его изъ Смоленска, дала убѣжище и пріютъ у себя

въ деревнѣ; наконецъ, тогда какъ самъ онъ за мною всегда чрезвычайно какъ ухаживалъ. Секретаремъ былъ отставной актеръ Далмасъ; всѣ же прочіе члены въ этой Французской ложѣ почти на двѣ трети состояли изъ Русскихъ и Поляковъ.

Главная «Провинціальная» ложа состояла изъ должностныхъ лицъ всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, да изъ нѣсколькихъ эмеритовъ, всѣ степени ордена перешедшихъ и во всѣ сокровенныя его тайнства проникнувшихъ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ графъ Михаилъ Вѣльгорскій, съ которымъ за годъ до того я познакомился; вторымъ же мастеромъ—Сергій Степановичъ Ланской, котораго слухъ тогда не былъ еще столько тупъ, какъ нынѣ, а понятія—какъ и всегда. Оба они въ томъ же качествѣ предсѣдали въ подвѣдомственной ложѣ *Елисаветы изъ Добродѣтели*, въ которой, равно какъ и въ «Провинціальной», работы производились по-русски. Она должна была служить нормой, образцомъ для всѣхъ другихъ сестеръ своихъ; всѣ узаконеніями установленные обряды соблюдались въ ней съ величайшею строгостію. Въ первомъ изъ общихъ собраній, Вѣльгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками Храмовниковъ не пользовалось доброю славою; казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ чувствомъ долга истиннаго, вольнаго Каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гулливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія пѣсы, спѣшили они пошататься, поѣсть, попить и преимущественно пошутить; всѣ материнскія увѣщанія «Провинціальной» остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елисаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Вѣльгорскаго, не встрѣтилъ я между ними ни одного человѣка уваженія достойнаго; особенно противенъ мнѣ былъ святоша ихъ, оберъ-прокуроръ Петръ Яковлевичъ Титовъ, отъявленный воръ и безстыдный взяточникъ. Лицемѣріе мнѣ всегда было гадко, а тутъ показалось оно мнѣ и глупо. Изъ чего эти люди бьются, подумалъ я, и кого они думаютъ морочить? Нѣтъ, лучше остаться съ моими Руссо-Французами.

Теперь трудно мнѣ будетъ вспомнить названія всѣхъ существовавшихъ тогда ложъ; постараюсь, однакоже, сіе сдѣлать. Подъ управленіемъ «Провинціальной», или *Владимира изъ порядку*, состояли слѣдующія:

1-я *Елисаветы изъ Добродѣтели* и 2-я *Сѣверныхъ Друзей*, мною уже названныя.

3-я *Дубовая Долина*, составленная изъ однихъ Нѣмцевъ разныхъ сословій, только не висшихъ. Они добросовѣстно, усердно занимались работами, а послѣ трудовъ отдыхали съ тою же важностію за кружками и бутылками и упивались, какъ будто не теряя разсудка.

4-я *Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей* — Русская, подъ управленіемъ второго и послѣдняго князя Лопухина, Павла Петровича, единственнаго сына князя Петра Васильевича. Одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ Семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Муравьевыхъ — Апостоловъ. Для одного только фразноса, великаго Николая Тургенева, отступлено было отъ общаго правила, и онъ тутъ также находился. Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность.

5-я *Александра къ Вѣнчанному Пеликану*, въ которой были ремесленники и всякая Французская сволочь. Были еще и другія ложи, но и ихъ или не зналъ, или не помню.

Подъ управленіемъ *Астреи* было болѣе тишины и согласія, болѣе сходства съ вѣкомъ Астреи. На семь Востоковъ царствовалъ, но не господствовалъ, Русскій вельможа, добрейшій человекъ, графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ; душою же его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣберъ, коренной старый Каменьщикъ, искусившійся въ дѣлахъ масонства, который умѣлъ сохранять дисциплину и порядокъ. «Астрея» была совершенная Нѣмка, ибо подвѣдомственные ей ложи, по большей части, состояли изъ Нѣмцевъ; изъ нихъ назову я только тѣ, коихъ помню имена: *Петра къ Истинѣ, Михаилла Избраннаго и Трехъ Добродѣтелей*.

Я бы себѣ не простилъ, еслибы ничего не сказалъ о великомъ мастерѣ первой, Егорѣ Егоровичѣ Элизенѣ. Сей добродѣтельный и ученый врачъ одаренъ былъ вторымъ зрѣніемъ, съ перваго взгляда угадывалъ болѣзнь каждаго; оттого всѣ удачныя его лѣченія. Въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, подружился онъ съ семействомъ моимъ и полюбилъ мое младенчество, въ Петербургѣ потомъ, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, былъ безвозмезднымъ моимъ цѣлителемъ: я смѣло могъ хворать, имѣя всегда готоваго спасителя, въ полдень, въ полночь, во всякое время дня. Не только когда я претерпѣвалъ крайнюю нужду, даже тогда какъ средства мои дозволяли мнѣ подносить ему дань благодарности, онъ всегда съ досадою отвергалъ ее. Послѣ наставниковъ къ добру, такихъ людей можно, кажется, почитать благодѣтелями своими.

На волненія въ «Провинціальной» ложѣ спокойно смотрѣла соперница ея, «Астрея», и тайкомъ переманивала къ себѣ недовольныхъ ею. Сѣверные Друзья были весьма многочисленны и бурливы. Чтò удивительнаго? Между ними было много Французовъ и Поляковъ. Сперва послѣдніе взбунтовались и составили изъ себя особливую ложу, подъ именемъ *Бълаго Орла*; вскорѣ дурному ихъ примѣру послѣдовали и Русскіе и основали ложу *Россійскаго Орла*. Я помаленьку отставалъ отъ масонства и не зналъ, чтò въ немъ происходитъ, какъ въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Гернгросъ съ объявленіемъ, что большая часть Французскихъ членовъ нашего союза готова отдѣлиться и перейти къ «Астрѣ», и что онъ главою этого возстанія. Почитая оппозиціей небольшія шутки, которыя изрѣдка позволялъ я себѣ надъ педантствомъ «Провинціальной», предложилъ онъ мнѣ быть участникомъ въ этой Французской революціи. Мнѣ показалось довольно смѣшно и забавно; я согласился, и мы завели ложу подъ названіемъ: *des Amis réunis, Со-единенныхъ Друзей*, гдѣ и стали масонствовать по-французски. Великимъ мастеромъ выбранъ Гернгросъ, а на меня взвалили многотрудную должность втораго надзирателя. Сначала это меня нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось, и по просьбѣ получилъ я совершенное увольненіе отъ дѣлъ. Сямъ кончается исторія моего масонства, коего существованіе скоро прекратилось во всей Россіи; ибо, видя въ немъ непонятную мнѣ опасность, нѣсколько лѣтъ спустя, правительство приказало закрыть всѣ ложи.

Это многочисленное братство продолжаетъ существовать въ западныхъ государствахъ безъ связи, безъ цѣли. Ложи ни чтò иное какъ трактиры, влубы, казино, и ихъ названія напечатаны вмѣстѣ въ *Путеводитель по Европѣ* г. Рейхардта. Нѣкоторая таинственность, небольшія затрудненія при входѣ въ нихъ задорятъ любопытство; разнообразныя обряды и мнимое повышеніе нѣкоторое время бываютъ занимательны, и все оканчивается просто одною привычкою. У насъ въ Россіи розгнанная толпа масоновъ разсѣялась по клубамъ и кофейнымъ домамъ, размножила число ихъ, и тамъ, хотя не столь затѣйливо, предается прежнимъ обычнымъ забавамъ.

V.

Мнѣ, право, совѣстно, что въ послѣднихъ трехъ главахъ сряду говорилъ я все о себѣ и о приключавшемся со мною. Какъ быть! Предыдущіе годы были гораздо обильнѣе предметами, болѣе чѣмъ я достойными вниманія читателей моихъ. Во всей Европѣ, какъ и въ Россіи, въ наступившіе годы было или казалось все тихо. У насъ это было дѣйствіемъ успокоенія умовъ, въ другихъ земляхъ слѣдствіемъ

усталости. Самъ императоръ Александръ какъ будто отказался отъ прежней дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ по гражданской части. За то по военной возникли новыя учрежденія, которыя въ отчаяніе приводили войско и народъ.

Неизвѣстно, Аракчеевъ подалъ ли Государю мысль о военныхъ поселеніяхъ, или, усвоивъ ее себѣ, сдѣлался ревностнымъ ея исполнителемъ и черезъ то болѣе чѣмъ когда нужнымъ Царю? Въ древности Римляне на берегахъ Рейна и въ Панноніи заводили вооруженныя колоніи, дабы защитить имперію отъ варварскихъ вторженій. Нынѣ въ Венгріи, вдоль по Дунаю, подъ именемъ Военной Границы поселены храбрыя Сербскіе полки. Во дни порабоженія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удачливостію своимъ долго изумляли окрестные края. То что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима и не спасла его, Провидѣнію угодно было сотворить для насъ. Отъ обоихъ береговъ Днѣпра, отъ пороговъ его, и вдоль по тихому Дону, перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта; она должна была какъ межа означить будущія владѣнія возвеличенной Имъ Россіи. Когда же онѣ достигли этой грани, то черта сама собою, естественнымъ образомъ, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконецъ, ее видѣли на Амурѣ, до втока его въ Тихое море. Запасъ самимъ Небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить Его, — казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовые ведеты силъ Русскихъ. Его заслуги неисчислимы.

Ничего съ нимъ общаго не могло имѣть Аракчеевское созданіе. Для чего внутри государства нужны военныя поселенія, и отъ какихъ внутреннихъ враговъ могутъ они защитить его? Вотъ вопросы, которые многіе другъ другу дѣлали. Надобно полагать, что Государь, во время послѣдняго пребыванія своего за границей, убѣдясь въ непокорномъ расположеніи западныхъ народовъ къ правительствамъ своимъ и предвида въ будущемъ новыя безпокойства, нашелъ необходимымъ для обузданія ихъ сохранить многочисленную армію, которая нужна ему была во время общей войны. Онъ думалъ о средствахъ сдѣлать сіе безъ обремененія государства, и несчастная мысль о военныхъ поселеніяхъ представилась ему. Вѣроятно, онъ открылся въ ней Аракчееву, который, избранъ бывъ главнымъ орудіемъ въ этомъ важномъ предпріятіи, не посягнулъ, или, скорѣе думать надобно, не захотѣлъ ее

оспаривать. Сначала, приступая къ дѣлу медленно, Государь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе колонизировать всю армію, которая, такимъ образомъ утроенная числомъ, сама бы себя содержала. Первый опытъ сдѣланъ надъ казенными и у помѣщиковъ на сей предметъ скупленными крестьянами въ селеніяхъ Новгородской губерніи, находящихся по близости къ владѣніямъ графа Аракчеева. Заведенный имъ въ достопамятномъ съ той поры селѣ его Грузинѣ ужасный порядокъ, превращающій людей въ безчувственные машины, сталъ распространяться на несчастныхъ хлѣбопашцевъ, въ окрестности живущихъ, и на воиновъ, посреди ихъ селимыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ по этому образцу заведены военныя поселенія въ Бѣлоруссіи, потомъ на Бугѣ и, наконецъ, въ Харьковской губерніи, въ Чугуевѣ. Кажется, что будущая дешевизна содержанія войскъ въ настоящемъ обходилась чрезвычайно дорого и была раззорительна для казны. Сіе самое остановило распространеніе зла, коего несчастныя послѣдствія были бы неисчислимы. Чего бы не могли сдѣлать полтора милліона людей недовольныхъ, измученныхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія, съ оружіемъ въ рукахъ?

Примѣръ казаковъ безъ всякаго пособія, безъ всякаго надзора образовавшихся, первоначально долженъ былъ породить мысль о семь чудовищномъ учрежденіи. Искусство въ этомъ случаѣ, подражая природѣ, думало превзойти ее. Произведеніе ея, совокупно съ обстоятельствами, казаки были какая-то особая стихія, въ составъ коей вошли всѣ другія. У нихъ все было свободно какъ степной воздухъ, коимъ они дышали; въ сердцахъ и взорахъ ихъ не угасалъ огонь отваги, движенія ихъ были быстры, какъ теченіе рѣкъ, по коимъ они селились, и между тѣмъ какъ земля ихъ, покорная законамъ той же природы, и они непринужденно повиновались властямъ надъ ними поставленнымъ. А тутъ бѣдные поселенцы осуждены были на вѣчную каторгу. Два состоянія между собою различныя впряжены были подъ однимъ ярмомъ: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, воина за соху. Русскій человѣкъ, трудолюбивый и безпечный вмѣстѣ, послѣ работы вмѣсто отдыха любить погулять на свободѣ. Чтò за дѣло, если изба его не слишкомъ чиста, лишь бы, по пословицѣ, красна она была пирогами. Отъ всего несчастные должны были отказаться: все было на Нѣмецкій, на Прусскій манеръ, все было счетомъ, все на вѣсъ и на мѣру. Измученный полевою работой, военный поселенинъ долженъ былъ вытягиваться во фронтъ и маршировать; возвратясь домой, онъ не могъ находить успокоенія: его заставляли мыть и чистить избу свою и мести улицу. Онъ долженъ былъ объявлять о каждомъ яйцѣ, которое принесетъ его курица. Чтò говорю я! Женщины не смѣли родить дома: чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ.

Жестокости Аракчеева не всѣмъ Русскимъ могли быть понятны: его безсердіе было чисто-Нѣмецкое. Онъ любилъ ломать безсильныя препятствія, неволить человѣческую натуру и все подводить подъ одинъ уровень. Всѣ выше мною означенныя подробности принадлежать ему исключительно, про многія изъ нихъ не вѣдалъ Царь. Терпѣніе, коимъ одарены Русскіе, у военныхъ поселянъ иногда лопалось: бывали сильныя возмущенія, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія ихъ *).

Между происшествіями въ мирное время важное мѣсто занимаетъ всякая перемѣна министра, и я долгомъ считаю ихъ означить здѣсь.

Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, фельдмаршала князя Салтыкова, не смотря на неудовольствія, которыя имѣли на него, не хотѣли тревожить, не трогали его съ мѣста, со дня на день все ожидая, что, какъ ветхое зданіе, онъ самъ собою разрушится: дѣйствительно, онъ не заставилъ долго ожидать кончины своей. На его мѣсто, въ концѣ 1816 года, назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, умный человѣкъ, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, бывшій генералъ-губернаторомъ, генералъ-прокуроромъ и министромъ юстиціи, но состарѣвшійся и слабѣющій. Такой именно предсѣдатель и нуженъ былъ Аракчееву, который одинъ тогда входилъ съ докладами къ Александру, по Совѣту и по Комитету Министровъ, и который во всѣ остальные годы его царствованія могъ почитаться первымъ министромъ.

Въ необычайное время, когда сношенія Русскаго правительства съ иностранными державами превратились болѣе въ личные переговоры Императора съ Европейскими государями, нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ измѣниться существовавшій по сей части порядокъ. Управление Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ какъ будто отдѣлилось отъ чисто-дипломатической части, и пока старшій чиновникъ первой, Дивовъ, управлялъ ею, два статсъ-секретаря подъ личнымъ наблюденіемъ Александра въ Вѣнѣ и Парижѣ занимались послѣднею.

Я почти мимоходомъ упомянулъ о безпримѣрно-долговѣчномъ министрѣ Нессельроде; здѣсь, кажется, мѣсто подробнѣе говорить о причинахъ возвышенія его и постоянства, съ коимъ сохраняетъ онъ пріобрѣтенное имъ положеніе. Есть люди самыя обыкновенныя, коихъ имя слѣпой случай какъ бы на зло природѣ дѣлаетъ всемірно-извѣстнымъ, примѣшивая его ко всѣмъ важнымъ событіямъ исторіи ихъ времени. Ихъ краткая біографія можетъ сдѣлаться занимательною.

---

*) Въ разныя времена бывають у насъ явленія, нѣкоторымъ образомъ между собою схожія. Напримѣръ устройство Государственныхъ Имуществъ нѣсколько напоминаетъ собою военныя поселенія. Всѣ эти испытанія, всѣ эти попытки преобразовать Россію суть настоящая для нея пытка. О, эти Европа и просвѣщеніе! Они для насъ тоже, что свобода для падшихъ народовъ: сколько ужасовъ и мерзостей ихъ именемъ творится!

Одинъ изъ членовъ младшей линіи (на берегахъ Рейна) знаменитѣйшаго дома Нессельроде-Эресговенъ, графъ Вильгельмъ, вступилъ въ Русскую службу при Екатеринѣ. Образованность, любезность его доставили ему много успѣховъ при ея дворѣ, и онъ отправленъ былъ ею чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лиссабонъ. Неизвѣстно, нужда ли, бѣдность, или любовь заставили его вступить въ неравный бракъ съ дочерью Франкфуртскаго банкира, Еврея Гонтара. Только надобно полагать, что въ Россіи былъ онъ уже женатъ; ибо во время морскаго путешествія на Англинскомъ кораблѣ, почти въ виду Лиссабонскаго рейда, родился нашъ герой, Карлъ Васильевичъ, сынъ его. По нуждѣ, слабаго ребенка посѣщили на кораблѣ окрестить въ Англиканскую вѣру, въ которой онъ и поднесъ остается. Отецъ его былъ протестантъ Лютеранской вѣры, а мать изъ Іудейской недавно перешла въ Римско-Католическую; жена и дѣти его Православныя. Сіе семейство, также какъ и Невскій проспектъ, можетъ служить доказательствомъ достойной похвалы и уваженія вѣротерпимости въ нашей землѣ и въ нашемъ вѣкѣ. Пожалуй, есть люди, которые находятъ въ этомъ совершенное равнодушіе къ вѣрѣ.

Въ изъявленіе особеннаго благоволенія своего къ отцу, Екатерина новорожденнаго сына его пожаловала прямо мичманомъ. Какъ бы изъ волнъ морскихъ возникшій маленькій Тритонъ, Нессельроде, еще въ пеленкахъ, посвященъ былъ бурной стихіи, среди коей родился. Павелъ Первый былъ еще милостивѣе къ этому семейству, и почти малолѣтнаго мичмана взялъ къ себѣ флигель-адъютантомъ и перевелъ поручикомъ въ конную гвардію. Но скоро въ юношѣ оказалось совершенное отсутствіе воинственныхъ доблестей, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; за то произвели его въ дѣйствительные камергеры, то-есть въ четвертый классъ. Тутъ начинается темная эпоха его жизни; объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ послѣ Тильзитскаго мира является онъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, предпочелъ онъ находиться въ канцеляріи графа Румянцова. Что могло заманить его туда? Уже вѣрно не ласки канцлера, который о умѣ и способностяхъ его имѣлъ самое невысокое мнѣніе. Можетъ быть, чутье, съ коимъ дѣти Израиля слышать близость глада; можетъ быть, тайныя предчувствія ожидающихъ его успѣховъ.

Они не обманули его. Изъ разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго дипломата, усовершенствоваль онъ себя только по одной части: познаніями въ поваренномъ искусствѣ доходилъ онъ до изящества. Вотъ чѣмъ умѣлъ онъ тронуть сердце перваго гастронома въ Петербургѣ, министра финансовъ Гурьева. Зрѣлая же, немного пере-

вѣлая дочь его, Марья Димитріевна, какъ сочный плодъ висѣла гордо и печально на родимомъ деревѣ и безпрепятственно дала Нессельроду сорвать себя съ него. Золото съ нею на него посыпалось; золото, которое для такихъ людей, какъ онъ, тоже что магнитъ для желѣза.

Затѣмъ вскорѣ послѣ свадьбы отправился онъ въ армию къ Барклаю? На этотъ вопросъ буду отвѣчать какъ Малороссіяне: «не скажу», то-есть не знаю; вѣроятно по тѣмъ же предчувствіямъ, которыя влекли его въ Петербургъ. Въ предыдущей части разсказалъ уже я, какъ сама судьба всунула его въ руку побѣдоноснаго Александра, и какъ пригодился онъ ему въ Парижѣ, гдѣ передъ этимъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Утверждаютъ, что по возвращеніи своемъ оттуда въ 1814 году, Государь на счетъ Нессельроде согласный съ мнѣніями канцлера Румянцова, сказалъ сему послѣднему: «Вы отказались отъ службы; я не хотѣлъ вамъ дать преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто, а по дорогамъ беру съ собою только писца.»

Въ толпѣ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ писецъ игралъ самую низшую роль. Нельзя было Государю того не замѣтить, и онъ избралъ ему сотрудника, который превосходствомъ своимъ долженъ былъ раздавить Нессельроде; но, по странному стеченію благоприятныхъ для него обстоятельствъ и сей соперникъ былъ для него не опасенъ. По окончаніи послѣдней войны съ Наполеономъ, Нессельроде назначенъ управляющимъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, какъ будто на мѣсто чиновника ея Дивова; заграничная же часть осталась въ рукахъ графа Каподистрія.

Этого человѣка лично я не зналъ, никогда его даже не видывалъ; не со многими былъ онъ коротко знакомъ, но отъ сихъ немногихъ много я объ немъ слышалъ. Боюсь, какъ бы не соврать, говоря о столь важномъ историческомъ лицѣ, но и умолчать о немъ не могу.

Послѣ паденія Венеціанской республики, принадлежавшіе ей Іоническіе острова поступили если не въ подданство, то подъ непосредственное покровительство Россіи, что одно и тоже. Слава этого полезнаго приобрѣтенія принадлежитъ Павлу Первому, и конечно это одно уже должно смягчить приговоръ надъ нимъ нашего потомства. Мои современники столь же равнодушно посмотрѣли на сіе достославное происшествіе его царствованія, какъ и на уступку владычества надъ семи островами Франціи, сдѣланную сыномъ его при заключеніи Тильзитскаго мира: мнѣ не случилось слышать, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о томъ. Мы еще были весьма не сильны въ Исторіи и въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда Англія, которая вскорѣ потомъ присвоила себѣ Іоническіе острова, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать намъ ихъ, — когда

Англія, говорю я, хорошенько проучить насъ, тогда мы будемъ умѣе и лучше будемъ понимать наши выгоды.

Извѣстно, что Венеціанскіе нобли отвергали всякія титула, каждый изъ нихъ почитая себя частицею догатаства или герцогства Венеціанскаго, и что они щедро раздавали графское достоинство подданнымъ республики, живущимъ вдоль Адриатическаго моря*). Уроженецъ изъ Корфу, неимущій графъ Іоаннъ Каподистрія (у насъ Иванъ Антоновичъ), въ Болонскомъ университетѣ, говорятъ, сперва, учился медицинѣ и едва ли не получилъ докторскаго диплома. Ему бы стоило отправиться въ Турцію и практиковать тамъ, чтобы нажить великое богатство; но онъ не имѣлъ склонности къ сему, впрочемъ, столь почетному и полезному дѣлу. Высокій умъ соединялся въ немъ съ благородствомъ чувствъ и непримѣрнымъ безкорыстіемъ: онъ казался выходцемъ изъ древней Греціи и современникомъ Аристиды. Кажется, въ это время отечество его, освободясь отъ черстватаго ига все болѣе испadaющей республики, познало надъ собою покровительственную власть великой имперіи. Въ это время всѣ восточные христіане, еще не обманутые въ своихъ надеждахъ, видѣли въ Россіи будущую свою спасительницу, а во всѣхъ Русскихъ сердцу милыхъ братій, которымъ одна необходимость препятствуетъ только летѣть къ нимъ на помощь. Каподистрія вступилъ въ Русскую службу, не покидая Корфу.

Ни Итальянское, ни Французское, ни Англинское владычество не приходились по сердцу жителямъ Кефалоніи, Корфу и Занте, коренымъ Грекамъ. Имъ гораздо радостнѣе было съ сѣверными единовѣрцами своими, которые принесли имъ съ собою жизнь и упованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, такъ же какъ и Каподистрія, подъ патронатствомъ Россіи, видѣли въ себѣ починъ, зародышъ новой Греціи. Англія, которая, какъ жадный Ахеронъ, никогда изъ рукъ не выпускаетъ добычи своей, истребила въ нихъ всю надежду. Дабы увидѣть по крайней мѣрѣ тѣнь ея на берегахъ Невы, Каподистрія переселился въ Петербургъ. Онъ не показывался въ большихъ обществахъ, за то въ маломъ кругу, который посѣщаль, возбуждалъ онъ энтузіазмъ. Онъ былъ еще молодъ; не столько красивыя и правильныя черты, сколько благородство ихъ выраженія дѣлали его примѣчательнымъ; высокая наука не пугала въ немъ, а нравилась. Канцлеръ Румянцовъ умѣлъ оцѣнить его достоинства и старался о скорѣйшемъ его повышеніи. Въ это время сблизился онъ съ семействомъ Молдавскаго бояра Стурдзы, коего

---

*) Мнѣ въ Петербургѣ давалъ уроки Итальянскаго языка нѣкто Варува, который, вмѣсто того чтобы хвастать своимъ графскимъ титуломъ, совѣстился признаваться въ неоспоримыхъ правахъ, которыя на него имѣлъ, и сердился, когда ему о томъ напоминали.

жена была Гречанка, а дѣти обоюго пола имѣли столь много разнообразныхъ познаній, что могли составить изъ себя семейную академію.

Тутъ прерываются свѣдѣнія мои о немъ: гдѣ былъ онъ употребленъ потомъ за границей, какія услуги оказалъ Россіи, мнѣ невѣдомо; знаю только, что въ концѣ 1813 года былъ онъ посланникомъ нашимъ въ Швейцаріи. При императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ находилась тогда за границею любимая фрейлина ея Роксандра Скарлатовна Стурдза, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ я знавалъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, имѣла она великую склонность къ мистицизму, что въ Вѣнѣ сблизило ее съ самимъ Александромъ. По связямъ ея семейства съ Каподистріей, она втайнѣ прочла его себѣ мужемъ и рѣшилась говорить о немъ Государю, который до тѣхъ вовсе его не зналъ. По ея совѣту, для испытанія вызвалъ онъ его на конгрессъ и оставилъ его потомъ при себѣ вторымъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда же назначенъ бы онъ былъ министромъ; но, къ сожалѣнію, онъ не зналъ Русскаго языка и, какъ выше я сказалъ, долженъ былъ съ Нессельроде раздѣлять управленіе сею частью. Они оба ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ Государю; но послѣдній при немъ присутствовалъ безсловесно. Самолюбіе его должно было жестоко страдать; но не знаю, лестно ли было и Каподистріи сотоварищество его. Безпрепятственно сличая сихъ людей между собою, императоръ Александръ невольнымъ образомъ одному изъ нихъ оказывалъ явное предпочтеніе.

По Военному Министерству, коего настоящею главой продолжалъ быть начальникъ штаба князь Волконскій, послѣдовала небольшая перемѣна. Военный министръ графъ Коновницынъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ всей артилеріи, баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельской, который, вѣрно, былъ добрый человекъ, ибо его никто не бранилъ. Похвалъ ему слышалъ я также мало, а только много насмѣшекъ на счетъ его необъятной толщины и зрителей въ ужасъ приводившаго обжорства.

Въ то же время Министерство Народнаго Просвѣщенія наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о Московскомъ дворцѣ своемъ и о подмосковномъ замкѣ и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряема быть другимъ. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ, который влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ. Мнѣ почти нечего сказать послѣ всего, что уже говорилъ я объ немъ; могу только

прибавить, что даже нашихъ знатныхъ людей прежняго времени, столь образованныхъ для свѣта, превосходилъ онъ любезностію и невѣжествомъ.

Малое министерство, коимъ онъ управлялъ, оставлено ему было въ приданое и въ соединеніи съ большимъ составило Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, раздѣленное на два департамента. Директоромъ перваго назначенъ уже управлявшій сею частью Александръ Тургеневъ. Въ этомъ департаментѣ положено быть четыремъ отдѣленіямъ: 1-е для дѣлъ православныхъ, 2-е для Римско-католическихъ, 3-е для протестантскихъ, 4-е для магометанскихъ и Еврейскихъ. Итакъ, Голицыну съ Тургеновымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристианскими; на негодованіе, на ропотъ нашего духовенства эти люди не обратили вниманія. До полученія званія министра, Голицынъ продолжалъ сохранять должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; тутъ на свое мѣсто избралъ онъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, нѣкоторымъ образомъ подчинивъ его департаменту духовныхъ дѣлъ. Должности у насъ, такимъ образомъ, часто подвергаются возвышенію и пониженію курса.

Въ департаментъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоръ Василій Михайловичъ Поповъ, кроткій изувѣръ, смиренный, простой человѣкъ, котораго однакоже именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ), что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ «Библейскаго Общества», которое не скрывало своего намѣренія, разливая свѣтъ Божественной книги, разсвѣять тьму нелѣпостей и суевѣрій, называемыхъ Греко-Каѳолическимъ Восточнымъ исповѣданіемъ. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, онъ, вмѣстѣ съ министромъ своимъ, сдѣлался гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей, во время управленія Голицына, было неимоверное.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, примѣру Разумовскаго послѣдовалъ другой Украинецъ, Трощинскій: онъ былъ правъ. Въ первые полтора года царствованія Александра, по гражданской части былъ онъ ближайшимъ къ нему человѣкомъ. Въ 1806 году вышелъ онъ въ отставку, а въ 1814 опять вступилъ министромъ юстиціи. Но съ 1812 года, исключая двухъ или трехъ, министры никогда не видѣли Царя: всѣ доклады ихъ шли черезъ Аракчеева. Никакая награда, никакое отличіе не ознаменовали тогда вниманія Государя къ Трощинскому; онъ былъ старъ и богатъ

и, можно сказать, бросилъ службу. Кому было поступить на его мѣсто, если не человѣку, для котораго суетливость и нѣкоторый кредитъ при дворѣ были необходимостью. Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, бѣшеный Димитрій Ивановичъ Лобановъ, князь Тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева, назначенъ былъ министромъ юстиціи. Не понимаю, какъ рѣшился Государь вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только не влопадь.

Въ эти годы одному удачному выбору, сдѣланному Государемъ, съ радостію рукоплескали обѣ столицы, дворяне и войска. Нужно было въ примиренную съ нами Персію отправить посла, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе въ Грузіи. Избранный по сему случаю представитель Россіи, однимъ видомъ, однимъ орлинымъ взглядомъ своимъ могъ уже дать высокое о ней понятіе, а простымъ обращеніемъ, вмѣстѣ со страхомъ, между Персіянами поселить къ ней довѣренность. Умъ и храбрость, добродушіе и твердость, высокія дарованія правителя и полководца, а паче всего неистощимая любовь къ отечеству, къ отечественному и къ соотечественникамъ, все это встрѣтилось въ одномъ Ермоловѣ. Говоря о семъ истинно-Русскомъ человѣкѣ, нельзя не употребить простаго Русскаго выраженія: онъ на все былъ гораздъ. При штурмѣ Праги мальчикомъ схватилъ онъ Георгіевскій крестъ, при Павлѣ не служилъ, а потомъ вездѣ, гдѣ только Русскіе сражались съ Наполеономъ, вездѣ войска его громилъ онъ своими пушками. Его появленіемъ вдругъ озарился весь Закавказскій край, и десять лѣтъ сряду его одно только имя горѣло и гремѣло на цѣломъ Востокѣ. Его наружность и превосходныя качества изображать здѣсь не буду, въ надеждѣ сдѣлать сіе, когда буду описывать время, въ которое осчастливленъ былъ его личнымъ знакомствомъ.

Желая что-нибудь предоставить Нессельроде, Коподистрія не хотѣлъ входить ни въ какія распоряженія при отправленіи посольства въ Персію. Имя Ермолова было весьма привлекательно; но онъ объявилъ, что возьметъ съ собою только тѣхъ дипломатовъ, которыхъ ему дадутъ, не участвуя въ ихъ выборѣ. Дашковъ пожелалъ быть совѣтникомъ этого посольства, и Нессельроде, не выдавъ еще его, далъ было слово назначить его на сіе мѣсто. Но превосходство ума всегда пугаетъ людей ничтожныхъ. Переговоривъ съ Дашковымъ, Нессельроде началъ дѣлать затрудненія, представилъ къ утвержденію совѣтникомъ одного г. Соколова, старѣе его чиномъ, несноснаго невѣжду, а ему велѣлъ сказать: не хочеть ли онъ быть секретаремъ посольства, зная, что тотъ

откажется. Черезъ полтора года графъ Каподистрія самъ предложилъ ему въ качествѣ совѣтника отправиться въ Константинополь.

Въ прервѣй разъ послѣ пожара, осенью 1816 года, Государь посѣтилъ Москву, которая изъ развалинъ начинала подыматься. Онъ оказалъ себя въ ней чрезвычайно милостивымъ и щедрымъ. Одинъ указъ, имъ подписанный тамъ, всѣхъ крайне удивилъ. Въ немъ было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они: первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно, наказаны; за что же, неужели по однимъ только подозрѣніямъ? А это походило на право выслуги, дарованное разжалованнымъ. вмѣсто того, чтобы объясниться, это дѣло стало еще темнѣе.

О Сперанскомъ совсѣмъ почти забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалѣть о немъ. Не знаю, назвать ли это добродушіемъ Русскихъ или слабодушіемъ ихъ? Онъ два года прожилъ въ Перми, нѣмъ почти не посѣщаемый; но человекъ съ высокими думами уединеніе всегда предпочтетъ обществу необразованныхъ людей. Въ бездѣйствіи, въ уныніи, онъ обратился, говорятъ, къ Богу, къ Подателю всѣхъ утѣшеній и занялся переводомъ *Подражанія Иисусу Христу* Фомы Кемпійскаго. Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемерія, желанія сблизиться вновь съ набожнымъ Императоромъ. Онъ не нажилъ богатства; все имущество его состояло въ небольшой деревнѣ близъ Новгорода, въ которую, по ходатайству сосѣда-Аравчеева, дозволено ему было переселиться. Оттуда, вѣроятно, пошли переговоры. Изъ всѣхъ отдаленныхъ губерній мысль о Пензѣ его менѣе пугала: она находилась вѣдь большихъ путевыхъ сообщеній; ея уединеніе, здоровый воздухъ ему нравились; тамъ же находилось преданное ему семейство Столыпинахъ. Теперь нѣсколько словъ о его предмѣстникѣ.

Въ 1815 году скончалась княгиня Варвара Васильевна Голицына. Изъ собственныхъ доходовъ удѣляла она большую часть сыну своему, дабы онъ могъ княжески поддерживать губернаторство свое; съ ея смертію лишился онъ этихъ средствъ. Дворянамъ между тѣмъ успѣли надобѣть его совсѣмъ незабавныя проказы. Онъ ничѣмъ не занимался; Арфаловъ же, бывший секретарь отца моего, въ Пензѣ самъ и правилъ, самъ и грабилъ (какъ Вяземскій сказалъ о Пестелѣ), и величался надъ дворянствомъ, которое начало громко роптать и самому губернатору оказывать холодность и пренебреженіе. И безъ того уже скучалъ онъ обязанностію жить въ Пензѣ: у всѣхъ этихъ Голицыныхъ не было никакого постоянства ни въ мысляхъ, ни въ дѣйствіяхъ; однѣ прихоти

всегда смѣнялись другими. Въ началѣ лѣта 1816 года князь Григорій Сергѣевичъ по просьбѣ уволенъ отъ службы, и мѣсто, имъ занимаемое болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ него оставалось празднымъ. Видно, тогда уже намѣрены были назначить Сперанскаго.

Вспоминая прошедшее, мнѣ какъ будто не вѣрилось. По извѣстіямъ изъ Пензы, Сперанскій полюбился тамъ своею кроткою и умѣренною обходительностію. Управление ладью послѣ стопушечнаго корабля не могло казаться важнымъ опытному моряку: оттого-то онъ мало входилъ въ дѣла, подобно предмѣстникамъ своимъ предоставляя большую власть Арфалову, въ которомъ помѣщики начинали уже видѣть неизбѣжную судьбину. Губернаторское мѣсто почиталъ Сперанскій почетною для себя ссылкой. Въ этомъ случаѣ я согласенъ былъ съ его мнѣніемъ и находилъ, что опредѣленіемъ его оно болѣе унижено чѣмъ возвышено.

Возвращаясь къ Пензѣ, мнѣ самому передъ собою дѣлается совѣстно: ибо, давно не говоря ни слова о моемъ семействѣ, я какъ будто совсѣмъ его забылъ. Въ это спокойное время никакихъ большихъ перемѣнъ въ немъ не послѣдовало, исключая одной, о которой буду говорить ниже. Братъ и вторая сестра моя съ мужемъ продолжали за границей пользоваться огромнымъ содержаніемъ, жили тамъ припѣваяючи, свободно разъѣзжали изъ Мобѣжа и Ретѣля въ Парижъ и Брюссель, одимъ словомъ, катались по Франціи, какъ сыръ въ маслѣ. Все болѣе старѣющая мать моя терпѣливѣе переносила вѣчную разлуку съ единственнымъ другомъ сердца своего. Старшая сестра моя, Елисавета, находясь при ней неотлучно, одна заботилась объ ея успокоеніи. Ей перешло гораздо за сорокъ лѣтъ, и она имѣла уже всѣ маленькія слабости старыхъ дѣвокъ, между коими маленькое тщеславіе занимало не послѣднее мѣсто. На публичныхъ балахъ Сперанскій всегда открывалъ ихъ съ нею Польскимъ, а у себя водилъ къ столу, какъ старшую въ чинѣ по матери. Это дѣлало ее совершенно счастливою, и она осталась понынѣ самою сильною защитницею незабвеннаго Михаила Михайловича.

Меньшая сестра моя, Александра, Москву и Петербургъ видѣла только мелькомъ и всю жизнь провела въ провинціи; въ ней было нѣсколько странностей, но и въ нихъ не было ничего столичнаго. Ей уже исполнилось двадцать пять лѣтъ, и я полагалъ, что ее ожидаетъ одинаковая участь съ старшею сестрой; однакоже она умѣла сыскать себѣ жениха въ Пензѣ.

Отъ времени до времени, на показъ читателямъ, все вытаскиваю я Пензенскихъ дворянъ и все не могу кончить, потому что я дѣлаю сіе только въ случаѣ крайней необходимости. Я не гово-

рилъ еще о семействѣ Юматовыхъ, состоявшемъ изъ матери-вдовы, трехъ замужнихъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій, Степанъ Ивановичъ, былъ женатъ, второй, Димитрій, былъ сумасшедшій; а третій, Петръ, еще чрезвычайно молодъ. У нихъ, вмѣстѣ у матери съ дѣтьми, было болѣе полуторы тысячъ душъ въ Саратовской губерніи, гдѣ лѣтомъ жили они въ родовомъ селеніи Юматовкѣ, а на зиму пріѣзжали въ Пензу. Анна Димитріевна Юматова была предобрѣйшая женщина, за то уже черезчуръ проста. Разъ случилось, что одинъ учитель изъ гимназіи, желая похвастаться ученостью, рассказывалъ при ней, какъ городъ Помпею завалило пепломъ изъ Везувія, и она нѣсколько ночей потомъ не могла заснуть въ безпокойствѣ, чтобы подобная бѣда не случилась съ Пензой. Никакого воспитанія дѣтямъ она не дала и не могла дать; только меньшей, семнадцатилѣтній мальчикъ, съ ополченіемъ ходилъ на войну, былъ въ Дрезденѣ, въ Лейпцигѣ и въ Гамбургѣ и между военными за границей немного понатерся. Возвратясь изъ похода, сдѣлался онъ первымъ Пензенскимъ танцовщикомъ и франтомъ. Онъ какъ-то полжбился сестрѣ моей и предложилъ ей руку. Мать моя не хотѣла согласиться по многимъ причинамъ: во первыхъ потому, что надъ семействомъ Юматовыхъ смѣялся весь городъ, и потому, что женихъ четыремя годами моложе невѣсты былъ только что коллежскій секретарь, а чинъ въ это время былъ еще преважное дѣло. У насъ пошла о томъ переписка, и я старался склонить мою мать на согласіе, представляя ей, что для дѣвицы, начинающей перезрѣвать, хорошій дворянинъ, добрый человѣкъ, имѣющій пять сотъ душъ, можетъ почитаться находкой. Въ Іюль мѣсяцѣ 1816 года совершился сей бракъ.

VI.

Лѣто тысяча восемь сотъ-семнадцатаго года ознаменовано было у насъ однимъ событіемъ, которое всѣ почитали тогда весьма обыкновеннымъ, но которое имѣло важныя послѣдствія для Россіи.

Въ началѣ 1814 года молоденькій великій князь Николай Павловичъ, съ меньшимъ братомъ, проѣзжая черезъ Берлинъ, во время отсутствія короля, во дворцѣ его былъ угощаемъ его семействомъ. Тутъ первый разъ въ жизни влюбился онъ въ старшую дочь его и умѣлъ понравиться сей только изъ ребячества выходившей принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣтская любовь сія не потухла, а скоро превратилась въ серіозную, въ настоящую. Дружественныя связи Императора съ королемъ брачный союзъ между ихъ семействами дѣлали возможнымъ, и въ 1816 году всѣ говорили о немъ какъ о дѣлѣ полагенномъ. Но главѣ сильнаго госу-

дарства, еще усиленнаго новыми пріобрѣтеніями, королю, искренно привязанному къ Лютеранскому исповѣданію, дать дочери своей дозволеніе оставить оное, конечно, должно было казаться великимъ пожертвованіемъ. Надобно полагать, что въ замѣнъ того тогда же тайно условлено было, чтобы великому князю быть непосредственнымъ наслѣдникомъ Императора, мимо Цесаревича.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхала невѣста въ сопровожденіи брата своего, принца Вильгельма; 25 числа, въ день рожденія жениха, было обрученіе, миропомазаніе ея и нарѣченіе Александрой Ѳеодоровной, а 1 Іюля, въ день ея рожденія, была свадьба. Я смотрѣлъ въ открытое окно на торжественный вѣздъ ея: особая честь, которую хотѣли оказать, дабы отличить ее отъ другихъ пріѣзжающихъ въ Россію принцессъ, но которая послѣ, дабы другимъ не было завидно, всеѣмъ была отдаваема. Въ открытой коляскѣ сидѣла она между двухъ Императрицъ; миленькое личико ея казалось слегка нахмуреннымъ; вмѣстѣ съ любопытствомъ выражало оно тотъ невольный страхъ, который молоденькія дѣвочки должны испытывать при совершенной перемѣнѣ жизни, при вступленіи въ новое семейство, въ новую отчизну. Все смотрѣли на нее съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастія ея матери.

Сзади верхомъ, рядомъ съ Прусскимъ принцемъ, ѣхалъ Государь съ видомъ чрезвычайно-довольнымъ. За нимъ слѣдовалъ Николай Павловичъ. Русскіе тогда еще мало знали его; едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всеѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію; но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясать міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плананіе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагоприятныхъ взорахъ его, какъ въ неясно-писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердце. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ

любимъ. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе.

Вскорѣ послѣ увеселеній по случаю сего брака, одинъ изъ обшихъ друзей нашихъ, Жуковскій, опредѣленъ былъ преподавателемъ Русскаго языка къ молодой великой княгинѣ. На сіе мѣсто императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, и безъ того милостиво къ нему расположенной, рекомендованъ былъ онъ Карамзинымъ, который, съ семействомъ совсѣмъ переселясь въ Петербургъ, начиналъ уже имѣть великій вѣсъ у Государя и у его матери. Жуковскій понравился новобрачной четѣ и сдѣлался близкимъ къ ней человѣкомъ. По его словамъ, ничего не могло быть трогательнѣе какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому, радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими. Жуковскій скоро и крѣпко прилѣпился къ тѣмъ, кои оказывали ему любовь, и охотно готовъ былъ всѣхъ хвалить. Вотъ отчего, хотя говорилъ онъ сущую истину, не совсѣмъ ему вѣрили. Я вообще замѣтилъ, что всѣ тѣ, кои пользуются семейнымъ домашнимъ счастіемъ, берегутъ его про себя какъ святыню, и блаженствомъ своимъ не спѣшатъ дѣлиться со свѣтомъ. Счастливый юноша, обожающій брата-Царя, какъ отцомъ имъ любимый, съ такою матерью, кака у него была, съ доброю, вѣрною и прекрасною подругой, съ которою жилъ онъ душа въ душу, имѣя занятія, согласныя съ его склонностями, безъ заботъ, безъ отвѣтственности, безъ честолюбивыхъ помысловъ, съ чистою совѣстію, чего недоставало ему на землѣ? О, какъ тяжель послѣ того долженъ былъ показаться ему вѣнецъ! Не даромъ, когда стоило ему надѣть его на себя, двѣ недѣли колебался онъ его принять. Но чтѣ о томъ говорить, чтѣ еще далеко у насъ впереди.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Государь со всѣмъ семействомъ, со всѣмъ дворомъ своимъ на цѣлую зиму поѣхалъ въ Москву, дабы болѣе поднять послѣ разоренія оживающую столицу. Жуковскій, невзначай придворный человѣкъ, отправился туда же, и съ его отъѣздомъ навсегда прекратились собранія «Арзамаса».

Въ Москвѣ всю зиму веселились и пировали, въ Петербургѣ тоже не скучали; а для меня эта зима была совсѣмъ не забавна. Первый разъ въ жизни посѣтила меня серіозная хроническая болѣзнь. Я почувствовалъ жестокою, мучительную боль въ лѣвой ногѣ; днемъ она утихала, а ночью будила и съ крикомъ заставляла покидать ложе. На счетъ сей болѣзни врачи были несогласны: одни въ ломотъ видѣли сильный ревматизмъ; другіе полагали, что боль происходитъ отъ прилива къ одному мѣсту дурныхъ соковъ, которыхъ, право, кажется, во

мнѣ не было. Но всё, не исключая Эллизена, находили, что зимой дѣлать нечего, и что я терпѣливо долженъ дожидаться весны, теплаго времени. Нѣкоторые посылали меня за Рейнъ, въ Висбаденъ, утверждая, что тамъ только могу получить я исцѣленіе. Мысль о путешествіи за границу никогда не приходила мнѣ въ голову: для такого предпріятія гдѣ бы взять я денегъ? Тутъ все само собою такъ устроилось, что путешествіе сіе сдѣлалось для меня возможнымъ и пріятнымъ.

Постоянно всю зиму Государь не оставался въ Москвѣ, на нѣкоторое время отлучался въ Варшаву и на нѣсколько дней въ Генварѣ пріѣзжалъ и въ Петербургъ. Его присутствіемъ воспользовался исполненный тогда ко мнѣ нѣжности Бетанкуръ, чтобъ испросить мнѣ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, да, сверхъ того, съ пожалованіемъ единовременно, въ видѣ вспомошествованія, годоваго моего оклада. Государь велѣлъ сдѣлать представленіе черезъ Комитетъ Министровъ и въ Мартѣ мѣсяцѣ его утвердилъ. Съ другой стороны, мать моя, узнавъ о тягостномъ положеніи моемъ, лишила себя четырехъ тысячъ рублей ассигнаціями, изъ числа сбереженныхъ ею денегъ, и ими снабдила меня на дорогу. Но все это было бы недостаточно, чтобы совершенно обезпечить меня на время сего дальняго (по тогдашнему) путешествія, есlibъ одинъ счастливый случай не пришелъ мнѣ на помощь.

Изъ всѣхъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Полетикъ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго называлъ даже перломъ Русскихъ дипломатовъ. Первый зимой изъ Лондона былъ имъ вызванъ въ Москву и, по его представленію, назначенъ тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Блудовъ же, также призванный въ Москву, на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ. Семейство его въ эти годы нѣсколько умножилось; при малолѣтнихъ дѣтяхъ нужны были няньки, кормилицы, чѣмъ вмѣстѣ съ прислугой заставляло его взять лишній экипажъ. А какъ мнѣ купить таковой было не подъ силу, и я страшился ѣзды въ дилижансахъ, мнѣ незнакомыхъ, а онъ отправлялся не моремъ, а черезъ Германію и Францію, то и предложилъ онъ мнѣ одно мѣсто въ своемъ, съ тѣмъ, чтобы счетъ издержкамъ на одну мою персону свести по окончаніи сей совмѣстной поѣздки. Сколь ни выгодно было для меня предложеніе сіе, я не отъ всякаго бы его принялъ. Вышло на повѣрку, что дѣло обошлось для меня еще дешевле, чѣмъ я ожидалъ; ибо, когда пришлось мнѣ, окончивъ путь, разставаться съ Блудовымъ, онъ объявилъ мнѣ, что счеты потеряны, и что не стобитъ спорить о такой бездѣлкѣ. Какъ быть? Вся деликатность поступка осталась на его сторонѣ. Однимъ словомъ, я прокатился даромъ.

VII.

Еще въ концѣ Марта уступилъ я даровую, казенную квартиру мою помощнику моему Нодену. За высокую для него цѣну, съ семействомъ, жилъ онъ дотолѣ въ наемной. И такъ, слава Богу, при этомъ случаѣ удалось и мнѣ кому-нибудь сдѣлать одолженіе. Я переселился къ Блудову, въ тотъ самый верхній этажъ купленнаго имъ потомъ каменнаго дома на Невскомъ проспектѣ, гдѣ за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ я такъ печально съ сестрой Алексѣевой. Вскорѣ приѣхалъ изъ Москвы и Петръ Ивановичъ Полетика и, пользуясь также гостепріимствомъ хозяина моего, поселился со мной рядомъ. У всѣхъ у насъ Апрѣль прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Наконецъ, 27-го числа началось второе мое большое и любопытное путешествіе. Такъ же какъ и при описаніи перваго буду я говорить единственно о тѣхъ предметахъ, которые *меня* занимали, которые во *мнѣ* возбуждали вниманіе. Нынѣ размножилась порода туристовъ; изъ самыхъ отдаленныхъ степныхъ губерній нашихъ, провинціалы такъ и валять въ чужіе края, и поѣздка за границу сдѣлалась столь обыкновеннымъ дѣломъ, скажу даже столь пошлымъ, что бывало въ старину поѣздка изъ Москвы къ Троицѣ или въ Ростовъ почиталась гораздо важнѣе. Слѣдственно соотечественникамъ рассказывать подробно о томъ, что они всѣ видѣли, а потомству о томъ, что оно, вѣроятно, увидить, почитаю занятіемъ совсѣмъ излишнимъ.

Въ день выѣзда нашего погода была самая благопріятная, и я довольно радостно отправился въ путь. Такъ стояла она и слѣдующіе дни; не смотря на то, множество затрудненій и непріятностей должны мы были сначала встрѣтить. Отобѣдавъ въ Петербургѣ, до Стрѣльны по гладкой дорогѣ доѣхали мы довольно быстро; на дворѣ было уже не рано, мы перемѣнили лошадей и намѣрены были ѣхать часть ночи. Шести верстъ не доѣзжая до станціи Кипени, подлѣ Ропши, поднимаюсь на небольшую гору, нашли мы ужасные сугробы снѣга, которые не успѣли еще стаять. Въ это время совершенно смерклось. Нельзя себѣ представить мучительнѣе ѣзды въ лѣтнемъ экипажѣ по глубокому полурастаявшему снѣгу, въ которомъ каждое колесо пробиваетъ новую колею. Положеніе бѣдной Анны Андреевны было ужасное: она сидѣла съ малыми дѣтьми и женщинами въ большой, тяжелой четверомѣстной каретѣ и каждую минуту видѣла опасность быть опрокинутою и разбибьтсь вмѣстѣ съ ними. Съ мужемъ ея слѣдовали мы въ открытой коляскѣ и также не весьма веселымъ образомъ качались со стороны на сторону; пѣшкомъ идти было тоже невозможно, ибо на каждомъ

шагу надобно было проваливаться. Не менѣ трехъ часовъ подвергнуты мы были этой пытке, и шагъ за шагомъ, уже за полночь узрѣли мы, какъ обѣтованную землю, красивый, чистый и хорошо прибранный станціонный домъ Кипени.

Мы спокойно переночевали и думали, что тутъ конецъ страданій нашихъ. На слѣдующее утро яркое солнце освѣтило передъ нами ужасную картину: на необозримомъ пространствѣ глубокій снѣгъ покрывалъ землю и ослѣпительно отражалъ лучи его. Намъ объявили, что придется намъ, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ верстъ бороться съ нимъ. Для Блудова съ семействомъ сыскали пару саней, женщины помѣстились въ коляскѣ, а я поселился одинъ въ опустѣвшей каретѣ и ѣхалъ въ ней, какъ въ ладѣ по бурнымъ волнамъ. Такимъ образомъ во все утро проѣхали мы одну станцію и въ обѣденное время, достигнувъ Каскова, расположились въ немъ немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычкѣ французить и каламбурить, назвалъ я эту станцію *casse-cou*; Блудовъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и наморщился. Однакоже, чтобы не захватить ночи, должны мы были отправиться далѣе. Непонятно, откуда взялось такое великое количество снѣгу; вѣроятно зимой со всей Россіи нанесло его на сей несчастный пунктъ. А воздухъ, между тѣмъ, былъ чистъ и усладителенъ; смѣшеніе солнечнаго жара со студеными испареніями земли производило пріятную прохладу. Выѣхавшій черезъ недѣлю послѣ насъ изъ Петербурга и обогнавшій насъ въ Пруссіи, Полетика сказывалъ, что на этомъ пути не встрѣтилъ и слѣдовъ снѣга. Послѣ обѣда съ трудомъ могли мы сдѣлать еще одну станцію до Чирковицъ. Тутъ, при вѣздѣ въ селеніе, не избѣгнулъ я цѣлый день грозившей мнѣ судьбины: карета упала на бокъ; какіе-то ларчики, дѣтскія игрушки полетѣли у меня мимо лица, мимо глазъ, ничего не повредивъ, и вся бѣда кончилась для меня небольшимъ испугомъ и великимъ затрудненіемъ вылѣзти изъ опрокинутой кареты. Я вхожу въ подробное описаніе непріятностей этого путешествія, потому что я испыталъ ихъ одинъ разъ, а другому можетъ быть, никогда не удастся.

На другой день, 29-го числа, вздохнувъ, отправились мы далѣе. Мы повстрѣчались съ однимъ весьма малоизвѣстнымъ, хотя и превосходительнымъ дипломатомъ, Крейдеманомъ, который возвращался изъ-за границы и проваливаясь шель пѣшкомъ за своей коляской. Съ трудомъ могли мы развѣхаться и помѣнялись извѣстіями о дорогѣ. Онъ обрадовалъ насъ, сказавъ, что въ двухъ или трехъ верстахъ не найдемъ мы болѣе снѣгу; а мы принуждены были объявить ему, что онъ вступаетъ только въ снѣжную пустыню. И дѣйствительно, скоро стали показываться большіе потоки воды, потомъ грязь, а подвѣзая къ Ополю,

нашли совсѣмъ сухую дорогу. Берегъ! берегъ! и на немъ въ умноженіе удовольствія нашего встрѣтила насъ веселая услужливая Нѣмка-трактирщица, которая славно насъ накормила и дешево взяла за обѣдъ. Не замѣшкавшись пустились мы впередъ; въ Ямбургъ только что перемѣнили лошадей и оттуда какъ бы мигомъ прискакали въ Нарву. Дорога, кажется, была мнѣ знакомая, въ третій разъ проѣзжалъ я тутъ, но ничего не узнавалъ на ней кромѣ красивыхъ почтовыхъ домовъ. Почувствовавъ необычайную усталость, особенно женскій полъ между нами, рѣшились мы остатокъ дня провести въ Нарвѣ, и изъ этого города для меня было настоящее начало нашего путешествія.

Мы въѣхали въ Эстляндію, печальную страну, гдѣ родился отецъ мой, гдѣ природа и люди равно жестоки къ обитающей ее несчастной Чуди, гдѣ послѣдніе завоеватели не могутъ или не хотятъ защитить жителей отъ угнетеній прежнихъ завоевателей. Въмѣсто селеній вездѣ разбросанныя мызы, вездѣ бѣдность, неопрятность и недовольныя лица; кой-гдѣ покажется кирхшпиль, деревянная кирка съ пасторатскимъ строеніемъ. Въ замѣнъ врожденной смѣлости, природнаго смысла и тѣлесныхъ силъ, коими Богъ одарилъ Русскихъ сосѣдей ихъ, бѣднымъ Чухонцамъ послалъ онъ христіанскую вѣру, которая, и въ обнаженномъ лютеранами видѣ своемъ, служить имъ утѣшеніемъ и даетъ надежду на лучший міръ, гдѣ будутъ они равны немилосерднымъ баронамъ своимъ. Они всѣ грамотные, не такъ какъ наши православные мужички, которые знаютъ одни лишь церковные обряды и ихъ только исполняютъ. Чтò бы ни говорили, а эдакъ мнѣ кажется лучше. Со сжатымъ трудами и, по лѣнливо-обращающейся кровп, тупымъ воображеніемъ Маймистовъ, они не уместуютъ; но у насъ, съ распространеніемъ грамотности, или родится безвѣріе, безнравственность, или размножатся расколы. Нужно только улучшить состояніе священниковъ и быть строже, осмотрительнѣе въ ихъ выборѣ, дабы гласъ Божій изъ устъ сихъ пастырей внятно гремѣлъ между нашими бойкими баранами и велъ ихъ къ благой цѣли. Вотъ меня куда занесло!

Съ дамами и дѣтьми ѣхать скоро невозможно. Проѣхавъ Вайвару, Іеве, мѣста мнѣ знакомыя и на дѣлѣ, и по слуху, сдѣлавъ не болѣе семидесяти верстъ, остановились мы ночевать въ Клейнъ-Пунгернѣ. На другой день, 1-го Мая, подлѣ станціи Ненналь увидѣлъ я въ первый разъ отчизну свѣтковъ, Чудское озеро. Громадныя льдины были еще прибиты къ берегамъ его, и отъ нихъ несло не совсѣмъ пріятною свѣжестію, а само озеро, отражая голубое небо, было красиво и чисто какъ стекло. Сдѣлавъ сто верстъ въ этотъ день, не доѣзжая Дерпта, на послѣдней къ нему станціи Игаферъ, ночевали мы не весьма покойно. Со званіемъ комиссара, то-есть по нашему, станціоннаго смотри-

теля, находился тутъ одинъ молодой еще студентъ, котораго, помню, звали Крейцбергъ. Онъ угощалъ близко отъ насъ прїѣхавшихъ изъ Дерпта товарищей; они курили, пили пиво, пѣли пѣсни, однимъ словомъ предавались Нѣмецкой швермерей. Хотя мы были очень далеко еще отъ Германіи, но все ее уже возвѣщало.

Рано поутру 2 Мая, прїѣхали мы въ Дерптъ и остановились въ деревянномъ одноэтажномъ, чистенькомъ домѣ, который, кажется, назывался гостинница Аландъ. Связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою. Въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ былъ онъ воспитанъ. Александру Федоровичу Воейкову, женатому на меньшей Протасовой, пришла охота сдѣлаться профессоромъ Русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ. Тамъ посѣтила его теща съ старшею дочерью, и онъ нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера; самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые Нѣмцы не хотятъ заниматься, скорѣ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ страненъ этотъ бракъ долженъ былъ казаться въ Орловской губерніи, откуда Протасовы прїѣхали: дворянская спѣсъ Русской барышнѣ прежде никакъ бы не дозволила выйти за профессора, за доктора. Конечно, это предразсудки старины, но я тогда раздѣлялъ ихъ и, полно, не раздѣляю ли еще и понынь? По-заочности давно уже будучи знакомы, не помню, кто изъ насъ кого посѣтилъ первый, только помню, что въ этотъ же день обѣдалъ уже я у г. Мойера съ его женой и тещей, Катериной Аеланасевной, что подавали все Нѣмецкое кушанье и что я, за три дня до того тонувшій въ снѣгу, сидѣлъ за столомъ въ садикѣ подъ распускающимися липами *in's grüne*. Послѣ обѣда повелъ насъ г. Мойеръ осматривать городъ. Подъ именемъ Юрьева-Ливонскаго построенный Русскими, которые нигдѣ для частнаго употребленія кромѣ деревянныхъ домовъ не ставили, по близости къ границѣ, вѣроятно, часто разоряемый войною, онъ, подобно укрѣпленной Нарвѣ, не сохранилъ вида древности. Единственный остатокъ ея, католическая соборная церковь, въ которую входили мы, обращена уже была въ университетскую бібліотеку. Провели мы вечеръ и ужинали у тѣхъ же Мойеровъ. Тутъ случилась одна гостья, учтивая Нѣмка, которая, желая потѣшить меня, сказала мнѣ, что и она была въ Россіи. «Мнѣ кажется, вы и теперь въ ней», отвѣчалъ я. Отъ этого простаго замѣчанія смѣшалась она и не знала, что сказать.

Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на меня Марья Андреевна Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земнаго; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ ка-

жется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна; но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенныя скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени, все было въ ней просто, естественно и въ тоже время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется, такъ взялъ бы да и разцѣловалъ; а находясь съ такими какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. Какъ не вѣрить воплощенію Бого-человѣка, когда смотришь на сіи хрупкіе и чистые сосуды? Въ нихъ только могутъ западать небесныя искры. «Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?» скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ предупрежденъ на счетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины.

И это совершенство сдѣлалось добычей дюжаго Нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемірно старался сдѣлать ее счастливою; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неровный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертациі. Глядя на госпожу Мойеръ, такъ рассуждалъ я самъ съ собой: «Кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ Русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно какія-нибудь препятствія, и тутъ кроется, можетъ быть, какой-нибудь трогательный романъ.» Она недолго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ.

Разставшись на другой день съ Дерптомъ и Мойерами, дня три ѣхали мы до Риги; оттого что въ иныхъ мѣстахъ не было лошадей, а въ другихъ было много глубокаго песку. Мы первую ночь провели въ Гульбенѣ, другую въ Роопѣ, и видѣли небольшіе города Валкъ и Вольмаръ, которые показались мнѣ замѣчательны въ мѣстахъ, гдѣ вѣтъ даже деревень. Примѣчательно, что въ странѣ, которая болѣе ста лѣтъ вновь принадлежитъ Россіи, начиная отъ Нарвы, совсѣмъ уже не пахнетъ Русскимъ духомъ, что въ пей не услышишь Русскаго слова. Никто не думалъ у насъ о введеніи тутъ народнаго языка нашего сколько-нибудь въ употребленіе, тогда какъ Нѣмецкіе владѣльцы, преданные отдаленному и раздробленному отечеству своему, всячески стараются сохранить и распространить языкъ его между населеніемъ, совершенно ему чуждымъ. Путешествія за границу въ старину почи-

тались диковинкой, одни знатные господа позволяли ихъ себѣ: имъ удобно и пріятно казалось, выѣхавъ изъ Петергофской заставы, находить тотчасъ преддверіе чужихъ краевъ. Я могу хорошо судить и смѣло говорить о томъ, ибо хотя отнюдь не принадлежалъ къ ихъ сословію, имѣлъ однакоже многія изъ ихъ привычекъ и предрасудковъ. Долженъ покаяться въ томъ: мнѣ наскучило разѣзжать по Россіи изъ края въ край, и я почувствовалъ непозволительное удовольствіе, когда нѣкоторымъ образомъ переступилъ ея границу.

Прибывъ въ Ригу 5-го числа къ вечеру, съ трудомъ могли отыскать плохую квартиру въ плохой гостинницѣ, которая однакоже называлась отель де-Пари. Не было ни ярмонки, ни дворянскаго съѣзда, а во всѣхъ трактирахъ номера были заняты. Такъ бывало всегда, когда послѣ случалось мнѣ проѣзжать этотъ городъ: содержатели гостинницъ все еще трепещутъ передъ могуществомъ рыцарей и должны всегда держать про нихъ комнаты въ запасѣ. На другой день пошелъ я гулять по городу; его узкія улицы и высокіе старые дома возбудили бы во мнѣ болѣе любопытства, еслибы я не видѣлъ Нарвы. Всѣ эти древніе города на Западѣ болѣе или менѣе между собою схожи; въ средніе вѣка всѣ они были укрѣплены: жители окрестныхъ мѣстъ, часто раззоряемыхъ огнемъ и мечомъ, укрывались въ нихъ и тѣснились на небольшомъ пространствѣ подъ защитою каменныхъ стѣнъ и рововъ, коими были они окружены. Пока я ни приглядѣлся къ нимъ, они мнѣ очень не нравились: мнѣ все казалось, что я вижу запачканныхъ стариковъ въ морщинахъ, которые жмутся и всѣ на одинъ ладъ и покрой; я выросъ и возмужалъ среди простора Петербурга и Русскихъ городовъ. Мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь примѣчанія достойное, и мнѣ указали на залу Черноголовыхъ или Шварцгейптеровъ, Рижскій Музеумъ. Я не очень помню, въ чемъ состояли сокровища, тутъ собранныя, исключая сапоговъ Карла XII *). Долго оставаться тутъ намъ было не для чего: мы ни съ кѣмъ не были знакомы и 7-го числа отправились далѣе. Нананунѣ это было бы труднѣе, ибо въ этотъ день только навели плавучій мостъ черезъ Западную Двину.

Расстояніе между двумя столицами Лифляндіи и Курляндіи такъ невелико, что одна можетъ почитаться предметіемъ другой. Въ нѣсколько часовъ изъ Риги пріѣхали мы въ Митаву, городъ уже новаго изданія, на осмотръ котораго нужно было посвятить еще нѣсколько часовъ. Вотъ что погубило насъ: какъ грозная тѣнь, возсталъ передъ

---

*) Хотя бы, по примѣру Ревеля, Нѣмцы держали тутъ взохшіи трупы какого-нибудь герцога Круа, на показъ проѣзжимъ, для потѣхи своей, для прібыли и для доказательства, что и тѣла грѣшниковъ могутъ быть также нетлѣвны, какъ мощи. Увы, православное правительство терпитъ такое безчеловѣчное ругательство надъ святостію могилъ.

нами умирающій фельдмаршалъ Барклай и цѣлую недѣлю заслонялъ намъ дорогу. Только вечеромъ узнали мы, что онъ находится въ Митавѣ, и что всѣ почтовые лошади взяты подъ многочисленную свиту его. Настоящимъ образомъ не зная въ какомъ состояніи находится здоровье его, мы разочли, что намъ лучше пустить его впередъ, чтобы не имѣть болѣе затрудненій въ дорогѣ. На другой день выѣхалъ онъ или, лучше сказать, вывезли его не очень рано, и пока самъ Блудовъ, вооруженный казенною подорожной по экстренной надобности, ходилъ къ губернатору за приказаніемъ дать ему лошадей и получилъ его, пошелъ я къ подъѣзду фельдмаршала, котораго прежде не случалось мнѣ видѣть и, стоя въ толпѣ, смотрѣлъ, какъ полумертваго почти выносили его и клали въ карету. Нынѣ не даютъ людямъ спокойно умереть дома; тѣмъ, кои имѣютъ нѣкоторый достатокъ, сіе не дозволяется: по приказанію медиковъ (обыкновенно иностранцевъ), въ предсмертныхъ страданіяхъ должны они напередъ прокатиться по Европѣ.

По прежнему отобѣдавъ, а по нынѣшнему позавтракавъ смотря по часу, въ гостинницѣ г. Мореля, въ которой почевали, отправились мы. Наканунѣ, въ удовлетвореніе любопытства своего, ходилъ я за городъ посмотреть на замокъ герцоговъ Курляндскихъ, не вѣтхое, даже не старое и совсѣмъ не древнее четверостороннее зданіе безъ укрѣпленій и башенъ, безъ парка и даже безъ сада, посреди чистаго поля, выстроенное не Кетлерами, а Биронами, и доказывающее варварскій вкусъ этого семейства. Туда влекло меня не одно любопытство, но и желаніе поклониться убѣжищу Бурбоновъ, къ величію и несчастіямъ коихъ я тогда питалъ еще какое-то священное уваженіе. Въ этомъ дворцѣ помѣщено было тогда нѣсколько ченовииковъ, а главныя комнаты оставались пусты на случай пріѣзда тогдашняго генераль-губернатора маркиза Пауллуччи; теперь помѣщены тамъ всѣ присутственныя мѣста. О сохраненіи историческихъ памятниковъ у насъ немного заботятся. Уходя, сквозь желѣзную рѣшетку заглянулъ я въ подвалы замка, гдѣ находятся гробницы послѣднихъ герцоговъ.

Одного изъ нихъ, знаменитаго Эриста Іоанна, не защитила рѣшетка отъ поруганія одной бѣшеной женщины; этотъ анекдотъ стѣбитъ, мнѣ кажется, чтобы найти здѣсь мѣсто. При Павлѣ и сначала при Александрѣ, губернаторами въ Остзейскія провинціи опредѣляемы были все Русскіе. Курляндскимъ былъ нѣкто Николай Ивановичъ Арсеньевъ, человекъ смиренный; но жена его, Анна Александровна, урожденная княжна Хованская, была совсѣмъ не смирна. Сошедъ въ подвалы, она велѣла открыть гробъ Бирона и плюнула ему въ лицо. Не знаю до какой степени можно осудить это бабье мщеніе; конечно оно гадко, но тутъ не было личности, а наслѣдственное чувство ненависти

ея соотечественниковъ. Она была женщина не злая, но тщеславная и взбалмошная. Послѣ представленія королевѣ, супругѣ Лудовика XVIII, она ожидала отъ нея посѣщенія и, узнавъ, что она совсѣмъ не расположена его сдѣлать, прогнѣвалась. «Чѣмъ эта дура такъ гордится?» сказала она. «Тѣмъ что она Бурбонъша? Да я сама Хованская». Тутъ видны безразсудность и невѣжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народное самолюбіе, которое мнѣ не противно.

Отѣхавъ одну только станцію до Доблена, принадлежащаго вдовѣ послѣдняго герцога, мы опять должны были остановиться. Молодой комиссаръ, онъ же и содержатель гостинницы и управляющій имѣніемъ герцогини, малый очень учтивый и почтительный, показалъ намъ конюшни, въ которыхъ не оставалось ни одной лошади: не къ чему было такъ торопиться. Но по крайней мѣрѣ пріятности мѣста, гдѣ мы находились, дали намъ возможность терпѣливѣе перенести нашу невзгоду. Почтовый домъ, въ которомъ мы весьма удобно помѣстились, отдѣленъ былъ отъ развалинъ древняго замка, хорошо сохранившихся, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго текъ ручей или малая рѣчка. Стараніями комиссара, разумѣется на деньги владѣлицы, все это пространство засажено было деревьями и устроенъ очень хорошенькій Англинскій садъ. Для насъ тутъ была весьма пріятная прогулка, а для меня особенно занимательно и любопытно было въ первый разъ видѣть настоящія развалины, произведенныя не искусствомъ людей, а ихъ забвеніемъ и дѣйствіемъ времени.

Нашъ передовой, который не заготовлялъ намъ, а отнималъ у насъ лошадей, ѣхалъ сперва довольно посѣшно. Цѣлыми сутками былъ онъ у насъ впереди, и оттого-то слѣдующіе два дни имѣли мы мало остановокъ. Мы же всегда ночевали; первую ночь провели въ Дрогденѣ, другую въ Рутцау, почти на самой границѣ. Тутъ старикъ комиссаръ, отставной изъ военныхъ, мнѣ чрезвычайно полюбился своею веселостію и не существующимъ уже нынѣ Нѣмецкимъ добродушіемъ. Утѣхой жизни его была золотая табакерка, которую великая княгиня Марія Павловна въ проѣздъ ему пожаловала; намъ, какъ и всѣмъ у него останавливающимся, выносилъ онъ ее на показъ.

Нельзя было не замѣтить намъ великой разницы между двумя сосѣдними провинціями. Въ Курляндіи, которая также населена Латышами, народъ какъ будто смышленѣе, почва земли плодороднѣе и поля лучше обработаны. Зато она гораздо болѣе онѣмечена, чѣмъ Ливонія; тамъ вездѣ еще встрѣчаются Финско-латышскія названія мѣстъ, а тутъ всѣ они окрещены въ Нѣмецкій языкъ. Однимъ словомъ, Курляндія, кажется, такъ и просится въ Пруссію; и не знаю, хорошо ли дѣлаютъ, оставляя въ ней и понынѣ весь прежній порядокъ.

Наконецъ, 11-го поутру, прїѣхали мы на границу и переѣхали за нее. Тутъ въ Полангенѣ наша Самогичія выдвигается клинышкомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ видѣлъ я море, но не видалъ гавани, двѣнадцать лѣтъ спустя найденной тутъ однимъ ученымъ Французомъ, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Ни въ Полангенѣ на нашей границѣ, ни въ Ниммерзатѣ на Прусской не были мы много обезпокоены таможенными. Блудовъ ѣхалъ къ должности по волѣ Русскаго императора, и оттого потомъ нигдѣ не подвергались мы жестокимъ обыскамъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Мемелѣ, первый разъ въ заграничномъ городѣ. Хотя мы прїѣхали въ него довольно рано, остановясь въ такъ-называемомъ *Нѣмецкомъ Домѣ*, я не успѣшилъ насладиться воззрѣніемъ на него. Боли въ ногѣ съ наступленіемъ теплаго времени у меня какъ будто замерли, и я почти забылъ о нихъ; но во время проѣзда черезъ Курляндію сдѣлалось сыро и холодно, и я вновь началъ страдать, что вмѣстѣ съ усталостію совсѣмъ не располагало меня къ прогулкамъ. Еще солнце не сѣло, когда, почувствовавъ облегченіе, заснулъ я богатырскимъ сномъ и проснулся только слѣдующимъ утромъ. Тогда пустился я ходить; но что примѣчательное можно найти въ Мемелѣ? Прямые улицы, каменные дома порядочные, какъ у насъ, правильно выстроенные. Это какъ разговоръ иныхъ людей небогатыхъ идеями, но благовоспитанныхъ, благопристойныхъ: хорошо говорятъ и ничего не скажутъ. Я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила королева, любезная Русскимъ сердцамъ, когда изо всего обширнаго, хотя разбросаннаго государства мужа ея этотъ одинъ уголокъ оставался въ его владѣніи.

Рѣка Нѣманъ, вытекая изъ Славянской земли, при устьѣ своемъ образуетъ тутъ широкій заливъ. Она дала имя свое этому городу, а сама отъ кого получила названіе Мемеля, отъ Нѣмцевъ ли или Самогитовъ—мнѣ неизвѣстно. Вдоль по рѣкѣ сей проѣхали мы, и вотъ отчего: неизбѣжный Барклай выѣхалъ изъ Мемеля только въ день нашего прїѣзда; болѣе двухъ станцій въ сутки, по слабости своей, онъ дѣлать не могъ. Насъ обманули, сказавъ, что онъ выбралъ кратчайшій путь Куришь-Гафомъ по шtrandу. Мы бросились въ другую сторону и на первой станціи, въ Прокульсѣ, узнали свою ошибку; но уже было поздно, дѣлать было нечего какъ слѣдовать за тѣмъ, коего встрѣчи мы такъ боялись. Съ нимъ были жена и сынъ, адъютанты и медики, и шествіе его походило на триумфальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на погребальное. Однакоже надобно признаться, что заграничныя почты устроены лучше нашихъ: на усталыхъ еще послѣ него коняхъ кое-какъ добрались мы на ночлегъ въ плохое мѣстечко Шаматкемень.

Мѣста, коими проѣзжали мы, обитаемы народомъ, который игралъ важную ролю въ исторіи нашего отечества; ибо Самогиты или Жмудь, Ятвяги и Литва все одно и тоже. Но что это за народъ? и откуда взялся онъ? Я долго полагалъ, что онъ смѣшеніе Готскаго племени съ Славянскимъ и Финскимъ, но слѣдовъ ихъ нареченій не встрѣчается въ особомъ языкѣ, коимъ говорить сей народъ, а по большей части Латинскія слова. Къ тому же въ Славянахъ и въ Финнахъ никогда не было звѣронравія, коимъ сначала отличались сіи дикіе выходцы изъ лѣсовъ; впрочемъ Маджары, или Венгры, тоже Финскаго происхожденія. Должно полагать, что и вся Пруссія нѣкогда населена была Жмудью; многіе изъ древнихъ князей ея носили имя Прусь. Недолго Литовцы поблестали и погрѣбли въ мѣрѣ. Сперва завоеванная ими обширная православная Русь начала было поглощать ихъ; потомъ, приставъ къ католической Польшѣ, они затмились и исчезли въ ея объятіяхъ. Такъ будетъ со всякимъ государствомъ, которое, не сохраняя своей самоцвѣтности, не старается между покоренными вводить свои нравы, обычаи, законы, языкъ и вѣру: завоеванія будутъ его гибелью, оно потонетъ въ нихъ. Польша, не смотря на свои безпорядки, на безразсудность свою, хорошо это понимала и спѣшила все окрасить собою. Оттого-то она пережила самое себя, оттого-то находишь ее тамъ, гдѣ бы давно ей не должно быть, оттого-то ея духомъ еще полонъ нашъ юго-западный край, гдѣ, за двѣсти лѣтъ тому назадъ, имя ея было проклинаемо. Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на Самогитовъ: лица не хороши, но чрезвычайно выразительны.

Проѣзжая слѣдующимъ утромъ по мосту, черезъ Нѣманъ, при вѣздѣ въ Тильзитъ, взглянулъ я на мѣсто свиданія двухъ императоровъ, на мѣсто, гдѣ стоялъ историческій плотъ. Тильзитъ! при имени его обидномъ теперь не поблѣднѣетъ Россъ, сказалъ Пушкинъ. И дѣйствительно, что нашли мы на почтовомъ дворѣ? Французскаго инвалида, не знаю, какъ тутъ оставшагося, который съ гордымъ еще видомъ просилъ милостыню. Пруссаки въ это время съ нами были отменно услужливы; комиссаръ совѣтывалъ намъ стараться опередить фельд-маршала, далъ свѣжихъ, хорошихъ лошадей и записку къ сосѣду своему, комиссару на слѣдующей станціи въ Остветенѣ, гдѣ, по словамъ его, Барклай долженъ былъ остановиться обѣдать. Моему нетерпѣнію не было границъ; вслухъ пожелалъ я, чтобы герой нашъ на дороге умеръ и чтобы мы проѣхали по трупу его. Услышавъ мои преступныя желанія, Блудовъ даже вскрикнулъ отъ негодованія. Въ Остветенѣ комиссаръ наморщился, почесалъ затылокъ, но видно товарищъ его имѣлъ надъ нимъ большую силу: онъ тотчасъ велѣлъ намъ

дать лошадей. Одной мили не доѣзжая до города Инстербурга, на лѣвой сторонѣ дороги, увидѣли мы небольшую мызу и на дворѣ ея множество каретъ. Мы заключили изъ этого, что вѣрно больной остановился тутъ отдохнуть.

Мы намѣрены были до свѣту выѣхать изъ Инстербурга, но возможно ли это съ дамами? Пока, одѣваясь, мы пили чай, пришли намъ сказать, что фельдмаршалъ въ эту ночь, на видѣнной нами мызѣ, скончался, и что посланный оттуда пріѣхалъ заказывать гробъ. Меня какъ по кожѣ подрало: вмѣсто радости почувствовалъ я угрызеніе совѣсти, точно какъ будто желаніемъ своимъ я уморилъ его. Однакоже карета была у подѣзда: мы не Римскіе католики и, пожелавъ добродѣтельному еретикъ царствія небеснаго, пустились въ дорогу. Мы едва могли переводить духъ: такъ скоро перемѣняли намъ лошадей и такъ притко везли насъ. На каретѣ подъ княжескою короной изображенъ былъ гербъ Блудова вмѣстѣ съ Щербатовскимъ и, сверхъ того, выставлена литера В. Поэтому приняли насъ за семейство или за свиту князя Барклая. Таплавенъ, Велау, Тапіау, Погауень,—вотъ станціи или мѣста, черезъ коп вихремъ пропеслись мы до Кенигсберга. Я называю ихъ потому, что они у меня были записаны и что дорога сія въ Тильзитъ, замѣненная другою укороченною, болѣе не существуетъ.

Въ Кѣнигсбергѣ, на небольшой площади подвезли насъ къ г. Грегори, къ Нѣмецкому Дому, Deutsches Haus, въ которомъ приготовлена была квартира для покойнаго. На площади нашли мы начальствовавшего въ городѣ генерала Штуттергейма со всѣмъ штабомъ, во всей формѣ и съ рапортомъ въ рукахъ. Онъ очень удивился, когда мы сказали ему, что трудъ его напрасенъ и что Барклая болѣе нѣтъ. Это было засвѣтло 14 Мая.

Не знаю, почему Кѣнигсбергъ почитаютъ Прусскою Москвою? Какія священныя воспоминанія наполняютъ его? Точно также, какъ Венгрію, какъ Ломбардію, какъ Шлезвигъ, Нѣмцы почитаютъ Пруссію заграничнымъ своимъ владѣніемъ; донынѣ не входила она еще въ составъ Германскаго союза. Да чтѣ же она такое? Подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру, Тевтоническимъ орденомъ завоеванный приморскій край. Не знаю, по какому праву папы и императоры дали рыцарямъ право владѣнія въ немъ. Они спокойно въ немъ господствовали. Напрасно упрекаютъ Поляковъ въ томъ, что будто бы они добровольно и безопасно дали имъ у себя тутъ утвердиться: добрые католики, они приняли ихъ сначала какъ вспомогательное Христово войско, къ услугамъ ихъ готовое, для обузданія во тьмѣ язычества пребывающихъ, часто непокорныхъ данниковъ ихъ; но скоро, увидя ихъ обманъ, столѣтія воевали съ ними. Съ другой стороны, и

Литва, вдругъ поднявшаяся, угнетенныхъ единокровныхъ возбуждала къ возстанію, сильно вступалась за нихъ и помогала имъ. И нѣтъ сомнѣнія, что владычество ордена было бы тутъ раздавлено, еслибъ у него не было великихъ богатствъ въ цѣлой Германіи, и еслибъ оттуда безпрестанно не приходили къ нему на помощь новыя рати. Ливонскій орденъ Меченосцевъ, лѣтъ за тридцать прежде того и почти одинаковымъ образомъ основавшійся въ Россіи, вмѣстѣ съ магистромъ своимъ призналъ надъ собою власть его, подчинилъ себя ему, и этотъ союзъ обоимъ былъ чрезвычайно полезенъ. Однакоже, по временамъ, погибель грозила обоимъ; Ягелло, Витовтъ и еще прежде нашъ Александръ Невскій до основанія потрясали ихъ могущество. Польша восторжествовала, но тщеславіе ея довольствовалось званіемъ вассала, которое принялъ орденъ; тогда-то, въ честь Польскаго короля, небольшой городокъ, построенный на Прегель, названъ Королевцемъ. При Казимірѣ IV преобладаніе Польши до того умножилось, до того потѣснилъ онъ рыцарей, что оставилъ имъ одну только восточную половину Пруссіи, и что изъ Маріенбурга на Вислѣ, постоянной резиденціи великаго магистра и главнаго мѣста управленія ордена, они должны были въ послѣдней половинѣ XV вѣка перенести его въ Королевецъ, который, кажется, съ тѣхъ поръ началъ называться Кёнигсбергомъ: древность не весьма древняя. Извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка лютеранизмъ нанесъ смертельный ударъ воинственно-монашествующимъ орденамъ, и что Альбертъ Бранденбургскій, магистръ Тевтоническаго, и Готардъ Кеттлеръ—Ливонскаго, принявъ новую вѣру, объявили себя независимыми герцогами, первый въ Пруссіи, послѣдній въ Курляндіи. Тотъ и другой отреклись отъ Нѣмецкой или Святой Римской имперіи и поставили себя подъ покровительство католической Польши. Она въ немъ не отказала имъ, ибо въ совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ Германіи видѣла ихъ ослабленіе; къ тому же самъ король Сигизмундъ-Августъ имѣлъ наклонность къ протестантизму. Расчетъ былъ плохой: послѣ Альберта Пруссія по наслѣдству досталась маркграфамъ и курфирстамъ Бранденбургскимъ, изъ коихъ одинъ пожаловалъ ее королевствомъ, а себя произвелъ въ короли, и кончилось тѣмъ, что часть самой Польши сдѣлалась ихъ добычею. Зачѣмъ ввлекли я тутъ это краткое историческое начертаніе? Да такъ, пришлось къ слову.

Первый вечеръ, проведенный въ Кёнигсбергѣ, было мнѣ нехорошо; я почувствовалъ лихорадку. Не для меня одного послали за докторомъ; явился Англичанинъ Мотерби, прописалъ мнѣ что-то успокоительное, и на другое утро былъ я какъ встрепанный. Пользуясь лучшимъ состояніемъ здоровья и хорошею погодою, пошелъ я по городу и зашелъ къ Павлу Ивановичу Аверину, управляющему ликвидационною

комиссіей по заграничнымъ разсчетамъ послѣ войны и оканчивающему тутъ свои занятія, который наканунѣ былъ у меня, чтобы удостовѣриться насчетъ слуховъ о кончивѣ Барклая. Онъ человѣкъ съ необыкновенными, можно сказать, съ несносными странностями, и мнѣ хотѣлось бы его здѣсь представить; но говорить о немъ нельзя иначе, какъ пространно, а мнѣ теперь некогда.

Въ это же утро какой-то Нѣмецкій слуга повелъ меня смотрѣть достопримѣчательности; ихъ было немного. Я побывалъ во дворцѣ или замкѣ и въ соборномъ храмѣ. Первый стоитъ на высокомъ мѣстѣ и имѣетъ четыре фаса или лица, выходящихъ на улицы, а внутри дворъ. Одна изъ сторонъ, старинная, построена еще великими магистрами, которые тутъ жили, а нынѣ помѣщаются какіе-то чиновники и какія-то канцеляріи. Другая сторона, гораздо новѣе, выстроена первымъ Прусскимъ королемъ, горбатымъ Фридерикомъ I. Тутъ вѣнчался онъ на престолъ; разумѣется, не муромазывался, и въ точномъ подражаніи Реймской церемоніи не доставало Сентъ-Ампули. Тутъ останавливаются короли, и въ несчастное для нея время полтора года прожила тутъ нынѣшняя королевская фамилія. Комнаты высоки, просторны и довольно богато прибраны; одна показалась мнѣ замѣчательною: она оранжеваго цвѣта, по карнизамъ расписана цѣпь Чернаго Орла, а на стѣнахъ изображенъ синій крестъ его. Изъ нея видъ далеко въ поле; говорятъ, будто Наполеонъ смотрѣлъ тутъ изъ окошка, когда ретирующійся аріергардъ, не знаю, Русскій или Прусскій, сражался съ его войсками.

Третья сторона, послѣ пристроенная, довольно безобразная, заключаетъ въ себѣ службы, кухни, конюшни и тому подобное. Четвертая вся состоитъ изъ одной огромной, нескончаемой залы, называемой Московскою. Пруссаки полагаютъ, что названіе сіе дано ей прихотью королей, тогда какъ она построена прихотью Русской императрицы. По сходству именъ, Елисаветъ Петровнѣ почудилось, что она имѣетъ неоспоримыя права на Пруссію; она хотѣла тутъ короноваться, и во время Семилѣтней войны велѣла для того выстроить эту залу, которая, подобно большому манежу, до сихъ поръ стоитъ не отдѣланная; нынѣ, говорятъ, устроены въ ней гимнастическія упражненія. Провожатый мой никакъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, что Русскіе воздвигли эту залу, когда болѣе двухъ лѣтъ въ Пруссіи они хозяйничали. Что дѣлать! уже такой обычай у этого кочеваго, варварскаго народа: куда ни придетъ, въ виду непріятеля, подъ пушечными выстрѣлами его, вездѣ строить города. Этимъ только въ завоеваніяхъ своихъ отличается онъ отъ Аттилъ и Тамерлановъ. Въ соборной церкви мой проводникъ повелъ меня прямо въ могилѣ Канта. «Что за Кантъ?» сказалъ я; я объ немъ

слыхалъ, но никогда не читалъ его; покажи-ка мнѣ лучше, гдѣ похоронены послѣдніе великіе магистры». Нѣмецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Для Германіи рѣшительно наступилъ вѣкъ философическихъ бредней.

Продолжаю мой дневникъ. Выѣхавъ изъ Кѣнигсберга 16-го числа, мы первый день не сдѣлали даже и одной станціи: ибо, не доѣзжая четверть версты до мѣстечка Бранденбурга, гдѣ почтовый дворъ, мы должны были остановиться. Дышло у кареты переломилось пополамъ, шагу нельзя было сдѣлать далѣе, и мы вошли въ первый попавшійся домикъ, въ которомъ было чистенькихъ двѣ комнаты. Но рядомъ съ ними продавались пиво и водка, однимъ словомъ, это былъ кабакъ на берегу моря. Оттуда, къ несчастію, съ самаго утра подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ сдѣлался вдругъ ужасно холоденъ, а въ жилищѣ нашемъ нѣкоторыя окна были разбиты. Анна Андреевна принуждена была затыкать ихъ подушками, чтобы сколько-нибудь бѣдныхъ дѣтей защитить отъ непогоды. Я былъ въ совершенномъ отчаяніи; едва бѣда дорогой смѣняла намъ другую, и я начиналъ думать, что не попаду къ удобному времени въ мѣсто лѣченія моего. Скуки ради ходилъ я пѣшкомъ въ мѣстечко и видѣлъ барское житъе альтимана, который въ одно время содержалъ почту, трактиръ для проѣзжихъ и управлялъ казеннымъ имѣніемъ. Около сутокъ нужно было для сдѣланія дышла, и мы на другой день часовъ въ одиннадцать могли отправиться далѣе.

Дорога, по которой мы ѣхали, нынѣ брошена и проложена другая, гораздо короче. Почему назову я станціи, которыя у меня записаны: Гоппенбрукъ, Браунсбергъ, гдѣ комиссаромъ нашли мы безногаго офицера съ Пуръ-ле-Меритомъ на шеѣ, который бранилъ Французовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а Русскихъ превозносилъ до небесъ (чего нынѣ не услышишь), Мильгаузенъ, гдѣ мы ночевали, потомъ Прейшь-Голландъ, Прейшь-Маркъ, городокъ Ризенбургъ и наконецъ Маріенвердеръ. Дорога была вовсе не занимательна; возили тогда тихо, не такъ какъ послѣ возвращенія короля изъ послѣдней поѣздки въ Россію, и разстояніе до Берлина казалось намъ ужаснымъ.

Маріенвердеръ, мѣсто примѣчательное, часто упоминаемое въ исторіи Тевтоническаго ордена, нѣкогда бывшее тоже главнымъ въ Пруссіи, и стоило бы осмотрѣть его; но мы пріѣхали въ него слишкомъ поздно и выѣхали изъ него слишкомъ рано. Мимоѣздомъ видъ его показался намъ пріятенъ, вѣчто въ родѣ Москвы, смѣшеніе красивыхъ, новыхъ домовъ съ древними хорошо сохранившимися зданіями. Въ это время король чрезъ Познанъ предпринималъ путешествіе, чтобы поклониться Москвѣ, которая всесоженіемъ искупила независимость

Европы, навѣстить тамъ любимѣйшую дочь и повидаться съ другомъ-союзникомъ. Въ Маріенвердерѣ нашли мы генерала Борстеда, который ѣхалъ куда-то къ нему на встрѣчу; онъ велъ себя съ нами очень любезно и сказалъ, что, опережая насъ, вездѣ будетъ заказывать намъ лошадей. Нынѣ никто не повѣритъ, до какой степени Пруссаки, по примѣру государя своего, были предупредительны съ Русскими и какъ охотно они братались съ нами.

Переѣхавъ широкую Вислу, прибыли мы въ незавидный городъ Нови, который Нѣмцы назвали Нейенбургомъ. Тутъ начинается Западная Пруссія, то есть все то, что по первому раздѣлу отхвачено отъ Польши, и вереть на сто тянущійся густой, а мѣстами и дремучій Тухельской лѣсъ, Tuchelsche Heide. Тутъ одинъ лишь высшій классъ, комиссары, трактирщики говорятъ по-нѣмецки; прислуга же, почтари, всѣ прочіе жители чистымъ Польскимъ языкомъ. Такъ же какъ Нови, всѣмъ мѣстечкамъ даны Нѣмецкія имена; оставлено только *Плохочину*, и то съ прибавкою слова *гроссъ*. На обратномъ пути мнѣ пріятно было встрѣтить тутъ почти земляковъ и услышать почти родные звуки, а тогда мнѣ было досадно: мнѣ казалось, что это отдѣляетъ меня отъ Германіи, куда я спѣшилъ. Время между тѣмъ стояло ясное, холодное, несносное, на каждомъ ночлегѣ приходилось топить, мрачный лѣсъ рождалъ мрачныя мысли; въ Тухелѣ, давшемъ ему названіе, сдѣлалось теплѣе, за то пошелъ непрерывный, проливной дождь и сдѣлалось грязно; ничего отраднаго не видѣли мы на всемъ пути. Въ городкѣ Коницѣ конецъ лѣсу и Польскому нарѣчію и начало почтовой дороги, по которой ѣздить и понынѣ. Только видно, что все еще Славянская страна, ибо часто встрѣчаются Славянскія названія мѣстъ и деревень, какъ на примѣръ Ястровъ *). Послѣ того есть Рупень-Дорфъ, коего жители Нѣмцы, но предки, говорятъ, были Русскіе, и я охотно повѣрилъ тому, ибо нигдѣ такъ шибко насъ не везли.

Переночевавъ въ Шлоппе, 22-го числа пріѣхали мы рано въ Гохцейтъ. Утро было радостно, какъ названіе сей деревни (свадьба); день сіялъ, солнце грѣло, а не палило, и на почтовомъ дворѣ, въ небольшомъ саду, какъ роднымъ послѣ разлуки обрадовался я дикимъ кашта-

---

*) Тутъ уже не Польша, а продолженіе Поморья (Помераніи) или малая Померанія или Померелія, какъ зовутъ ее Нѣмцы, которая болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣла особыхъ князей Самбора, Мстивою, Вязимира и другихъ. Всѣ они уорно и отчаянно дрались съ орденомъ. Имъ основаны Гданскъ (Данцигъ), гдѣ и была ихъ столица, Сталбо (Столле) и монастырь Олива, гдѣ они и похоронены. На малое это княжество попережбно нападали Бранденбургъ, рыцари и Поляки; окончателно побѣда осталась за послѣдними. Послѣ смерти послѣдняго князя, по пресѣненіи княжескаго рода, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Польша присоединила этотъ край къ своимъ владѣніямъ. И для чего? для того, чтобы въ семнадцатомъ его отняли у нея Нѣмцы.

намъ и тополямъ. Около двадцати лѣтъ разставшись съ Кіевомъ, гдѣ ихъ довольно, жилъ я все на Сѣверѣ и на Сѣверо-востокѣ, а тутъ вдругъ неожиданно перенесли они меня въ счастливое мое ребячество. И потомъ сколь часто случалось мнѣ, какъ ребенку, мгновенно забывать продолжительное горе! Здѣсь же вступали мы въ настоящую Германію, въ Неймаркъ, въ Новую Мархію Бранденбургскую, которая, впрочемъ, тоже не иное что какъ отрѣзанный ломоть отъ Помераніи. Наконецъ, я начиналъ прозрѣвать берегъ. Продолжительные дожди испортили однакоже дорогу, и мы не очень поспѣшно могли ѣхать по ней. Въ прекрасной гостиницѣ хорошенькаго города Ландсберга ночевали мы. На другой день увидѣли мы Одеръ, который всегда былъ и долженъ бы оставаться естественною границей Славянскаго племени; но далеко, далеко за него простерлось Нѣмецкое владычество.

На берегу сей рѣки стоитъ Кюстринъ. Въ крѣпость его тогда не вѣзжали, а останавливались на почтовомъ дворѣ среди обгорѣвшаго во время войны и еще не обстроенаго форштата. Пока приготавлили намъ тутъ обѣдъ и лошадей, взглянулъ я въ зеркало и испугался себя: я весь обросъ бородой. Я спросилъ цырульника; а брить меня привели дѣвку; я нашелъ, что обычай этотъ хорошъ, только довольно страненъ. Въ первый разъ обѣдалъ я тутъ за общимъ столомъ и въ первый разъ увидѣлъ вблизи Прусскихъ офицеровъ, коихъ за нимъ было множество. Какъ назвать то, что отличаетъ ихъ отъ воиновъ другихъ націй? Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ для того слова, и на Французскомъ недавно приискано старинное *outrésuidance*. Они говорили мало даже между собою, но каждый изъ презрительныхъ взглядовъ ихъ вызывалъ пощечину. Отчего именно Прусскіе офицеры такъ нестерпимы въ обращеніи? Оттого что почти все они Славянскаго происхожденія, изъ Помераніи, изъ Польши, изъ Шлезіи, изъ Лузаціи. Тщеславіе, врожденное въ Славянахъ, въ другихъ земляхъ смягчается ихъ добросердечіемъ, а тутъ оно облечено и закалено въ Нѣмецкую грубость. Побѣды Фридерика ихъ возгордили, побѣды надъ ними Наполеона раздражили ихъ. Ничто имъ, сказалъ я про себя, и спасибо Французамъ. Народное самолюбіе еще болѣе возбуждало во мнѣ досаду. У меня передъ глазами была неприступная крѣпость, осажденная Русскими въ Семилѣтнюю войну; я находился въ одной мили только отъ Цорндорфа и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кунерсдорфа и Гроссъ-Егерндорфа, отъ мѣстъ, гдѣ Русскіе, подъ предводительствомъ не со-всѣмъ искусныхъ генераловъ, Апраксина и Салтыкова, разбили въ прахъ первѣйшаго полководца своего времени. Названія мѣстъ славныя, нынѣ забытыя, едва извѣстныя Русскимъ, я васъ вспомнилъ тутъ! «Что, подумалъ я, еслибы еще когда нибудь случилось... вѣдь наши

лучше прежняго отколотили бы ихъ; но увы, не нашему поколѣнію это видѣть».

Этотъ день не попали мы еще въ столицу Прусской монархіи. Двѣ мили не доѣзжая Мюнхеберга, гдѣ мы ночевали, начиналось шоссе, для меня совершенная невидальщина, ибо въ Россіи мы этой роскоши еще не знали. Съ тѣхъ поръ, два вѣщениосца, какъ объятія, начали простирать другъ къ другу шоссе, стараясь по возможности сократить разстояніе, ихъ раздѣляющее.

При самой благопріятной погодѣ, по тополевой аллеѣ, какъ коридоромъ, между двухъ высокихъ зеленыхъ стѣнъ, 24 Мая прибыли мы въ Берлинъ и остановились въ Петербургской гостиницѣ, на Липовой улицѣ, *Unter den Linden*, столь извѣстной всѣмъ проѣзжающимъ чужестранцамъ. Странно, что города, гдѣ бываю я лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ мнѣ нравятся; оттого-то, вѣроятно, полюбился мнѣ для всѣхъ скучный Берлинъ. Онъ далеко простирается на Сѣверъ и на Югъ; одна Фридрихштрассе, пересекающая Липовую улицу, имѣетъ три версты протяженія; но кто кромѣ жителей знаетъ тѣ кварталы? Тутъ же, гдѣ мы остановились, на маломъ пространствѣ сосредоточивается вся жизнь Берлина, который послѣ Петербурга регулярностію своею меня удивить не могъ. Липовая аллея, въ четыре ряда деревьевъ занимающая середину улицы, не знаю длины имѣетъ ли болѣе полуверсты, а она начинается у большаго королевскаго дворца и оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ, гдѣ застава и выѣздъ изъ города. По обѣимъ сторонамъ аллеи находятся всѣ гостиницы, а изъ середины ея чрезвычайно пріятный видъ на прекрасные ворота, совершенно Греческія Пропилеи, съ возвышающеюся надъ ними бронзовою Викторіей, похищенною Французами и опять тутъ возстановленною. Тотчасъ за воротами начинается Тиргартенъ, звѣринецъ или паркъ, и бѣлизна колоннъ ихъ еще болѣе видѣется на густой зелени его деревьевъ. Удобство немалое изъ центра города, черезъ четверть часа, быть на свѣжемъ воздухѣ, среди прохлады прекрасной рощи.

Нѣкоторыя починки въ каретѣ и необходимость переменить все бѣлье, ибо на столь продолжительномъ пути мы всѣ обносились, заставили насъ дни на четыре остановиться въ Берлинѣ. Не разъ бывши за границей, Блудовъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя знакомства; сверхъ того, какъ немаловажный дипломатическій агентъ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ былъ посѣщать Русскихъ дипломатовъ и получать отъ нихъ приглашенія. Два дни сряду обѣдалъ онъ у нашего посланника Алопеуса и у Португальскаго Лобо. Я же велъ уличную жизнь, по лѣтности моей находя, что на столь короткое время не стоитъ труда представляться и знакомиться. Пользуясь свободою, старался и успѣлъ

и видѣть почти все, что въ этомъ городѣ есть примѣчательнаго; но подробно описывать видѣнное мною не стану.

Дворецъ великъ; насъ водили по комнатамъ его. Ихъ роскошь была старинная, благоразумная, слѣдственно не изумительная, какъ нынѣ въ Русскихъ дворцахъ: широкіе размѣры, штофные обои, хорошіе паркеты, большія зеркала, мѣстами позолота, все какъ слѣдуетъ, безъ преувеличенія. Намъ чичерона толковалъ все о какой-то драгоценной *кронн* Фридерика; я полагалъ, что это алмазная корона его, а вышло, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ люстру изъ восточнаго хрустала, которая впрочемъ стоитъ, говорятъ, 80 тысячъ рейхстаалеровъ. Всего богаче показалась мнѣ комната, убранная по случаю проѣзда императрицы Елисаветы Алексѣевны: всѣ занавѣсы у оконъ и кровати были изъ серебряно-голубаго газета съ золотыми шнурами, кистями и бахромой. Особый домъ близъ дворца, въ которомъ жилъ король, отдѣланъ былъ, какъ намъ сказывали, болѣе въ новомъ вкусѣ; но хотя онъ былъ въ отсутствіи, не знаю почему насъ въ него не пустили. Въ самый день пріѣзда нашего посѣтилъ я театръ, называемый Королевскимъ; играли какую-то Нѣмецкую комедію, и весьма не дурно, но мнѣ показалось скучно. Есть еще оперный домъ, въ которомъ бывають великолѣпныя представленія; при насъ, къ сожалѣнію, не играли въ немъ.

Церквами этотъ городъ не богатъ; ихъ мало, и онѣ не красивы, что и доказываетъ и прежнюю бѣдность этого края, и недостатокъ усердія къ вѣрѣ въ правительствѣ и жителяхъ. Домкирхе или соборъ, въ который входилъ я, чтобы посмотрѣть на могилы послѣднихъ курфирстовъ и первыхъ королей, пространствомъ менѣе всякой Петербургской церкви. Одна католическая, Святой Бригитты, нѣсколько замѣчательна; она построена ротондой по образцу Римскаго Пантеона. Въ воскресный день былъ я у обѣдни въ нашей посольской, домовою церкви, и потомъ у священника Чудовскаго, который показался мнѣ весьма обыкновеннымъ, но весьма порядочнымъ человѣкомъ. Выходя отъ него на Вильгельмштрассе, по близости, завернулъ я на Видгельмову площадь, на которой, какъ кузлы, разставлены мраморныя статуи шести героев Семилѣтней войны, Цитена, Зейдлица, Винтерфельда и другихъ.

Всякій вечеръ гулялъ я по Липовой аллеѣ. Мнѣ сказали, что есть Лустгартенъ, увеселительный садъ позади дворца; захотѣлось мнѣ и тамъ погулять. Я нацѣль тамъ большой, совершенный недостатокъ въ одномъ — въ деревьяхъ, за то прростору очень много. Совсѣмъ иное въ Тиргартенѣ, куда въ Воскресенье вечеромъ направилъ я стопы свои, и направилъ ихъ по многимъ его направленіямъ: весьма пріятная прогулка.

Я посѣщилъ къ увеселительному мѣсту, гдѣ вдоль рѣчки построены небольшіе домики; какъ сказать трактирцы, кабачки? Французы называютъ это генгетъ. На воздухѣ передъ ними рядами сидѣли чинно женщины и дѣвицы, довольно нарядныя, съ виду совсѣмъ не принадлежащія къ низшему сословію; мужчины тутъ гуляющіе также были очень хорошо одѣты. Ни одна изъ сидящихъ не была безъ руководѣля, всѣ вязали чулки; не знаю отчего эта милая простота была мнѣ не по вкусу. Между чулочницами благопристойности ничто не нарушало, хотя вблизи ихъ пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ. Тутъ, на берегу узенькой Шпрее, встрѣтилъ я источникъ будущихъ золь для всѣхъ чувствительныхъ зрѣній и обонаній въ Европѣ: картavye мальчишки кругомъ кричали: *цигагосъ!* и мѣстами растепались облака табачнаго дыму, конечно, не такъ густо какъ нынѣ въ Павловскомъ воксалѣ, въ виду высокихъ посѣтительницъ, но все таки сильно заражали благодрагоценный, весенній воздухъ парка.

Посреди Тиргартена находится загородный дворецъ принца Августа, называемый Бельвию; по усталости не вошелъ я въ садъ его. Далѣе, съ полмили отъ Бранденбургской заставы, Шарлоттенбургъ съ преобладающимъ садомъ. Такая близость мнѣ нравится; я люблю гдѣ Русь и Урбсъ сходятся, чтобы бѣднымъ людямъ недалеко было ходить за невинными наслажденіями природы. Туда по широкой аллеѣ парка ѣздили мы въ открытой коляскѣ. Дворецъ Шарлоттенбурга невысокъ, но длиненъ и довольно великъ; хорошо сдѣлали, что сохранили простоту внутренняго его убранства, мода на него опять пришла; по большей части стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленнымъ деревомъ съ вычурными позолоченными украшеніями. Въ одной изъ нихъ съ любопытствомъ остановился я предъ изображеніемъ Фридерика Великаго въ восемнадцать лѣтъ; онъ написанъ совершеннымъ красавцемъ, а между тѣмъ схожъ со всѣми извѣстными его портретами. Весьма искусно живописецъ выразилъ быстрый, пронизательный взглядъ его, предъ коимъ на одинъ мигъ опустилъ я глаза и въ коемъ есть нѣчто не земное, хотя и не небесное. Малую только часть сада успѣли мы видѣть; мы ходили смотрѣть великолѣпный памятникъ королевы Луизы. Онъ имѣетъ видъ небольшого Греческаго храма, а внутри на продолговатомъ камнѣ находится бѣлая, мраморная, лежащая статуя ея, чудесное произведеніе знаменитаго ваятеля Рауха. Видѣвъ ее въ Петербургѣ, я нашелъ большое сходство; какъ во снѣ она, кажется, живая; по сторонамъ сходы въ склепъ, въ которомъ положено ея тѣло. Королеву похоронить не въ Божіемъ храмѣ, а въ саду, какъ любимыя попугая или моську! Оно такъ и слѣдуетъ, можетъ быть, по-протестантскому, но только что-то нехорошо по нашему по-христіанскому.

Я не видѣлъ общества въ Берлинѣ, я не могу судить о немъ; за то сколько можно поверхностно, въ короткое время, старался разглядѣть Берлинцевъ вообще. Я замѣтилъ въ нихъ претензіи на какую-то особую щеголеватость, чрезвычайныя усилія подражать во всемъ ненавистой имъ Франціи. Самъ Фридерикъ, прозванный Великимъ, во всемъ что касалось до блеска двора, перенималъ у Лудовика XV, котораго онъ такъ презиралъ; философы и другіе Французы, его часто поощавшіе, вмѣстѣ съ невѣріемъ старались распространять любезность въ обществахъ; однимъ словомъ, имъ введена галломанія въ Пруссію. Послѣ него, супруга его преемника, одна изъ гордыхъ принцессъ Гессенъ-Дармштатскихъ, родная сестра нашей надменной Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Перваго, умѣла поддержать все величіе королевскаго достоинства. Но лишь только она овдовѣла, молодая, прекрасная, веселая Луиза какъ бабочка вспорхнула на тронъ, и всѣ сердца къ ней полетѣли. Она жила среди забавъ и охотно раздѣляла ихъ со всѣми, безъ большаго различія. Веселость Нѣмокъ выражается обыкновенно смѣхомъ, пляской, нарядами: складу въ рѣчахъ уже не ищи тутъ. Если же которая изъ нихъ примется за умъ, то она не станетъ попустому тратить его на замысловатость и острословіе въ разговорахъ, не предастся его кокетству столь обворожительному даже въ старѣющихъ Француженкахъ; она ухватится за науку, за сентиментальность, за педантство. Въ этомъ нельзя было упрекать королеву Луизу. Долго изъ чаши жизни пила она однѣ только радости; тогда по голосу ея, какъ отъ звуковъ волшебной олеиты, вся Пруссія запрыгала; эпидемія, по преданіямъ въ одной только Германіи извѣстная, танецъ Святаго Вейта, при ней опять появилась. Тряпичная, но не менѣе того разорительная роскошь также при ней доходила до настоящей модоманіи. Въ Парижѣ едва лишь мода успѣетъ тогда провозгласить новый законъ, а Берлинъ спѣшитъ первый привести его въ исполненіе *). Веселость двора уменьшила его важность въ глазахъ

---

*) Если Нѣмки великія охотницы наряжаться, за то онѣ и великія мастерицы въ этомъ дѣлѣ; оттого-то и вкусъ ихъ къ маскарадамъ. Какъ бывало въ ребячествѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ я свѣтоты и появленія переряженной дворни, по большей части въ вывороченныхъ тулупахъ, такъ въ первой молодости съ радостнымъ трепетомъ видѣлъ я, многогрѣшный, приближеніе Вторника на первой недѣлѣ поста, когда бывають такъ-называемые Нѣмецкіе маскарады. Но, право, очень безвинно вкушалъ я отъ сего запрещеннаго плода; наглядѣться на странныя, чудныя или блестящіе наряды,—вотъ въ чемъ состояла вся моя претензія. Чего, бывало, Нѣмки и Нѣмцы тутъ не выдумаютъ! И какая вѣрность, точность въ сохраненіи костюмовъ! Большая часть изъ нихъ безъ масокъ, пресеріозно разговариваютъ съ встрѣчающимися знакомыми, а незнакомымъ маскированнымъ просто не отвѣчаютъ. Услышишь, какъ Рейтценштейнберггоферша богато одѣта, или какъ Лисхенъ мила пастушкой, или какъ Лотхенъ въ Амазонскомъ платьѣ хорошо держать пиву! Все это степенно явлется церемоніальнымъ

народа. Но въ Германіи это еще не бѣда; тамъ на каждомъ шагу встрѣчаютъ членовъ владѣтельныхъ семей, и скорѣе любятъ свободное ихъ обхожденіе. Но худо то, что Пруссія была одна только держава, которая сохранила постоянныя сношенія съ Конвентомъ и Директорією Французской республики. Революціонеры безпрепятственно пріѣзжали въ нее и разсѣвали въ ней духъ якобинизма, къ чему она и приготовлена была безбожіемъ правительства. Сколько мнѣ извѣстно, Пруссаки до войны въ великомъ полководцѣ Франціи видѣли продолженіе революціи, а онъ былъ Наполеонъ, сокрушитель ея. Можетъ-быть, это самое было причиною недостатка въ усиліяхъ всенародно сопротивляться ему. Съ другой стороны, Франція такъ привыкла къ покорности Пруссіи, что разрывъ ея съ нею Наполеонъ почиталъ почти мятежемъ, а побѣды свои усмиреніемъ его. Не похитителя престоловъ, а истребителя свободы народовъ, возненавидѣла въ немъ раздавленная имъ Пруссія; не законнаго монарха, благодушнаго и твердаго, полюбила она въ Александрѣ, а Штейномъ обѣщаннаго ей либерала; и я увѣренъ, что тайно Пруссаки были заодно съ врагами порядка во Франціи. Шестилѣтнее, потомъ, пребываніе Французовъ и владычество ихъ имѣли также сильное вліяніе на нравы этой земли, и она осталась грубымъ отпечаткомъ непріязненнаго ей народа. Самый Нѣмецкій языкъ наполнился Французскими словами, какъ на примѣръ, *die elegante Welt*, *die Eleganz*, за которую такъ неудачно гоняются. Посѣянные въ Пруссіи и въ Прирейнскихъ ея провинціяхъ пагубныя правила по замиреніи стали болѣе развиваться и распространяться по всей Германіи; нынѣ, говорятъ, тамъ великое броженіе въ умахъ. Невольная любовь къ честному, доброму и правдивому королю, непохожему на предковъ своихъ, съ коимъ вмѣстѣ упадали они, страдали и возстали, удерживала жителей отъ всякаго покушенія на его власть; но горе Пруссіи, если ораторъ, а не воинъ будетъ ея главою: тогда воспрянуть писаки и говоруны. Въ благоустройствѣ своемъ Пруссія похожа на штучный

маршемъ, и сколько пройдетъ мимо тебя глупыхъ Фигаро, скучныхъ Пьерро и неподвижныхъ Арлекиновъ! Не суйся говорить съ ними: одинъ съ досадою что-то пробормочетъ, другой отвернется, третій, поучтивше, поклонится и пойдетъ далѣе: вотъ и все тутъ. Послѣ, когда я былъ постарше, мнѣ это не только наскучило, даже опротивѣло. Но когда, сквозь пеструю толпу, увидишь быструю походку, когда подъ широкимъ простымъ капуциномъ угадаешь ловкія движенія, будь увѣренъ, что это Француженка, послѣвши къ ней, изъ-подъ маленькой черной маски полюбуйся бѣленькой шейкой, миленькимъ подбородкомъ и какъ звѣзды блестящими глазами, заговори съ ней смѣло: она отвѣтитъ тебѣ умно, оригинально, забавно и пристойно, и если слегка кольнетъ твое самолюбіе, то такъ мило, что скорѣе захочешь смѣяться чѣмъ сердиться. Вотъ наслажденіе! Гораздо болѣе богатства, но право не болѣе ума въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ, недавно, какъ великія забавы, введенныхъ въ употребленіе. Да и самыя живыя картины, гдѣ нужно только разодѣться, да съ минуту неподвижно постоять или походить, должны быть непременно выдумкою Нѣмокъ.

столь: куски, кусочки на немъ искусно подобраны; но все это склеено, все это держится многочисленной, прекрасной арміей. Пока она за правительство,— опасаться нечего; но буде и она примется умствовать, тогда всему конецъ: Пруссію поминай, какъ звали.

Мнѣ, первый разъ въ жизни увидѣвшему Европейскую столицу, въ лучшее время года, послѣ скучнаго путешествія, могъ еще Берлинъ понравиться. Но и мнѣ чего-то не доставало; душа была какъ будто сжата. Военные смотрѣли дерзкими побѣдителями, гражданскіе люди хотѣли казаться глубокомысленными, всѣ вообще почитали себя отлично образованными. Притязанія на первенство между Нѣмецкими городами, зависть противъ Вѣны и Петербурга, о красѣ и пріятностяхъ коихъ Берлинцы равнодушно не могутъ слышать, наконецъ, изъ-за довольно прихотливой роскоши сквозящая шпарзамкейтъ (что гораздо сильнѣе нашей бережливости) все это, конечно, довольно смѣшно, но то что смѣшно не всегда бываетъ забавно. Берлинъ прослылъ случившимся городомъ въ мірѣ, и даже Русскіе, которые нынѣ вездѣ шатаются, бывають въ немъ только проѣздомъ.

Мы оставили его 28-го числа поутру. Въ Потсдамѣ не удалось намъ посмотреѣть на жилище великаго Фридерика, ни на Сансуси его, а успѣли только что отобѣдать. Въ Трейенбриценѣ, гдѣ мы ночевали, была старая граница, въ послѣднее время далеко за Эльбу передвинутая; но тогда таможня не была еще перенесена. Пьяный чиновникъ ея явился было очень грубо насъ осматривать и былъ весьма недоволенъ, когда ему доказали, что онъ не имѣетъ на то права. На другой день въ Виттенбергѣ такая же неудача, какъ наканунѣ въ Потсдамѣ. Естественной потребности—обѣдать пожертвовали мы благополучіемъ поклониться могиламъ великихъ мужей Германіи. Мощи... что было сказалъ я, окаанный!... прахъ Лютера и Меланхтона былъ близко отъ меня въ большой церкви, а мнѣ не судьба была взглянуть на ихъ памятники. Третій годъ только край этотъ находился во владѣніи Пруссіи, и жители его сохраняли еще прежній простодушный видъ свой. Хозяинъ трактира, гдѣ мы обѣдали въ Виттенбергѣ, добрый старикъ, со слезами на глазахъ говорилъ намъ о другомъ добромъ старикѣ, королѣ Саксонскомъ, коего отеческаго управления лишились они. Вдругъ онъ слохватился, испугался и, немного наклонясь, сказалъ шопотомъ: die Herren Preussen sind zu nahe (господа - Пруссаки очень близко). Бѣдняжка! Онъ думалъ, что всѣ также ненавидятъ и боятся Пруссаковъ, какъ Саксонцы и всѣ другіе Нѣмцы. По наведенному мосту переѣхали мы черезъ Эльбу, коей берегъ также тутъ песчанъ, какъ Днѣпровскій; шоссе еще не было, мы часто вязли и съ Нѣмецкою ѣздой долго тащились до городка Шмидеберга. Это у насъ отняло много времени,

но мы успѣли сдѣлать еще одну станцію до Дюбена и далѣе не поѣхали.

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день увидѣлъ я съ ребячества знакомый мнѣ Лейпцигъ: въ немъ учился учитель мой, добрый Муть, который вѣчно про него рассказывалъ. Этотъ городъ, и ученый, и торговый, всегда оживляемый университетомъ и часто ярмарками, мнѣ показался не великъ. Послѣ того онъ распространился, но въ это время былъ онъ весь сжатъ и вытянутъ вверхъ; улицы преузенькія, а дома въ пять или въ шесть этажей; у самаго же вѣзда его, кругомъ, прелестнѣйшіе сады. Это мнѣ чрезвычайно нравилось въ старинныхъ Нѣмецкихъ городахъ. Зимой, когда воздухъ сдѣлается свѣжъ и перестанетъ быть заразителенъ, всѣ соберутся на небольшомъ пространствѣ. Чтобы посѣтить пріятеля или знакомаго, на улицѣ нужно сдѣлать только два шага; за то, правда, взойти надобно и сойти сотню ступеней по лѣстницѣ. Кареты дѣлаются излишними; въ первый разъ увидѣлъ я тутъ портшезы, одномѣстныя каретки на носилкахъ; для жителя Петербурга зрѣлище довольно странное. Въ Отель-де-Франсъ, на Флейшерской улицѣ, гдѣ остановились мы, я, кажется, и часу не посидѣлъ дома; было гдѣ погулять и на что посмотреть.

Сперва лазилъ я на Плейссенбургъ, остатокъ древняго укрѣпленія: чрезвычайно высокая башня съ обсерваторіей. Оттуда смотрѣлъ я не на небо, а на знаменитое поле Лейпцигской битвы, гдѣ началось рѣшительное паденіе Наполеона. Тутъ все было какъ на ладони, и спускательный, услужливый смотритель указывалъ мнѣ на мѣста, гдѣ находились какія войска. Кто не бывалъ никогда въ Лейпцигѣ, тотъ только не посѣтилъ Плейссенбурга; въ огромномъ фоліантѣ, гдѣ всѣ вписываются, смотритель заставилъ и меня похоронить свое имя. Оттуда пошелъ я въ загородный садъ Рейхеля, у самыхъ городскихъ воротъ находящійся. Безъ дальнихъ украшеній онъ чрезвычайно великъ и хорошо былъ содержанъ. Въ большомъ каменномъ домѣ была ресторація, а въ каждой куртінѣ, въ густотѣ деревъ спрятанный небольшой домикъ, съ прекраснымъ цвѣтникомъ, и надобно было нарочно заглянуть, чтобъ увидѣть его. Холостые и семейные, смотря по величинѣ домика, занимали ихъ на лѣто. Въ этомъ случаѣ какъ не отдать справедливости Нѣмцамъ: они лучше насъ умѣютъ наслаждаться природой. Привлеченный названіемъ, заходилъ я въ Розенталя: дубовая роцца, гдѣ не видѣлъ я ни одной розы. Окончилъ я бѣготню свою достойнымъ примѣчаніемъ садомъ Рейхенбаха. Хозяинъ, вѣроятно весьма богатый человекъ, со вкусомъ и роскошью изукрасилъ его. На берегу одной изъ двухъ рѣчекъ, Эльстера и Плейссы, между коими онъ находится, построены хорошенкѣй павильоны У этого мѣста Французскій

маршалъ, князь Іосифъ Понятовскій, съ лошадыю бросился въ рѣку, когда Французы черезъ сады, огороды, овраги, куда ни попало, опрометью кинулись отъ союзниковъ-побѣдителей. Эльстеръ (по-русски сорока) весьма не широка, но чрезвычайно глубока, берегъ ея не высокъ, но крутъ; и сія сорока-воровка похитила у Поляковъ надежду ихъ: ибо Понятовскаго прочили они себѣ въ королѣ. Подлѣ павильона, на берегу рѣчки, самъ хозяинъ воздвигъ тутъ небольшой памятникъ погибшему герою. Но другой, гораздо болѣе, въ видѣ продолговатаго мѣстнаго камня, поставили Поляки посреди сада; на немъ нашель я много надписей, сдѣланныхъ карандашемъ Польскими патриотами; очень нужно было какому-то Русскому начертать и свои сожалѣнія о его участи! Предокъ Понятовскаго, слѣдуя за Карломъ XII, вездѣ сражался съ нашими войсками, и хотя дядя его, Станиславъ, Россіи былъ обязанъ королевскимъ титуломъ своимъ, племянникъ не отказался отъ наслѣдственной къ намъ ненависти. Нынѣ, подъ Русскимъ управленіемъ, и въ Варшавѣ, если не ошибаюсь, поставленъ памятникъ заклятому врагу нашему. Чтò за добрый народъ! Чтò за великодушное правительство!

Болѣе меня свѣдующій въ Исторіи Влудовъ утверждалъ, что Лейпцигъ построенъ Славянами подъ именемъ Липецка. Мнѣ казалось это невѣроятно; но я не спорилъ, ибо тогда мнѣ было все равно. Впрочемъ и нынѣ я такъ далеко не простираю своихъ видовъ; я гораздо скромнѣе въ желаніяхъ своихъ: лишь бы до Одера могли съ этой стороны дойти Славянскій миръ и Православіе, душа его, я былъ бы совершенно доволенъ.

Во время продолжительной прогулки моей по Лейпцигу и его садамъ—прогулки весьма пріятной—непріятно мнѣ было только часто встрѣчать студентовъ. Въ другихъ мѣстахъ нельзя ихъ различить отъ прочихъ молодыхъ жителей, а тутъ, среди смирнаго населенія Лейпцига, легко было узнать ихъ по ихъ дерзкимъ взглядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, весьма еще немногіе, одѣлись въ странный нарядъ по портретамъ Алберта Дюрера, въ черной шапочкѣ, въ черномъ почти казачьемъ короткомъ платьѣ, съ распущенными волосами. Это, кажется, называлось *алтдейтшигъ* и возбѣждало желаніе единства Германіи, чего осудить никакъ нельзя; но призваніе на помощь воспоминаній ея древности, по моему, плохое къ тому средство. Конечно, при прежнемъ раздробленіи ея на мелкія частицы, власть императорская была гораздо сильнѣе; но того ли хотять молодые Нѣмцы? Съ свободомысліемъ своимъ они усиливаются ограничить ее въ рукахъ своихъ владѣтелей. По невѣжеству моему привыкъ я почитать студентовъ взрослыми, большими школьниками, подчиненными строгому порядку, ко-

торымъ слѣдуетъ доучиваться, а потомъ, вступивъ на какое либо прище, присоединять опытность къ прибрѣтаннымъ познаніямъ. Такъ, кажется, оно и было въ Германіи до 1813 г. Страдая отъ владычества Франціи и въ тоже время заражаясь ея идеями, профессеры вводили сихъ несовершеннолѣтнихъ въ тайныя общества, дѣлали ихъ участниками своихъ замысловъ и готовили ихъ быть орудіями освобожденія отечества. Пришли Русскіе, настоящіе избавители: тогда всѣ они, въ товариществѣ съ профессорами, являлись на поляхъ сраженій. Послѣ того возрасли они, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общемъ мнѣніи, и сдѣлались въ Германіи особою грозною стихіей. Вездѣ слышали они громкое имя свободы, на дѣлѣ же еще мало ее видѣли; а злодѣи профессеры продолжали возбуждать ихъ. Въ нетерпѣніи своемъ кипучая ихъ молодость успѣла тогда уже выказать мятежный духъ свой; въ предыдущемъ году, собравшись изъ разныхъ университетовъ въ Вартбургъ, успѣли уже они, среди непристойной оргіи, пѣть возмутительныя пѣсни и жечь знаки монархическихъ установленій; между ими несчастный Сеидъ, хладнокровно иступленный Зандъ, точилъ уже тогда кинжалъ на Коцебу. Въ слѣдующихъ годахъ, строгія мѣры, принятія противъ главныхъ виновниковъ-профессоровъ, Окена и другихъ, на время усмирили ихъ буйство. Я начиналъ вступать въ тотъ возрастъ, въ которомъ на двадцатилѣтнихъ смотрятъ почти какъ на мальчиковъ, и эти показались мнѣ досадны и несносны.

Кромѣ пріятнаго отдохновенія ничто не удерживало насъ въ Лейпцигѣ, и на другой день, послѣднее число Мая, рано поутру оставили мы его. Цѣлый день видѣли мы мѣста прелестныя, чудесныя, но въ продолженіе послѣднихъ столѣтій часто орошаемая потоками крови человѣческой. Сперва Лютценъ, и еслибы мы забыли о Густавѣ Адольфѣ, о немъ напомнилъ бы намъ поставленный ему тутъ памятникъ. Далѣе Россбахъ, гдѣ Пруссаки вѣчнымъ стыдомъ покрыли Францію; потомъ Наумбургъ, коего имя тѣсно связано съ воспоминаніями о Гусситахъ *) и, наконецъ, Ауэрштадтъ, гдѣ Французы за Россбахъ воз-

---

*) Въ Англіи, принявъ ученіе Виллѣфа, можетъ быть, заблуждался Иванъ Гусъ; за то и былъ онъ изжаренъ на Константскомъ соборѣ. Жаль, что за догматами вѣры не обратился онъ къ Царюграду, тогда еще (въ 1400 году) Турецкимъ мечемъ не покоренному; Господь Богъ спасъ бы его, а они утвердились бы въ Богеміи. Хотя Нѣмцы и почитаютъ его предтечею Лютера, но поносятъ его, ибо онъ первый съ успѣхомъ дерзнулъ сильно возстать противъ католицизма и германизма, враждебныхъ Славянской породѣ. Не менѣе того, Нѣмецкіе историки стараются затмить славу неувертимаго, неумолимаго предводителя Гусситовъ Ивана Жишвы и преемника его великаго Прокопія. Чехи не смѣли доннѣ вступить за нихъ; авось ли между Чешскими или нашими писателями найдется, наконецъ, защитникъ памяти сихъ трехъ безсмертныхъ мужей.

дали Пруссакамъ сторицею. Я не буду говорить о другихъ примѣчаніяхъ достойныхъ мѣстахъ, чрезъ кои въ этотъ день мы проѣхали: о Вейсенфельсѣ, столицѣ уже несуществующаго герцогства, отъ коего остался въ немъ одинъ старинный дворецъ, ни о Экартсбергѣ, гдѣ въ развалинахъ древній замокъ, построенный маркграфомъ Экартомъ, служившій потомъ притономъ многочисленной разбойничьей шайкѣ. Я спѣшу въ Веймаръ, гдѣ въ этотъ же вечеръ простились мы съ Маемъ мѣсяцемъ и встрѣтили Іюнь, разумѣется, по нашему, по старинному численію.

Имя Веймара извѣстно всѣмъ состояніямъ въ Россіи, вездѣ произносится оно въ ней съ любовію и почтеніемъ: въ этомъ городѣ болѣе тридцати лѣтъ живетъ великая княгиня, еще болѣе Русская по сердцу и по чувствамъ, чѣмъ по имени. Покоряясь судьбѣ, живетъ она вдали отъ Россіи, которая осталась ея любимой мечтой. Она часто осуществляется передъ нею проѣзжими Русскими; всѣ они смѣло идутъ къ ней на поклоненіе. Влудовы обязаны были явиться къ Маріи Павловнѣ, особенно Анна Андреевна, которая, нѣсколько лѣтъ находясь при императорскомъ дворѣ, была ей лично извѣстна и знакома. Мнѣ же хотѣлось и можно бы было, и даже слѣдовало, ей представиться; да со мной мундира не было. Но въ этомъ случаѣ какой церемоніаль соблюдается при маленькомъ дворѣ! Съ почтеніемъ и за совѣтами пошли мы съ Влудовымъ къ находившемуся тутъ, на обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Россію, князю Александру Борисовичу Куракину. Онъ остановился въ Веймарѣ на все лѣто, въ ожиданіи прибытія осенью вдовствующей императрицы, которой всею душой былъ онъ преданъ и которая, въ старости, послѣдній разъ хотѣла еще взглянуть на родину. Достопочтенный и, можно сказать, милый старецъ, нѣкогда мой начальникъ и всегда милостивецъ, встрѣтилъ насъ съ улыбкой радости, казался здоровъ, веселъ, шутилъ, вспоминалъ со мною о Пензѣ и о нашемъ Симбухинѣ и рассказалъ какъ поступить въ дѣлѣ представленія *). Въ тотъ же день великая княгиня прислала придворную карету свою за Анной Андреевной, приняла ее у себя за-просто и предложила ложу свою въ театрѣ. Не имѣя права вступить въ нее, я пошелъ въ него за свои деньги, нашель, что очень хорошъ, но что играли въ немъ, пусть не спрашиваютъ: совѣстно сказать, не помню.

---

*) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того скончался онъ въ Веймарѣ отъ приключившейся ему внезапно болѣзни. Онъ былъ сложенія крѣпкаго и могъ бы долго прожить; но во время пожара, бывшаго въ Парижѣ, на праздникъ у князя Шварценберга, по случаю свадьбы Наполеона, гдѣ сторѣла и невѣстка самого Шварценберга, спасающеюся толпой былъ онъ опрокинутъ и истоптанъ. Онъ вышелъ съ оборванными волосами и руками и никогда въ здоровьѣ своемъ послѣ того поправиться не могъ. Согласно желанію его, похоронили его въ церкви Павловскаго, гдѣ императрица поставила ему памятникъ, съ надписью: Другу супруга моего.

Это точно непростительно: Веймаръ почитался Нѣмецкими Аристами; Шиллеръ, Гете, Виландъ, Гердеръ долго жили въ семь городѣхъ, подъ покровительствомъ старой герцогини Луизы; слѣдственно и на сценѣ кромѣ изящнаго ничего быть не могло. Поименованныхъ писателей не было уже на свѣтѣ; одинъ Гете былъ живъ и тотъ находился въ отсутствіи. Чиновникъ посольства, или повѣренный въ дѣлахъ, Струве, племянникъ чудака, мною нѣкогда изображеннаго, предложилъ Блудову идти осмотрѣть его жилище; я не сопровождалъ ихъ: такая необходимость къ знаменитости въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живою, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною.

Наши путешественники очень хорошо знаютъ теперь, что всѣ эти Нѣмецкія велико княжескія резиденціи точно тоже, ни болѣе ни менѣе, чтó загородныя, увеселительныя мѣста нашихъ царей. Народонаселеніемъ и тогда Веймаръ былъ богаче Царскаго Села, но пространствомъ и на половину не могъ съ нимъ равняться. Изъ нашихъ комнатъ, въ гостинницѣ Слона, на площади въ срединѣ города, вездѣ не въ дальнемъ разстояніи можно было видѣть выѣздъ изъ него: дома были тѣсно между собою построены, но не высоки и не красивы. Дворецъ герцогскій, который видѣлъ я только снаружи, показался мнѣ обширенъ, а паркъ его, пріятно и искусно расположенный, еще болѣе. Я не замѣтилъ тутъ павильоновъ, памятниковъ и тому подобныхъ обыкновенныхъ украшеній парковъ; видѣлъ въ немъ только продолговатую безъ купола Грекороссійскую церковь нашу, и на другой день, который былъ воскресный, я пошелъ въ нее.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ взглянуть на великую княгиню. Во время обѣдни, обыкновенно, замѣчала она всѣ новыя лица, послѣ того разспрашивала о нихъ и подзывала къ себѣ; я не намѣренъ былъ представляться и старался такъ стать, чтобы мнѣ ее хорошо, а ей меня совсѣмъ не видать было. Изъ малаго числа присутствовавшихъ примѣтилъ я только одну, мнѣ послѣ столь знакомую княгиню Мещерскую, которая два года какъ тутъ поселилась: это была Катерина Ивановна, жена синодальнаго оберъ-прокурора, сестра будущаго министра Чернышова и мать будущаго Руссо-Французскаго писателя, князя Элима. Послѣ обѣдни, Блудовы переодѣлись, нарядились и поѣхали представляться къ велико-герцогскому двору, послѣ чего получили приглашеніе къ обѣду. По возвращеніи ихъ, я съ любопытствомъ обо всемъ разспрашивалъ, и мнѣ не отказано было въ удовлетвореніи. Королевскія повадки герцогини Луизы, подобострастіе придворныхъ, коимъ умѣла она окружить себя, и позаочности мнѣ понравились; жаль только, что не на болѣе возвышенной сценѣ поставлена она была. Сестры ея, Русская, Наталья Алексѣевна, Прусская, вдовствующая королева, уже по-

койная, и маркграфиня Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, также какъ и она, на самомъ краю поддерживали еще величіе владѣтельныхъ особъ, когда въ цѣлой Европѣ готово оно было рушиться. Послѣ изображенія свекрови, приятно мнѣ было слышать о любезности невѣстки, не менѣ исполненной достоинства, также о похвалахъ, которыя невольно расточала она отечеству своему, даже блеску и бѣлизнѣ нашихъ снѣговъ. О ихъ мужьяхъ упомянуто было мало; впрочемъ извѣстно, что одинъ былъ старый почтенный воинъ времянь Фридерика, а нынѣ царствующій сынъ и наслѣдникъ его предобрѣйшій простякъ.

Послѣ Веймара, что станція, то столица или по крайней мѣрѣ извѣстный городъ. На первой станціи, въ укрѣпленномъ Эрфуртѣ, мы не надолго остановились. Намъ указали домъ, гдѣ жилъ Александръ, а не тотъ, въ которомъ принималъ его Наполеонъ. Тутъ опять увидѣлъ я подъ именемъ Орла Прусскаго чернаго ворона въ бѣломъ полѣ, который такъ мнѣ надоѣлъ, также и синіе мундиры съ оранжевымъ воротникомъ Прусскихъ почтарей, послѣ которыхъ полюбился было мнѣ даже канареечный цвѣтъ Саксонскихъ. Пруссія по всей сѣверной Германіи провела черезполосныя владѣнія свои, съ явнымъ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ захватить между ними лежащее и приблизиться къ великой цѣли единства Германіи.

Въ Готѣ, не вѣзжая въ городъ для перемѣны лошадей, останавливаются на горѣ, откуда, впрочемъ, весь онъ виденъ. Онъ обширнѣе и болѣе похожъ на столицу, чѣмъ Веймаръ; жаль мнѣ было, что вблизи не могъ я посмотреть на мѣсто изданія любимаго моего *Готскаго Календаря* и жителство издателя его, всемірнаго путевоидгеля Рейхардта. Ночевали мы въ другой, только бывшей столицѣ, Эйзенахѣ. Вся эта страна принадлежала нѣкогда къ обширнымъ владѣніямъ ландграфовъ Тюрингенскихъ; когда же досталась Саксонскимъ герцогамъ, они почали дробить ее на удѣлы между сыновьями и внуками; оттого-то такъ много Саксонскихъ линій, изъ коихъ нѣкоторыя пресѣялись. Русскій съ деньгами въ Германіи не умретъ съ голоду, вездѣ накормятъ его дешево и сытно; но это могло случиться съ нами въ Эйзенахѣ. Хозяинъ гостинницы Полулунія, воспитанный на Французскій манеръ, нашедъ вѣроятно, что желудки образованныхъ людей, какъ мы, не могутъ вынести другой пищи кромѣ самой деликатной, подалъ намъ къ ужину легонькій бульонъ, цыплятъ и бисквиты. Извѣстно каковъ аппетитъ у путешественниковъ; намъ было и смѣшно и досадно.

Въхавъ оттуда на другой день, мы забыли и голодъ, и едва чувствовали жаръ, который безпрестанно увеличивался: до того окрестности дороги, по которой проѣзжали мы, были живописны и очаро-

вательны. Это были остатки знаменитаго Тюрингенскаго лѣса, нѣкогда страшнаго. Мы взглянули на Вартбургъ, гдѣ недавно происходили преступныя проказы университетской молодежи; далѣе подивились двумъ человѣкообразнымъ скаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ монаха и монахини. Мнѣ бы хотѣлось увѣрить по крайней мѣрѣ католиковъ, что это обращенные въ камень Августиніанскій монахъ Мартынъ Лютеръ и клятвопреступная монахиня его Катерина де-Бора, нарушившіе произнесенные ими обѣты; но мы живемъ не въ вѣкъ Овидіевыхъ превращеній. Если не столицы, то небольшіе города за Эйзенахомъ встрѣчались намъ при каждой перемѣнѣ лошадей: Марксуль, Фахъ, Бутларъ. Первый въ прошедшемъ вѣкѣ пересталъ быть также столицей небольшого Саксонскаго герцогства, коему давалъ свое имя; послѣдніе два находятся уже въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

Мы довольно рано пріѣхали ночевать въ Фульду, чтобъ увидѣть тутъ въ сумерки преобладающій дворецъ съ большимъ садомъ. Лѣтъ за тридцать до того жительствовавъ въ немъ не епископъ, а просто аббатъ, и владѣлъ не однимъ городомъ, а и небольшою областью: онъ имѣлъ дворъ, гвардію и до четырехъ тысячъ войска. Такія чудеса могли творить только Римскій католицизмъ и примѣръ папъ. До реформаціи Германія была наполнена такими князьями-аббатами, княгинями-аббатисами; въ нынѣшнія времена всѣ эти *gefürstete Abtei* были упразднены или секуляризованы. Послѣ Аміенскаго трактата Фульда отдана принцу Оранскому въ вознагражденіе за потерю правъ въ Голландіи, и онъ тутъ державствовалъ; теперь она простой Гессенскій городъ. Какъ сѣверный житель, не могъ я не замѣтить въ Фульдѣ, что, начиная отъ самаго Кенигсберга, величина печей, мѣняясь въ формахъ и все болѣе уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Рейну, достигла тутъ до пропорцій небольшого чугунаго столба, служащаго какъ бы подножіемъ чугунаго вазъ. Къ удовольствію моему, это доказывало умноженіе теплоты климата, а еще болѣе, какъ на опытѣ я узналъ, горячій темпераментъ жителей. Лѣтомъ до того они раскалятся, что едва достанетъ имъ зимы, чтобы совершенно простыть. За Фульдой пойдутъ опять города Шлюхтернъ, Саальмюнстеръ, Гельнгаузенъ, кои, подобно большей части нашихъ, едва ли заслуживаютъ сіе имя, развѣ потому только, что обведены валящеюся каменною стѣной и при вѣздахъ имѣютъ небольшія башни. Послѣ нихъ Ганау, съ дворцомъ, долженъ былъ показаться намъ большимъ городомъ. Въ немъ прежде имѣлъ пребываніе наслѣдникъ Кассельскаго престола и назывался графомъ Ганаускимъ. Но и этотъ городъ не остановилъ насъ: мы разошли, что еще поспѣемъ во Франкфуртъ на Майнѣ, куда и прибыли 5-го Іюня ввечеру.

Главный изъ оставшихъ четырехъ Вольныхъ Имперскихъ городовъ, мѣстопребываніе Германскаго Сейма, Франкфуртъ нѣкоторымъ образомъ можетъ почитаться столицею всей Германіи, и путешественникамъ нельзя въ немъ не остановиться. Тутъ же приходилось мнѣ разстаться съ любезнѣйшими моими спутниками. Висбаденъ находится въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ только миляхъ; но въ жаркое время почувствовалъ я совершенное облегченіе, и мнѣ растолковали, что для полного курса лѣченія нужно мнѣ не болѣе шести недѣль, а около трехъ мѣсяцевъ оставалось еще того, что называютъ воднымъ временемъ года, *saison des eaux*. Я уже не такъ торопился; къ тому же мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ любимою сестрой. На продолжительномъ пути, люди, ѣдущіе вмѣстѣ, обыкновенно подъ конецъ ужасно какъ надѣвдаютъ другъ другу. Тутъ видно этого не было, ибо Блудовы стали уговаривать меня доѣхать съ ними до Шалона, откуда очень близко до Ретеля, гдѣ находились мои родные. Предложеніе это было мнѣ слишкомъ по сердцу, чтобъ я не принялъ его. Но коли уже разъ измѣнился первый планъ мой, сказали мнѣ, почему бы мнѣ не доѣхать до Парижа: другой случай не скоро представится; туда могу я выписать брата и сестру. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и въ тотъ же день о намѣреніи моемъ написалъ я къ брату въ Мобѣжъ.

Коль скоро дѣло рѣшено, что я увижу Парижъ, на Франкфуртъ что-то не хотѣлось уже мнѣ и смотрѣть. А стоило того. Онъ образуетъ полукружіе, коего оба конца упираются въ рѣку Майнъ; также какъ Лейпцигъ онъ не великъ, но гораздо лучше и пышнѣе его; разодѣтъ онъ въ великолѣпныя, обширныя сады, которые виѣ города тянутся далеко отъ него, въ иномъ мѣстѣ на полмили; примыкая къ нему узкимъ концомъ, они составляютъ вокругъ него какъ бы огромный, распущенный зеленый вѣеръ. Этого мало: какъ цвѣтною лентой весь опоясанъ онъ бульваромъ, который, обхватывая его, идетъ изъ конца въ конецъ. Мѣсто, которое занимали сломанныя стѣны, скрытый валъ и засыпанные рвы, расчищено и засажено деревьями и кустами; подъ скромнымъ именемъ бульвара это преширокій, а еще болѣе длинный садъ, въ которомъ проведены излучистыя дорожки. Преимущественно онъ былъ наполненъ розовыми кустами; а какъ въ это время всѣ они были въ цвѣту, то глазъ могъ любоваться милліонами розановъ. Я пристрастился къ этому мѣсту, и три дня что мы тутъ пробыли, утромъ и вечеромъ ходилъ гулять въ него. Другаго ничего не хотѣлось мнѣ видѣть: ни городскихъ памятниковъ, ни даже знаменитыхъ садовъ, которые у меня были въ виду. Отчего? Самъ не знаю; можетъ быть отъ пресыщеннаго, притупленнаго любопытства. Прогуливаясь тутъ, мнѣ случалось иногда мысленно переноситься не въ темныя, а въ мрачныя

времена Европейской исторіи, не столь отъ насъ отдаленныя. На этомъ мѣстѣ, думалъ я, гдѣ нынѣ благоухаютъ розы, гдѣ столько пріятностей и удобствъ для прогуливающейся безпечности, также какъ и во всѣхъ городахъ Западной Европы, вѣчно-тревожные жители сторожили приближеніе враговъ: ни покоя, ни безопасности не знали люди. Шайки, числомъ разбойниковъ равняющіяся сильному войску, называемыя большими компаніями, нанимаемы были владѣтельными государями, попеременно служили врагамъ и изъ платы губили народъ. Ну если подобныя времена возвратятся? Нѣтъ, не можетъ стать, отвѣчалъ я себѣ. Нынѣ, увы, я менѣ чѣмъ прежде увѣренъ въ этой невозможности.

Мы жили на большой улицѣ Цейль, всѣмъ проѣзжающимъ извѣстной, въ гостиницѣ подъ вывѣской «Римскаго Императора». Большая деревянная человѣческая фигура, вся вызолоченная, въ мантии и съ короной, поставлена была надъ воротами. Нигдѣ принцы такъ не приглядѣлись, какъ во Франкфуртѣ, нигдѣ не обращаютъ на нихъ менѣ вниманія: они безпрестанно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ изъ него. Въ компаніѣ, которую я занималъ, имѣлъ я сосѣдомъ съ одной стороны эрцгерцога-палатина Венгерскаго, съ другой—сосѣдкой моей была герцогиня Генріетта Виртембергская. Тамъ, гдѣ жилъ Русскій посланникъ на улицѣ въ большомъ домѣ, на дворѣ въ нижнемъ этажѣ, помѣщалась бывшая Гишпанская королева, мадамъ Жозефъ-Бонапарте, а въ самомъ верхнемъ—бывшій Шведскій король, именующій себя то Вазой, то полковникомъ Густавсономъ. Изъ любви къ Исторіи и преданіямъ древности, Нѣмцы сохраняютъ еще нѣкоторое уваженіе къ владѣтельнымъ домамъ; неудивительно, если это чувство совсѣмъ исчезаетъ въ нихъ. За то въ торговомъ Франкфуртѣ съ благоговѣніемъ говорили о банкирахъ, вездѣ упоминаемо было имя Бетмана; о Ротшильдахъ тогда что-то еще мало было слышно, также и о Гонтарахъ. Видно, дѣла послѣднихъ не были въ столь цвѣтущемъ состояніи; но ихъ должно было поддержать, утѣшить родство съ Нессельродомъ: онъ отъ нихъ произошелъ; имъ гордятся они, какъ Нарышкины Петромъ Великимъ.

Дорогой не любилъ я бриться и одѣваться; оттого-то никого охотно не посѣщалъ. Я не былъ и не обѣдалъ съ Блудовымъ у нашего посланника при Сеймѣ; только почти въ минуту нашего отъѣзда приневолилъ онъ меня съ собою къ нему идти. Я нашедъ въ г. Адаштетъ умнаго Нѣмца съ Французскою любезностію, неутомимаго, искуснаго говоруна, который, какъ мнѣ казалось, въ многорѣчій тонитъ заповѣдныя мысли свои.

Съ тѣмъ чтобы ночевать въ Майнцѣ, послѣ поздняго обѣда, 9-го числа выѣхали мы изъ Франкфурта. Я слыхалъ объ этой неприступной

твердынь и думалъ, что увижу передъ собой высокія, огромныя укрѣпленія; мои желанія были обмануты, но это доказываетъ только невѣдѣніе мое въ фортификаціонной наукѣ. Въ первый, но не въ послѣдній разъ я переѣхалъ тутъ по мосту черезъ Рейнь, который Нѣмцы почитаютъ собственностію, а Французы—законною, естественною границей. Мнѣ не судьба была видѣть эту знаменитую рѣку во всей красѣ ея, между виноградниковъ, навислыхъ скалъ и живописныхъ развалинъ; гдѣ я ни проѣзжалъ ее, текла она въ ровныхъ берегахъ. Было еще довольно рано, когда мы пріѣхали въ Майнцъ; дѣлать было нечего, и я пошелъ смотрѣть на закатъ солнца. Картина точно прекрасная и величественная, когда пламенное свѣтило тонетъ и гаснетъ въ спокойныхъ волнахъ широкаго Рейна.

Одну только станцію до Алцея ѣхали мы Гессенъ-Дармштатскимъ владѣніемъ, потомъ вступили въ часть Палатината, принадлежащую Баваріи. За Рейномъ нѣтъ еще тутъ Франціи; но все тогда отзывалось ею, все показывало недавнее ея владычество, особенно же чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ нынѣ устроена другая кратчайшая дорога на Ингельгеймъ, мѣсто рожденія Карла Великаго, гдѣ находятся остатки дворца его, и на Сарлуи, то на-скоку назову я только здѣсь мѣста, чрезъ кои мы пролетали: Кирхенполандъ, Стандебюль, Ландштуль. Переночевавъ въ Рорбахѣ, на другое утро въ Сарбрюкѣ опять показался было Пруссій Орель, но не успѣлъ я отвернуться, его не стало, и близъ Форбаха мы переѣхали новую Французскую границу. Вездѣ на станціяхъ слышали мы забавный Французскій языкъ, коимъ говорятъ Нѣмцы, мѣняя *буки на покой, вѣди на фертъ, живете на ша* и наоборотъ. Всѣ тѣ, кои могли на немъ объясняться, какъ бы гнушались природнымъ языкомъ своимъ. Не знаю, можно ли осуждать Французовъ за то, что они неохотно учатся иностраннымъ языкамъ и даже смѣются надъ ними: за то свой въ мѣстахъ ими занимаемыхъ вводятъ въ общее употребленіе и тѣмъ прикрѣпляютъ ихъ къ Франціи.

Излишняя точность въ разсказѣ бываетъ иногда утомительна, и не знаю, хорошо ли я дѣлалъ, называя почти всѣ станціи. Воздержусь отъ того, и на подлежащемъ мнѣ пути за справками отошлю читателя къ печатнымъ маршрутамъ. Въ первомъ Французскомъ, или скорѣе офранцузженномъ, городѣ Метцѣ нельзя было не остановиться. Тутъ рѣзко обозначена была разница между двумя народами; тутъ Гальскій элементъ совершенно подавилъ и поглотилъ Германскій. Мы гуляя пошли смотрѣть какіе то ряды; на улицахъ вездѣ говоръ, хохоть, грохоть, веселые взгляды, быстрая походка. Такая живость оживила и меня. Блудовъ придрался къ случаю посмѣяться надъ моею галломаніей, а я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что самъ

Помогаль ему въ томъ. Слѣдующій день ночевали мы въ другомъ изъ трехъ Лотарингскихъ епископствъ, насильственно, но справедливо Лудовикомъ XIV присоединенныхъ къ Франціи, въ Верденѣ, который славится своими конфетами. Тутъ уже настоящая Франція, и не остается почти слѣдовъ Нѣмецкой чистоплотности. Въ лучшемъ трактирѣ, куда насъ привезли, надобно было проходить черезъ огромную кухню, высокую, въ два свѣта, чтобы по устроенной въ ней узкой лѣстницѣ войти въ жилые покои. Сіи послѣдніе были довольно щеголевато и даже богато убраны; но полъ въ нихъ былъ кирпичный, вымазанный темнокрасною краской и натертый воскомъ, какъ это водится во всѣхъ небогатыхъ домахъ Франціи. Мы неприятнымъ образомъ были симъ изумлены, особенно же Анна Андреевна. Какъ можно не хвалить опрятность? Однакоже я замѣчалъ, что тѣ, которые слишкомъ строго ее соблюдаютъ, бываютъ обыкновенно люди сердитые, суровые; добродушіе безпечнѣе на этотъ счетъ, и вотъ одна изъ немногихъ чертъ сходства нашего съ Французами.

Не доѣзжая до Шалона, пока запрягали намъ лошадей на станціи Понъ-де-Соммевелъ, разговариваль я со старикомъ - смотрителемъ почты, почтенной наружности, котораго нарядъ меня немного удивилъ. Онъ былъ напудренъ, причесанъ à l'aile de pigeon, съ косою, въ короткомъ черномъ нижнемъ платьѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ огромными пряжками, точно такъ какъ одѣвались лѣтъ за тридцать прежде того. По его словамъ, онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ находился на одномъ мѣстѣ и никогда не хотѣлъ мѣнять костюма. Онъ рассказываль мнѣ, какъ трудно было ему удержаться отъ изъявленія горести и даже слезъ, когда провозили тутъ захваченнаго въ Вареннѣ Лудовика XVI. Въ скромной долѣ своей онъ оставался недвижимъ среди народныхъ волненій: терроризмъ, война проходили надъ слабою головой его, не коснувшись ея. Насчетъ наряда своего сказалъ онъ мнѣ, что въ Парижѣ увижу много ему подобныхъ, а еще болѣе внутри Франціи. Впрочемъ это не должно было бы меня удивлять, когда, начиная отъ Метца, всѣ почтари, а въ иныхъ мѣстахъ и мужики въ блузахъ, носили еще престрашные напудренные катоганы. Сколько странностей въ этомъ непонятномъ народѣ, сколько контрастовъ, сколько постоянства при всей его верченности!

Еще ближе къ Шалону неволью должны мы были остановиться на нѣсколько минутъ въ селеніи, гдѣ не мѣняютъ лошадей, чтобы полюбоваться его церковью. Это прабольшой соборъ называемый Нотръ-Дамъ-де-л'Епинъ, и не думаю, чтобы въ цѣлой Франціи нашелся другой ему равный въ красѣ. Сколько искусства, терпѣнія, и какъ много времени нужно было, чтобы изъ камня изсѣчь такое множество кру-

жевь и ими покрыть храмъ Богородицы. Для одной этой церкви стоило бы учредить тутъ городъ.

Въ Шалонѣ на Марнѣ показывается сія рѣчка (рѣкой назвать ее много) и потомъ до самаго Парижа сопутствуетъ ѣдущимъ въ него. Берега ея обсажены виноградниками, изъ за нихъ поднимаются меловыя горы, не весьма пріятныя для вида; самые дома построены изъ меловатаго и мягкаго камня, который онѣ производятъ. Вообще вся эта страна не очень красива; сами Французы называютъ ее вшивую Шампаніей и жителей ея попрекаютъ глупостію. Русскіе молодые офицеры говорятъ о ней гораздо болѣе съ уваженіемъ: въ ней источникъ частыхъ для нихъ радостей. Не съ равными ихъ восторгами, но съ достойнымъ почтеніемъ проѣхали мы Эпернѣ, прилегающее къ нему мѣстечко Ан и купили бутылку вина, за которую и тутъ заплатили довольно дорого, девять франковъ. Становилось уже темно, когда названіе Дормана еще болѣе расположило насъ ко сну, и на этой станціи имѣли мы послѣдній ночлегъ передъ Парижемъ.

Въ Шато-Тьерри, родинѣ Лафонтена, въ хорошенькомъ городкѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, кои видѣли мы во Франціи, по мосту переѣхали мы опять Марну, и съ правой она очутилась у насъ на лѣвой сторонѣ. Почва земли изъ бѣлой превращается тутъ въ черную, и мѣста становятся гораздо пріятнѣе. Отсюда также начинается прежня провинція Бри, снабжающая Парижъ сыромъ. Отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ идетъ вплоть до столицы высокая вязовая аллея, но дорога все не дѣлается лучше. Въ этомъ случаѣ Французы должны уступить Нѣмцамъ: первымъ ѣхать пусть бы больно, лишь бы шибко; а послѣднимъ, хотя-бы тихо, только покойно. Оттого-то въ Германіи почти вездѣ находили мы шоссе, а во Франціи должны были скакать по мостовой изъ крупныхъ каменьевъ, не вездѣ равныхъ. Теперь, говорятъ, сдѣлано тамъ прекрасное шоссе. Опять Французы въ этомъ похожи на насъ: чего сами не выдумаютъ, то удачно переймутъ и перещеголяютъ.

Довольно большой городъ Мо, верстахъ въ сорока отъ Парижа, можетъ уже почитаться предметемъ его; за нимъ селенія почти безпрерывно тѣснятся въ дорогѣ, а немного проѣхавъ Клэ, предпоследнюю станцію, увидѣлъ я издали мельницы на высотахъ Монмартра, которыя такъ недавно еще Русскіе взяли штурмомъ.

VIII.

Сильно забилось во мнѣ сердце, когда 14 Юня, въ шестомъ часу по полудни, сталъ я подъѣзжать къ Парижу. Неожиданность поѣздки моей въ него, воспоминанія о побѣдахъ нашихъ, которыя вновь намъ открыли въ него путь, надежда скоро увидѣть въ немъ родныхъ, до

высочайшей степени возбужденное любопытство въ минуту, въ которую должно было оно удовлетвориться, прекрасѣйшая погода, тысяча оживленныхъ предметовъ встрѣчающихся на дорогѣ, все соединялось, чтобы сдѣлать этотъ часъ однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни.

Предмѣстье Св. Мартына чрезъ которое въѣхали мы, мало отличается отъ Пантена и Лавиллета, ему предшествующихъ, называемыхъ деревнями, но плотно застроенныхъ двухъ-этажными домами. Когда же, проѣхавъ ворота Сень-Мартена, поворотили мы вправо по бульвару, то увидѣли настоящее волненіе шумнаго Парижа. Вся уличная дѣятельность его выступаетъ на бульвары, коими также какъ въ Москвѣ, окружена вся главная середина его. Только его бульвары не похожи на Московскіе: они не что иное какъ безконечная, почти единственная широкая въ немъ улица, по обѣимъ сторонамъ которой, близко къ домамъ, стоитъ по одному ряду полуиссохшихъ деревьевъ. Чтобы немногимъ, которые не бывали или не будутъ въ Парижѣ, дать понятіе о суетливости, объ ужасномъ движеніи, какое тутъ царствуетъ, скажу я, что это вѣчная ярмарка, къ которой ежедневно присоединяется гулянье, бывающее у насъ только на Святой недѣлѣ.

Чтобъ лучше отдохнуть, поворотили мы въ улицу Де-ла-Пэ, остановились въ отелѣ Де-ла-Пэ, и какъ цѣлый день были невѣши, то скорѣе потребовали обѣды. Пока его приготавливали, трактирный слуга, domestique de place, какъ ихъ называютъ, мсье Шарль, судя по весьма неблагообразному дорожному костюму моему, принявъ меня за собрата, за Француза, принадлежащаго къ прислугѣ Блудова, обошелся со мной очень дружелюбно, и какъ внизу въ большихъ покоехъ не оставалось для меня помѣщенія, предложилъ онъ мнѣ небольшую комнатку подлѣ своей. Мнѣ было очень весело, и вмѣсто того чтобы рассердиться за такую ошибку, она мнѣ показалась забавна, и я даже принялъ его предложеніе. Онъ повелъ меня въ пятое, въ шестое, или не знаю какое жильѣ, въ мансарду, по нашему просто на чердакъ; но я нашелъ тутъ чистенькую комнатку съ обоями, съ зеркальцемъ надъ каминомъ и съ хорошею постелью. На первый случай чего мнѣ было болѣе? Немного попозже Шарль долженъ былъ удивиться, увидя меня за столомъ у Блудова, а себя за стуломъ моимъ; можетъ-быть, онъ полагалъ, что въ Россіи существуетъ обычай, чтобы слуги обѣдали съ господами, можетъ-быть тайно и позавидовалъ тому. Какъ бы ни было, я ему обязанъ за первую ночь въ Парижѣ, въ пріятномъ снѣ проведенную. Улица Мира была ни тиха, ни покойна; немного пониже долго бы мнѣ не дали уснуть, но я подыять былъ надъ нею подъ облака, и шумъ ея, какъ дальній говоръ морскихъ волнъ, еще лучше усыплялъ меня. Въ этотъ день въѣхали мы почти до свѣту, въ

жарь по мостовой проскакали болѣе ста верстъ, и послѣ сильныхъ ощущеній чувствовалъ я большое изнеможеніе, такъ что съ закатомъ солнца покатился и я на постелю свою. На ней улыбаясь вспомнилъ я стихи, коими Дмитріевъ описываетъ путешествіе Василья Пушкина:

Въ шестомъ жильѣ, откуда выѣски, кареты,
Все, все и въ лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ.

Съ этою улыбкой на устахъ заснулъ я, а можетъ-быть и проспалъ всю ночь.

Мнѣ что-то веселое грезилось, когда рано по утру послышался стукъ у дверей моихъ; онѣ отворились, и братъ мой Павелъ Филипповичъ кинулся меня обнимать. Мнѣ показалось, что пріятный сонъ мой еще длится. Получивъ письмо мое изъ Франкфурта, пока мы оставались въ этомъ городѣ и ѣхали до Парижа, онъ выпросилъ въ Мобѣжѣ дозволеніе отлучиться и прискакалъ наканунѣ пріѣзда нашего; въ Русскомъ посольствѣ, справляясь о прибытіи Блудова, узналъ даже гдѣ онъ живетъ. Мы пошли внизъ къ Блудову, которому я представилъ брата и который передалъ меня ему съ рукъ-на-руки.

Первымъ дѣломъ нашимъ было идти къ портному Леже, одному изъ знаменитѣйшихъ того времени, чтобы съ ногъ до головы одѣть меня франтомъ. Платье на другой день было готово; когда за него хотѣлъ я расплатиться, портной сказалъ мнѣ, что имѣеть счеты съ братомъ, а не со мной. Тоже самое услышалъ я отъ содержателя гостиницы Де-ла-Мѣзъ. На улицѣ Нотрѣ-Дамъ-де-Виктуаръ, куда перевезъ меня братъ, онъ объявилъ мнѣ, что за квартиру, которую я занялъ, получены деньги впередъ за цѣлый мѣсяць. Чтобъ ознакомиться съ мѣстностями города, первые дни гулялъ я съ братомъ неразлучно. Карманъ былъ у меня не пустъ, и въ щепетильномъ Парижѣ глазѣлъ я на тысячу прекрасныхъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, кои въ немъ на каждомъ шагѣ видны за стеклами. Ни одной не удалось мнѣ купить; лишь только спрошу о цѣнѣ, а уже за нее заплачено, и она моя. Послѣ того въ присутствіи брата долженъ былъ я прекратить изъявленіе желаній своихъ. Въ это время какъ будто судьба опредѣлила мнѣ быть у кого-нибудь на содержаніи. Двадцать четыре тысячи франковъ Русскій полковникъ во Франціи получалъ тогда ежегодно; въ Мобѣжѣ прожить ихъ брату было не на что; рѣдко посѣщая Парижъ, имѣлъ онъ благоразуміе лишнія деньги откладывать. Тутъ захотѣлось ему хоть разъ погулять въ немъ, конатѣшить меня и попотчивать имъ.

Почти рядомъ съ нами жилъ искусный докторъ Гарданнъ, знакомый всему Русскому корпусу, цѣлитель его. Братъ повелъ меня къ нему на консультацію. Распросивъ меня подробно о предполагаемыхъ

причинахъ моей болѣзни, о началѣ, ходѣ и слѣдствіяхъ ея, онъ объявилъ, что на воды ѣхать мнѣ не зачѣмъ, что и теперь уже совсѣмъ прекратились мои боли, а онъ постарается возвращеніе ихъ сдѣлать невозможнымъ; а мнѣ только и надобно было. Къ тому же и человѣкъ мнѣ полюбился: онъ былъ скромень, вѣжливъ, незамѣтно въ немъ было ни малѣйшаго шарлатанства, откровенная его наружность вселяла довѣренность; я предвидѣлъ, что частыя сношенія съ нимъ должны быть пріятны. Лѣченіе мое, не весьма строгое, началось на другой же день.

Скоро изъ Ретеля пріѣхали для свиданія со мною еще новые содержатели мои, сестра съ мужемъ, тогда какъ прежніе содержатели Блудовы не успѣли еще отправиться въ Лондонъ. Какъ слѣдуетъ Русскому генералу, Алексѣевъ занялъ славную квартиру въ отелѣ Де-Бретань, на Ришельевской улицѣ, вблизи отъ моднаго Итальянскаго бульвара и знаменитаго кафе Тортона, насупротивъ знатнаго игрецкаго дома, извѣстнаго подъ именемъ Фраскати. Мы съ братомъ перѣѣхали къ нему, хотя гораздо скромнѣйшая квартира моя осталась все за мной. Тутъ-то мы пожили! Вообще всѣ Русскіе изъ скучныхъ супрефектуръ своихъ пріѣзжали въ Парижъ не за тѣмъ чтобы беречь деньги; Алексѣевъ былъ охотникъ погулять, повеселиться, а какъ это было на короткое время, то жена дала ему полную волю. Помогая ему сорить деньгами, я иногда вспоминалъ Русскія поговорки: «копѣйка ребромъ, хоть часъ да вскачъ» и тому подобныя. Никакой издержки не позволено мнѣ было дѣлать: всѣ трое хозяйничали во Франціи, а я былъ у нихъ пріѣзжимъ гостемъ. Дома мы никогда не обѣдали, на дешевые трактиры, на обыкновенный столъ смотрѣть не хотѣли: подавай намъ Бовилье, Вери, Фреръ-Провансо, Роше-де-Канкаль; каждый день попеременно мы у нихъ роскошничали въ особыхъ комнатахъ. Оно было не совсѣмъ хорошо при необходимой для меня діетѣ, но строгое соблюденіе ея все откладывалъ я до ихъ отѣзда.

Послѣ обѣда уже я становился распорядителемъ остальнаго времени дня, и хотя былъ пріѣзжій, но зналъ Парижъ по-наслышкѣ не хуже ихъ и едва ли не лучше. Многіе изъ отдаленныхъ кварталовъ, которые нынѣ поглощены всепожирающимъ Парижемъ, тогда цвѣли и подъ гостепримную сѣнь своихъ вѣковыхъ деревьевъ призывали веселиться жителей. Таковы были сады: Руджіери, Белльвию, Тиволи, Фоли-Божонъ; содержатели ихъ истощили Французское воображеніе свое, чтобы для единосемцевъ и иностранцевъ заманчивымъ образомъ украсить ихъ. Минутнымъ посѣтителемъ нечего было гоняться за большимъ свѣтомъ, который, впрочемъ какъ и вездѣ, жилъ въ это время за городомъ. Въ вышеупомянутыя мѣста почти каждый вечеръ возилъ я моихъ род-

ныхъ, разумѣтся въ нанимаемыхъ ими коляскахъ. Въ каждомъ изъ сихъ садовъ еженедѣльно было по три праздника, *fêtes champêtres*, и плата за входъ была весьма умеренная. А чего на нихъ не было! Искусно освѣщенные горы для катанья, воздушные шары, которые спускались въ видѣ дельфиновъ, орловъ, иногда и людей, препорядочныя фейерверки, небольшія иллюминаціи, но пріятно для глазъ устроенныя изъ разноцвѣтныхъ огней или Китайскихъ фонарей; на все то что называется колифише Французы великіе мастера. Въ разныхъ мѣстахъ находилась музыка, и была зала для танцующихъ. Общество тутъ встрѣчаемое нельзя было назвать отборнымъ или блестящимъ: по большей части состояло оно изъ субретоковъ; гризетокъ, писцовъ, комми, парикмахеровъ и тому подобнаго. Но какъ все это было хорошо одѣто, какъ весело и какъ пристойно! Не стыдно было маркизамъ и дюшесамъ посѣщать сіи мѣста, и ихъ малое число было очень примѣтно по снисходительнымъ улыбкамъ, съ которыми смотрѣли онѣ на веселящихся, не мѣшаясь съ ними. Когда вспомнишь это и посмотришь на наши нынѣшнія лѣтнія увеселенія, совсѣмъ не простонародныя, то становится и стыдно, и грустно, и досадно.

Какъ ни весела была такая жизнь, послѣ трехъ недѣль сдѣлалась она для меня утомительна. Когда родные мои разъѣхались по корпуснымъ и дивизионнымъ квартирамъ своимъ, я началъ уже жить собственнымъ умомъ и собственными деньгами. Прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, услышалъ я отъ него яѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня. Положеніе весьма многихъ изъ находящихся подъ начальствомъ графа Воронцова было совсѣмъ не такъ завидно, какъ въ Петербургѣ полагали и разглашали. Въ характерѣ этого человѣка было смѣшеніе самыхъ любезныхъ свойствъ съ ужаснымъ, всякую мѣру превосходящимъ самолюбіемъ и несносною, несправедливою въ иныхъ случаяхъ взыскательностію. Скоро, часто и много долженъ я буду говорить объ немъ; здѣсь скажу только, что поступки его съ генераломъ Алексѣевымъ, безобиднымъ, всегда покорнымъ начальству, поколебали высокое мнѣніе, которое имѣлъ я о его добротѣ и разсудкѣ. Внимая наговорамъ, разнымъ родственнымъ сплетнямъ, безъ всякой настоящей причины, сталъ онъ вдругъ сильно преслѣдовать человѣка въ равномъ съ нимъ чинѣ. Алексѣевъ не мастеръ былъ на бумаги; между его подчиненными нашелся человѣкъ, который сочинилъ ему почттельную протестацію, въ которой смѣло изъяснена вся несправедливость Воронцова. Оскорбленный, раздраженный и отъ ранъ уже хворый войнѣ до того былъ встревоженъ, что слегъ въ постель, и всѣ думали, что онъ уже съ нея не встанетъ. Неправосудіе было такъ очевидно, что всѣ дивизионныя и бригадные генералы явно

возроптали. Слухъ объ этой ссорѣ дошелъ и до Варшавы, гдѣ Цесаревичъ, давнишній покровитель и заступникъ Алексѣева, объявилъ, что онъ въ обиду его не дастъ и, если нужно, будетъ за него писать къ Государю. Въ союзной арміи также произвело это нѣкоторый шумъ. Уступая необходимости, Воронцовъ предложилъ мировую и самъ пріѣхалъ въ Ретель навѣстить и утѣшить больного, который только что началъ выходить изъ опасности. Все это происходило мѣсяца за два или за три до пріѣзда моего во Францію. Бѣда случилась отъ того, что кавалерія, поставлена будучи далеко отъ Мобѣжа, составляла изъ себя нѣчто отдѣльное, на чтѣ корпусная квартира весьма косилась; еще отъ того, что Льву Александровичу Нарышкину, двоюродному брату Воронцова, начальнику казацкой бригады, не хотѣлось оставаться въ зависимости отъ Алексѣева. Дѣла были совѣмъ полажены, и въ Парижѣ встрѣтилъ я Воронцова въ передней у зятя моего, который, его провожая, мимоходомъ меня ему представилъ.

Оставшись совершенно одинъ въ большомъ городѣ, чужомъ, для меня совѣмъ новымъ, однакоже я довольно хорошо его узналъ и довольно ко всему въ немъ прицѣнился, чтобы, не тратя лишнихъ денегъ, могъ пріятнымъ образомъ провести въ немъ время. Это, я думаю, одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ одинокая уличная жизнь не скоро можетъ прискучить, особенно въ молодости. Потому, каждый, согласно со склонностями своими и образомъ мыслей, можетъ составить себѣ кругъ знакомства, и даже довольно обширный: вотъ чтѣ притягиваетъ и прилѣпляетъ къ этому городу. Только нужно на то время тамъ, гдѣ пріѣзжимъ числа нѣтъ, не бросаются иностранцамъ на шею какъ у насъ въ Москвѣ (препрославленное ея гостепріимство по большей части дѣйствіе тщеславія и любопытства ея жителей). Старикъ Шишковъ самъ былъ смѣшонъ, когда насмѣхался надъ Василиемъ Пушкинымъ, утверждая, что въ Парижѣ зналъ онъ однѣ только улицы и дома; а сей послѣдній еще смѣшнѣе, когда въ отвѣтъ къ нему хвастался знакомствомъ Фонтана, Герля, Легувѣ. Для Русскаго хорошаго писателя знакомство съ извѣстнымъ Французскимъ, можетъ-быть, большое взаимное удовольствіе, отнюдь не высокая честь. Одиая только былъ тогда писатель во Франціи, передъ коимъ и по заочности былъ я колѣнопреклоненъ и передъ которымъ въ этомъ видѣ готовъ я былъ предстать: это Шатобрианъ; но его тогда не было въ Парижѣ.

Лѣто—самое невыгодное время для наблюдательныхъ посѣтителей Парижа: общество живетъ за городомъ, камеры бывають закрыты, всѣ курсы прекращены, и самый театръ лишается лучшихъ своихъ актеровъ; они разъѣзжаютъ въ это время по большимъ городамъ Франціи и кучами франковъ собирають дань удивленія съ жителей. Остаются

однѣ только прогулки въ городѣ и за заставами его и лѣтнія увеселенія самаго веселаго народа въ мірѣ. Ими старался я воспользоваться. По Воскресеньямъ ходилъ я въ Елисейскія поля смотрѣть, какъ въ двухъ ротодахъ, называемыхъ залами Аполлона и Марса, Парижскіе мѣщане и солдаты отчаянно пляшутъ кадрили, съ разряженными, миленькими ленжерками и здоровыми кошуазами, въ народномъ костюмѣ съ превысокими шляпами и баволетами. Между собой этотъ народъ былъ, право, гораздо учтивѣе, чѣмъ нынѣ иные молодые люди обходятся съ дамами въ хорошихъ обществахъ. Изъ любопытства я разъ былъ и въ загородномъ трактирѣ Ла-Куртиль, по воскреснымъ днямъ многочисленною публикой посѣщаемомъ, гдѣ неоплаченное акцизомъ дешевое вино льется ручьями. Тамъ большой учтивости я не замѣтилъ; слышалъ жаркіе споры, сильную брань, но до драки при мнѣ не доходило. Любимымъ предметомъ моихъ прогулокъ былъ булеваръ Тампля, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся увеселительныя мѣста: сперва театры, о коихъ говорить буду послѣ, потомъ манежъ знаменитаго волтижера Франкони, далѣе небольшая сцена, съ которой шутъ Бобешъ полтора часа, не умолкая, вретъ народу каламбуры; далѣе акробаты. На другой сторонѣ Турецкій садъ, занимающій пространство не болѣе сорока квадратныхъ саженъ, но который Французское мелочное искусство умѣло поднять въ три этажа, насыпавъ горку на горку, соединивъ ихъ мостиками, во впадинахъ устроивъ гроты, а другіе начинивъ цвѣтничками и выгадавъ мѣсто для галереи въ Турецкомъ вкусѣ, довольно длинной, въ концѣ коей за конторкой съ напѣтками сидѣла въ Турецкомъ нарядѣ толстуха. Рядомъ съ этимъ садомъ былъ другой, впятеро его болѣе, называемый «Садомъ Принцевъ». Чего въ немъ не было! И портретъ г-жи Мансонъ, несчастной, невинной женщины, замѣшанной въ уголовномъ дѣлѣ объ убійствѣ Фюалдеса, занимавшемъ тогда всю Францію; и калейдоскопъ-тиганти, изображеніе того года; и ученая собака Минутто, играющая въ домино; и работающія блохи. Все это послѣ было очень обыкновенно, но, вѣроятно, замѣнено другими причудами. Очень хорошо эти сады или садики каждый вечеръ были иллюминированы, и входъ стоилъ въ нихъ бездѣлицу.

Вѣчно одному находиться въ этой толпѣ было бы, наконецъ, скучно. Судьба наслала мнѣ не товарища, не путеводителя, не собесѣдника, а, такъ сказать, согулятеля. Въ жизни этого человѣка было довольно превратностей, чтобы вкратцѣ упомянуть о нихъ. Когда, во избѣжаніе поединковъ, Александръ офицерамъ своей гвардіи велѣлъ носить въ Парижѣ фраки, каждый полкъ, по своему вкусу, выбралъ себѣ портнаго. На Монмартрскомъ булеварѣ былъ одинъ магазинъ платьевъ, ко-

торый полюбился Измайловскимъ офицерамъ. Красивый и веселый мальчикъ, довольно самолюбивый, изъ него носилъ къ нимъ примѣривать жилеты и панталоны. Онъ всѣмъ имъ чрезвычайно понравился, полкомъ его усыновили и хотѣли увести съ собой въ Россію; но въ услуженіе онъ ни къ кому идти не хотѣлъ. Какъ быть? Рѣшились на обманъ: отыскали гдѣ-то неимущаго, молодого легитимиста, кавалера Св. Лудовика, который за двадцать лудировъ согласился написать и подписать просительное письмо къ Константину Павловичу. Въ немъ объяснялъ онъ, что несчастія революціи заставили роднаго племянника его, древне-благороднаго происхожденія, скорѣе чѣмъ служить хищнику, тирану, приняться за ремесло, но что нынѣ желаетъ онъ посвятить его служенію избавителя Европы. А этотъ мнимый племянникъ былъ сынъ гюссее (родъ сторожа неважнаго суда въ небольшомъ городѣ Оксеррѣ) и назывался Оже. Извѣстно, что цесаревичъ имѣлъ слабость къ Французамъ: на основаніи этого единственнаго документа молодой человекъ принять подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ и съ нимъ на корабль приплылъ въ Петербургъ.

Неудивительно, что тайна хорошо сохранилась: всѣ были виновны въ подлогѣ. Ипполитъ Оже или г. Оже *де-Сентъ-Ипполитъ*, какъ онъ себя называлъ, содержимъ былъ на счетъ офицерской складчины: «съ міра по ниткѣ-голосу рубашка,» говоритъ пословица. Подпрапорщики позволяли себѣ также не носить тогда мундировъ, и онъ введенъ былъ кое въ какія общества. Я увидѣлъ его у двоюродной невѣстки моей Тухачевской, о галломаніи коей я уже говорилъ; она затѣяла домашній Французскій театръ, и онъ игралъ на немъ. Булеварные фарсы въ точномъ смыслѣ не были прежде извѣстны въ Петербургѣ; о Жюкрисахъ, о Каде-Русселъ зналъ я только по-наслышкѣ; но мнѣ сдавалось, что онъ долженъ на нихъ походить. Это былъ настоящій Парижскій *gamin*, малый очень добрый, но вооруженный чудеснымъ безстыдствомъ; онъ не краснѣя говорилъ о великихъ своихъ имуществвахъ во Франціи, выдавалъ за свои стихи, которые вѣроятно выкапывалъ изъ безчисленныхъ, брошенныхъ и забытыхъ альманаховъ. Послѣ вторичнаго возвращенія Государя, всѣ военные одѣлись опять въ мундиры; а онъ въ продолженіе этого времени не хотѣлъ выучиться ни Русской грамотѣ, ни фронтовой службѣ, не зналъ никакой дисциплины, становился дерзокъ, всѣмъ надоѣлъ, и его просто вытурили изъ полку. Въ это время составила какая-то Французская вольная труппа актеровъ изъ оборышей прежней и вербовала всѣхъ кто ей ни попадался. Государь слышать не хотѣлъ о принятіи ея на казенное содержаніе, и она играла въ манежѣ князя Юсупова на Обуховскомъ проспектѣ; мнѣ сказывали, что ничего нельзя было видѣть хуже. Не имѣя ника-

кихъ средствъ къ существованію, бѣдный Оже рѣшился показаться тутъ на сценѣ и тѣмъ довершилъ паденіе свое во мнѣніи небольшого круга, которому былъ извѣстенъ. Не знаю, послѣ того что бы сталъ онъ дѣлать, еслибы кавалергардскій Лунинъ не вышелъ въ отставку, осенью не поѣхалъ бы моремъ во Францію за новыми либеральными идеями и не взялъ бы его съ собою.

Я нечаянно встрѣтилъ его въ Тюльерійскомъ саду, и онъ мнѣ чрезвычайно обрадовался. Видно, обстоятельства его были не въ самомъ лучшемъ положеніи; ибо, не смотря на нероскошное житіе мое, онъ охотно ко мнѣ приписался. Чѣмъ онъ жилъ, право, не знаю; полагать должно, какъ тысячи другихъ въ огромномъ Парижѣ, падающими крупицами. Около меня много поживиться ему было нечего; правда, почти каждый день, хотя умѣренно, но даромъ, онъ обѣдалъ, часто даромъ ѣздилъ гулять и ходилъ въ театръ, а для Француза которому забавы потребны столько же, какъ воздухъ, это уже очень много. Подъ конецъ, однакоже, за его услужливость, за всегдашнюю готовность исполнять мои порученія, нечаянно удалось мнѣ и ему оказать услугу. За нѣсколько времени до выѣзда изъ Пензы, чтобы чѣмъ нибудь развлечь грусть свою и занять умъ, перевелъ я на Французскій языкъ *Марю Посадницу* Карамзина; не знаю, какимъ образомъ рукопись эта была со мною. Оже увидѣлъ ее, нашелъ, что нехудо бы ее напечатать, а я предоставилъ ее въ полное его владѣніе. Кто могъ бы ожидать? За нее книгопродавецъ предложилъ ему полторы тысячи франковъ. Либераламъ полюбилась мысль, что и посреди сѣвговъ Сѣвера, въ варварской Россіи, въ отчизнѣ рабовъ, знали нѣкогда свободу, имѣли народное правленіе. Она вышла въ свѣтъ какъ сочиненіе г. Оже и подражаніе Карамзину. Даже слогомъ остались довольны; когда бы знали, что писано Русскимъ, были бы взыскательнѣе: Французы чужестранцамъ неохотно позволяютъ хорошо писать на ихъ языкѣ. Послѣ того корифеи оппозиціи, и между прочими, самъ Бенжамень-Констанъ, пожелали узнать Оже; онъ былъ не безграмотенъ, стали употреблять его, заставляли писать въ журналахъ, поправляли его статьи, поддерживали его, и онъ, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ литераторы. Съ легкой руки моей пошелъ онъ въ гору, только поднялся невысоко. Гораздо послѣ случалось мнѣ, если не читать, то пробѣгать его печатные романы, и я находилъ, что они ничѣмъ не хуже много другихъ краткожизненныхъ своихъ собратій.

Все споспѣшествовало тому, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлать пріятнымъ для меня. Давно уже не жилъ такъ я, чтобы мнѣ не нужно было помышлять, заботиться о завтрашнемъ днѣ. Съ самаго начала революціи жерло ея никогда не казалось такъ покойно какъ

въ этомъ году. Всѣ ужасы, въ мое время, какъ будто бы отлетѣли отъ Парижа. Тщетно желалъ я слушать адвокатовъ въ уголовномъ судѣ, cour d'assises: ни одного важнаго дѣла въ немъ не производилось, ни одной торговой казни при мнѣ не было. Я любопытствовалъ заходить въ Моргу: ни одного утопленника, ни одного трупа никогда не находилъ. Не знаю, назвать ли это счастьемъ или неудачей.

Квартиры своей не мѣнялъ я до самаго отъѣзда: я такъ былъ ею доволенъ, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь ее описать. Она была о трехъ окошкахъ на улицу и состояла изъ двухъ высокихъ комнатъ. Первая довольно узкая, раздѣлена была еще на двое: въ одной половинѣ ея, составляющей темную переднюю, за ширмами спаль привезенный мнѣ изъ Мобѣжа Русскій служитель; другая съ окномъ называлась туалетнымъ кабинетомъ, но я рѣдко въ нее входилъ. Въ большой же широкой комнатѣ была глубокая впадина или ниша, въ которой за занавѣсами находилась роскошная постель; по бокамъ въ двухъ другихъ малыхъ впадинахъ могъ помѣщаться гардеробъ. Комната оклеена была сѣренькими обоями съ черною шерстяною каймой; мебели въ ней, краснаго дерева, обиты были желтымъ Утрехтскимъ бархатомъ; она украшена была двумя большими зеркалами въ позолоченныхъ рамахъ: одно въ простѣнкѣ, другое надъ большимъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояли бронзовые часы и фарфоровыя вазы съ искусственными цвѣтами *). И за все это въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Пале-Рояля, платилъ я по 75 франковъ въ мѣсяцъ; нынѣ, говорятъ, не менѣе двухъ сотъ стоитъ такое помѣщеніе.

Мнѣ хотѣлось, пользуясь совершенною независимостью, только-что таскаться по публичнымъ мѣстамъ; однакоже безъ нѣкоторыхъ знакомствъ и посѣщеній дѣло не обошлось. Бетанкуръ и его институтскіе Французы утверждали, что, будучи такъ близко отъ Парижа, нельзя, чтобы я не завернулъ въ него и на всякій случай надавали мнѣ писемъ. Я начну съ описанія знакомствъ въ нисшемъ кругу, которые они мнѣ доставили.

Отецъ моего любезнѣйшаго Базена былъ предобрѣйшій человѣкъ, только рѣшительно принадлежалъ къ простонародію. Черезъ покровительство сына получилъ онъ мѣсто надсмотрщика за провозомъ товаровъ, на отдаленнѣйшей изъ заставъ Парижскихъ, называемой Адскою, Barrière d'Enfer. Тамъ нашелъ я его совсѣмъ не въ красивомъ нарядѣ, со щупомъ въ рукахъ. Нельзя описать добродушной радости

---

* Такая роскошь тогда недавно еще распространилась въ Парижѣ; для меня была она предметомъ удивленія въ наемной квартирѣ. Нынѣ, говорятъ, благодаря успѣхамъ промышленности и соревнованію промышленяющихъ, можно найти ее даже въ каморкахъ привратниковъ,

его, когда онъ увидалъ письмо отъ сына: слезы у него показались, и онъ бросился мнѣ на шею. Потомъ громко позвалъ жену, которая хотѣла было тоже сдѣлать, но, къ счастью, остановилась: она что-то стирала, и руки по локоть были у нея въ мылѣ. Она спросила: что этотъ мсье знаетъ нашего сына? (*notre fils, le colonel de là-bas*: даже Россіи назвать не умѣла). Они просили меня въ слѣдующее Воскресенье къ себѣ обѣдать. Изъ пріязни къ Базену и изъ любопытства посмотрѣть на житье этого класса людей, я согласился и далъ слово. Я нашелъ тутъ въ хорошей казенной квартирѣ, которую могъ бы занимать и не надсматривать *ostroi*, одно только семейство его. Старики жили одни и по воскреснымъ днямъ только собирали у себя разсѣянныхъ по городу дѣтей своихъ. Тутъ находилась старшая дочь съ мужемъ-портнымъ, двѣ другія дочери, которыя жили гдѣ-то въ швеяхъ, и, наконецъ, премилый молодой человекъ, меньшей сынъ, который оканчивалъ науки въ Политехнической Школѣ. Чего не было напечено, наварено, нажарено! Ремесленные люди во Франціи обыкновенно бываютъ довольно умѣренны въ пищѣ; за то, придерживаясь старины, по прежней привычкѣ, въ первый день новой седмицы, спѣшать вознаграждать себя за воздержаніе. Даже во время революціи они знать не хотѣли декады, десятый день для отдыха ею установленный, и я думаю, что отчасти это сохранило между ними христіанскіе обычаи и слѣдственно вѣрованія. Мнѣ полюбились тутъ и почтительно-свободное обхожденіе дѣтей съ родителями, и ласково-повелительный съ ними тонъ сихъ послѣднихъ. Какая простота царствуетъ между этимъ народомъ представить себѣ нельзя, какое невѣдѣніе зла! Ну, право, въ нашихъ уѣздныхъ городахъ каждый зажиточный мѣщанинъ, каждый мелкій чиновникъ гораздо болѣе обо всемъ имѣетъ понятій. Не знаю, гордиться ли намъ этимъ? Еслибы, безпрестанно возбуждая тщеславіе, какъ въ добродушныхъ Парижанахъ, даны были нашимъ средства къ возстанію: не знаю, не хуже ли было бы у насъ, чѣмъ во Франціи.

Я былъ тутъ какъ посланный, какъ представитель отсутствующаго божества; имя его безпрестанно повторялось. Не знали чѣмъ угодить мнѣ, чѣмъ угостить меня. Я былъ растроганъ: душевное уваженіе мое къ Базену, который не гнушался такихъ родныхъ, въ этотъ день еще умножилось. Десять лѣтъ онъ ихъ не видалъ и оставилъ ихъ въ положеніи гораздо хуже того, въ которомъ я нашелъ ихъ. Я вспомнилъ, съ какою нѣжностью передъ отъѣздомъ моимъ говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, какъ просилъ, въ случаѣ если буду въ Парижѣ, навѣстить ихъ, стараться быть съ ними ласковымъ, неспѣсивымъ. Послѣ этого обѣда, не помню, случилось ли еще разъ мнѣ быть у нихъ.

Также и Монферранъ адресовалъ меня къ родительницѣ своей, мадамъ Коммаріе, по второму мужу. Счастливый случай свелъ эту женщину, вдову безвѣстнаго бѣднаго артиста, съ Русскимъ богачемъ Николаемъ Никитичемъ Демидовымъ. Не знаю какого рода услуги съ самаго начала могла она оказывать ему, только пользовалась полною довѣренностью какъ его самого, такъ и супруги его, урожденной Строгановой, недавно передъ тѣмъ представльшейся. Отъ обоихъ тайно принимала она незаконнорожденныхъ ихъ дѣтей и потомъ въявь воспитывала ихъ; разумѣется, не изъ чести лишь одной дѣлала она такія одолженія. На Русскія деньги нанимала она, въ улицѣ Тетбу, большую и щеголеватую квартиру и въ ней нерѣдко принимала гостей, подчивая ихъ вкуснымъ обѣдомъ. Ея знакомство было для меня весьма пріятно, а для богатыхъ Русскихъ могло быть и полезно. Она имѣла связи во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Парижа; вмѣстѣ съ нею можно было покупать въ нихъ лучшія вещи безубыточно, такъ что и продавецъ оставался безъ наклада, и она была съ барышомъ. Такого рода женщины, когда подымутся до порядочнаго общества, дѣлаются несносны чопорностію своею и притязаніями на уваженіе, въ когоромъ знаютъ, что всякій въ правѣ отказать имъ. Разговоръ г-жи Коммаріе остался милъ, чрезвычайно живъ и смѣль, однакоже слегка подернуть полупрозрачною благопристойностію. Такой животрепещущей старухи мнѣ не случалось еще видѣть; сколько разъ, гуляя съ ней, долженъ я бывало просить ее убавить ходу, когда въ шестьдесятъ лѣтъ, въ капотѣ розѣ, въ соломенной шляпкѣ съ розанами, скорѣе бѣжала чѣмъ шла она со мною по бульвару.

На чернорабочій народъ вскользь посмотрѣлъ я въ Ла-Куртиль, ремесленный видѣлъ у Вазеновъ, а у Коммаріе увидѣлъ я особое общество получестное, полуобразованное, въ большихъ сношеніяхъ съ журналистами. Надобно мнѣ было ознакомиться и съ аристократіей промышленности и торговли, и я воспользовался представившимся къ тому случаемъ. Бетанкуръ и Брегетъ, друзья-механики, довольно часто переписывались другъ съ другомъ. Первый письмомъ просилъ послѣдняго, въ случаѣ пріѣзда моего, оказать мнѣ возможное пособіе, и если нужда потребуетъ снабдить меня деньгами, сколько бы я ни попросилъ, и что онъ за все ручается. Нечаянно узнавъ о томъ, я поспѣшилъ къ Брегету, а онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ услугъ, отъ коихъ я отказался. Въ продолженіе нашего знакомства, онъ не разъ повторялъ свои предложенія, а я, не имѣя нужды въ деньгахъ, все отказывался отъ нихъ; наконецъ, онъ сказалъ, что между Русскими онъ еще не видалъ столь порядочнаго (rangé) молодого челоуѣка. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, и оттого-то онъ такъ и называлъ меня.

У него былъ собственный домъ въ Ситѣ, на этомъ большомъ острову Сены, который составлялъ Парижъ въ первыя столѣтія его существованія. Домъ этотъ въ три этажа, сквозной, одною стороною выходилъ на набережную де л'Орложъ, а другою—на площадь Дофинъ. Ни жилище, ни житее его не имѣли блестящей наружности; за то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ замѣтно было нѣчто наслѣдственное, прочно устроенное. Предки его были часовщики, также какъ и онъ самъ; но онъ болѣе ихъ усовершенствовалъ ихъ искусство и умножилъ состояніе свое; домъ, принадлежавшій имъ, оставилъ онъ въ прежнемъ видѣ, не увеличивъ его; только мало-по-малу уменьшая число наемщиковъ, наконецъ, самъ весь его занялъ. Эти полинялые обои, вѣроятно, свѣжими видѣлъ отецъ его; въ эти небольшія зеркала, на этомъ же мѣстѣ, смотрѣлся онъ. Я не могъ надивиться такой неподвижности среди народныхъ бурь, такъ часто тутъ свирѣпствовавшихъ. Самъ Брегетъ занимался мною мало: степенные люди того времени не искали сближенія съ людьми гораздо моложе ихъ. Но единственный его сынъ, тридцати-восьмилѣтній молодой человекъ въ глазахъ его старался быть со мною любезно-гостепріимнымъ, предлагалъ свой кабріолетъ, своихъ верховыхъ лошадей. Въмѣсто умершей жены Брегета хозяйствомъ заправляла старуха, сестра его, добрая дѣвка лѣтъ шестидесяти пяти. По разпросамъ узнала она очень хорошо, что докторъ дозволяетъ мнѣ ѣсть, и всегда заботилась о томъ, чтобъ я былъ сытъ, когда у нихъ обѣдаю, а это, по ихъ приглашеніямъ, случалось почти каждую недѣлю.

Простота нравовъ соединялась въ этомъ семействѣ съ большимъ просвѣщеніемъ. Хозяинъ дома былъ довольно богатъ, чтобы находиться въ короткихъ сношеніяхъ съ банкирами, съ финансовыми князьями, но онъ не искалъ ихъ: его болѣе посѣщали ученые, артисты и литераторы, и самъ онъ былъ членомъ Института по части наукъ. Почти всегда я встрѣчалъ у него двухъ довольно извѣстныхъ людей: Проні, начальника Политехнической Школы, сочинителя многихъ полезныхъ математическихъ книгъ, и другаго—Лемонтѣ, остроумнаго, но лѣниваго писателя. Сей послѣдній прибрѣлъ извѣстность нѣсколькими сатирическими, забавными повѣстями, а болѣе изданіемъ Записокъ маркиза Данжо, съ прибавленіемъ пространныхъ критическихъ замѣчаній, что и составило часть исторіи Лудовика XIV. Оба были ко мнѣ очень благосклонны, и еслибъ я остался въ Парижѣ, чрезъ нихъ могъ бы расширить знакомство свое въ ученомъ кругу; но по краткости времени мнѣ о томъ и думать нельзя было. Къ сожалѣнію, всѣ эти господа были очень наклонны къ либерализму; опытъ былъ у нихъ передъ глазами, но не могъ отрезвить ихъ. Особенно Брегеты, отецъ и

сынъ, были въ восторгѣ отъ изобрѣтательной Англїи, что, по моему мнѣнію непростительно и даже преступно во Французахъ.

Въ другую атмосферу попасть я не могъ. Мнѣ не слѣдовало бы говорить о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ маркизомъ Де-ла-Мезонфоръ; но это была единственная дверь, которая отворилась передо мною для входа въ общество высшихъ легитимистовъ, и что всего страннѣе, ее отперъ мнѣ бывший террористъ Сенноверъ. Я уже рассказъ, какъ умѣлъ онъ прикинуться эмигрантомъ; тамъ свелъ онъ короткое знакомство съ этимъ маркизомъ, который, находясь въ Русской службѣ, занималъ неважныя должности по дипломатической части, какъ напримѣръ, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Брауншвейгѣ. Послѣ реставраціи получилъ онъ важное мѣсто интенданта королевскаго двора, не столь высокое какъ у насъ (министра императорскаго) однакоже, кажется, равное гофмаршальской должности въ соединеніи съ гофмейстерскою; имѣлъ большое содержаніе и обширное помѣщеніе въ придворныхъ зданіяхъ на Вандомской площади. Онъ слылъ за чрезвычайно спѣсиваго и по возвращеніи на родину оказалъ себя такимъ даже и съ Русскими, но тѣ какъ-то отучилъ его. Я видѣлъ его въ Петербургскихъ обществахъ, и онъ тотчасъ узналъ меня, когда я завезъ ему письмо Сенновера. Со мною былъ онъ очень привѣтливъ, сказалъ, что мало бываетъ въ Парижѣ, а лѣтомъ большую часть времени проводитъ около Марли, въ Люсиеннѣ, любимомъ мѣстопребываніи извѣстной Дюбарри; сказалъ, что тамъ надѣется познакомить меня со многими изъ благомыслящихъ его соотечественниковъ и записалъ мой адресъ. Черезъ нѣсколько дней прислалъ онъ пригласить меня туда обѣдать; я не могъ, ибо приглашенъ былъ въ другое мѣсто. Я опять засталъ его дома, чтобъ извиниться и поблагодарить за приглашеніе; опять онъ самъ заѣзжалъ звать меня, и опять я не поѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство; зимой съ пользою могъ бы я возобновить его, но я такъ долго не остался. Послѣ былъ онъ посланникомъ во Флоренціи, а послѣ я уже объ немъ болѣе не слыхалъ.

Изъ Русскихъ довольно часто я видѣлъ двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли знавшіе о существованіи другъ друга, въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житію иной достаточный человекъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: цѣлый вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайникъ, изъ коего черпали средства къ постоянному поддержанію своей роскоши. Первый,

Иванъ Петровичъ Липранди, служившій тогда подполковникомъ генеральнаго штаба при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего Тухачевского; все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда былъ онъ родомъ и какого происхожденія, мнѣ неизвѣстно; судя по фамильному имени, надобно было почитать его Итальянцемъ или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только Русскій и принадлежалъ къ православному исповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ; только въ послѣднемъ чего-то не доставало. Какими бы средствами человекъ ни собиралъ матеріалы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленно приходили къ нему, чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать! Еще былъ бы онъ весельчакъ, ни мало: онъ всегда былъ мраченъ, и въ мутныхъ глазахъ его никогда радость не блистала. Въ немъ было Бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одоженія, отчего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихся и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ отъ того казался онъ страшенъ; но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ онъ большой твердости духа не покажетъ.

Всякій разъ что, немного поднявшись по лѣстницѣ, заходилъ я къ нему, находилъ я изобильный завтракъ или пышный обѣдъ: на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и добраго винограда, искусственно произрастающаго въ Фонтенбло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощалъ онъ? Людей съ такими подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ, что обожаетъ Русскихъ и въ особенности мнѣ желалъ бы на что-нибудь пригодиться; тотчасъ послѣ того объяснилъ, какого рода услуги можетъ онъ оказать мнѣ. Какъ султанъ, властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя, что я съ улыбкой слушаю его, сказалъ онъ: «я не скрою отъ васъ моего имени; васъ, по крайней мѣрѣ, не должно оно пугать:

я Видокъ». И дѣйствительно, оно не испугало меня, потому что я слышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою Парижскихъ шпионовъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человѣкъ за великія преступленія былъ осужденъ нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носить клеймо на спинахъ. Нѣтъ, отъ такого человѣка не захотѣлъ бы я и Магометова рая! Не помню послѣ того, былъ ли я у Липранди. Неприятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я: чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ тайны Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ этими людьми; также какъ они, Липранди одною ногою стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультрасвободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той или другой стороны.

Другой промышленникъ, Николай Александровичъ Старинкевичъ, былъ давнишній мой знакомецъ. Уроженецъ изъ Бѣлоруссіи, сынъ Шкловскаго священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ университетѣ подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ. Изъ нихъ нѣсколькими годами старѣе Александра, сохранялъ онъ съ нимъ связи, а чрезъ него былъ знакомъ и съ нами. Пользуясь природными способностями, быстротою понятія, удивительною легкостью въ работѣ, гибкостью характера, сталъ онъ шибко подвигаться въ чинахъ по юстицкой части и, въ званіи начальника отдѣленія канцеляріи, сдѣлался любимцемъ самаго министра князя Лопухина. Но онъ слишкомъ любилъ житейское, веселыя холостыя бесѣды; не имѣя денежныхъ средствъ, чтобы вдоволь натѣшиться, началъ прибѣгать къ займамъ; это много повредило ему, и самые невыгодные о немъ слухи стали доходить до министра, который просто велѣлъ ему оставить службу. Привычка дѣлать долги обратилась у него въ страсть; пока онъ находился въ службѣ, она легко могла быть удовлетворяема: заимодавцы его по большей части были просители, коихъ дѣла были ему поручены; они не преслѣдовали его. Но тутъ на свободѣ надобно было видѣть изворотливость его, когда, не отказывая себѣ ни въ чемъ, пришлось ему жить одними долгами; надобно было видѣть ловкость, искусство, съ какими, умножая число кредиторовъ своихъ, умѣлъ онъ защищать себя, убѣгать отъ нихъ. Такая тревожная жизнь другому была бы мукою, но онъ находилъ въ ней наслажденіе. Наконецъ, когда угрожаемъ былъ тюрьмою, онъ рѣшился спастись отъ нея службой и опредѣлился правителемъ канцеляріи къ герцогу Александру Виртембергскому, котораго тогда назначили Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ. Подъ его именемъ управлялъ онъ краемъ и, надобно полагать, не нуждался тамъ ни

въ чемъ. Онъ начиналъ уже не ладить съ своимъ герцогомъ, когда послѣдовало нашествіе Галловъ; тогда присталъ онъ къ ретирующейся нашей арміи и съ нею болѣе не разставался отъ Витебска до Москвы и отъ Москвы до Парижа. Своею вкрадчивостію, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными рассказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и пріятный краснорѣчивый плѣнилъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ Миларадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ, не знаю, и жилъ въ изобиліи, беззаботно, на казенный ли счетъ или на непріятельскій, не вѣдаю.

Достигнувъ Парижа, долго не могъ онъ оторваться отъ него, да и не думалъ о томъ: какъ рыбѣ въ быстрой и широкой рѣкѣ, было въ немъ ему раздолье. Онъ сдѣлался корреспондентомъ корпуснаго начальника, графа Воронцова, получалъ за то содержаніе изъ экстраординарныхъ суммъ и забавлялъ его исправно не весьма правдивыми, но всегда любопытными извѣстіями. Тутъ-то совершенно разладилъ онъ съ постояннымъ, почтенія достойнымъ, трудомъ, который открылъ ему дорогу по службѣ; мелочной дѣятельности его представилось тысячу предметовъ, изъ коихъ плелъ онъ свои сплетни. Умъ и ласковое обхожденіе всегда привлекаютъ Французовъ, и Старикевича, въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили они, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ! Журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сень-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, потому что не имѣлъ ихъ, говоря всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.

Число такихъ людей, кѣ несчастію, чрезвычайно размножилось; они суть порожденіе вѣка сомнѣній и эгоизма. Въ прежніе вѣка, когда боролись за религію или за независимость, люди чистосердечно поддерживали свои правила сильными, откровенными рѣчами и мощно-вооруженною рукой. Нынѣ, хотя многіе хорошо понимаютъ безразсудность господствующихъ мнѣній, не имѣютъ твердости имъ противиться и надѣются извлечь изъ нихъ личную пользу. Чтò имъ до отчизны, до ея чести, до ея благоденствія, лишь бы они насладились всѣмъ. А поглядишь, поздно раскаявшись, они гибнутъ съ нею.

Много непонятнаго, необъяснимаго было тогда въ жизни Старикевича; самъ онъ искусно накидывалъ на нее таинственность, которая придавала ему нѣкоторую важность. Денегъ, получаемыхъ отъ Воронцова, не могло ему быть достаточно; въ Парижѣ долги дѣлать легко, но отдѣлываться отъ нихъ трудно. Тамъ была неумолимая Святая Пелагея, не мученица, а мучительница; тѣ, коихъ заключала она въ

холодные свои объятія, не скоро могли отъ нихъ освободиться. Чѣмъ же онъ жилъ? И для чего нанималъ онъ въ одно время три квартиры, въ разныхъ частяхъ города, отдаленныхъ одна отъ другой, и прятался въ нихъ отъ посѣтителей? Меня же всегда предупреждалъ о томъ, гдѣ могу его найти, и вообще сохранилъ ко мнѣ прежнюю обязательность *). Его помощь была мнѣ даже полезна въ нижеслѣдующемъ случаѣ.

Разъ, прогуливаясь въ такъ называемомъ саду Пале-Рояля, замѣтилъ я большую толпу подлѣ аркадовъ, коими онъ окруженъ. Приблизившись, подъ аркадами, увидѣлъ я высокаго мужчину, важно шествующаго въ довольно богатомъ, восточномъ нарядѣ, съ предлинною бородой; нескромныя женщины, которыя населяли тогда Пале-Рояль, нескромными рѣчами, нескромными движеніями изумляли степеннаго мужа, теребили его бороду, тащили за рукава; народъ кругомъ хохоталъ. Я узналъ Калиархи, одного Петербургскаго знакомаго, поспѣшилъ къ нему на помощь и, оборотясь къ зрителямъ, сказалъ, что стыдно Французамъ отдавать на поруганіе пріѣзжихъ почтенныхъ людей. Едва успѣлъ я произнести сіи слова, какъ они прикрикнули на дамъ, которыя всѣ разбѣжались. Г. Калиархи не зналъ, какъ меня благодарить. Мнѣ случалось съ нимъ разговаривать, но я зналъ его мало; онъ убѣдительно просилъ меня навѣстить его, сказалъ, гдѣ его квартира, спросилъ, гдѣ я живу и объявилъ, что, не болѣе трехъ часовъ находясь въ Парижѣ, полюбопытствовалъ онъ взглянуть на Пале-Рояль, гдѣ, какъ сказали ему, найдеть онъ лучшіе товары и встрѣтить лучшее общество. Въ послѣднемъ долженъ былъ онъ разувериться.

Но что это за человѣкъ, нужно объяснить. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Фанарныхъ Грековъ, которыхъ Порта черезъ каждыя семь лѣтъ съ господами отправляла понажить въ Молдавію и Валахію, то-есть немного пограбить сіи княжества. Два семилѣтія Калиархи находился постельничимъ, то-есть оберъ-камергеромъ, при князѣ Ипсиланти и каймагамомъ его, то-есть намѣстникомъ на время отсутствія его изъ столицы. Въ 1806 году, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, бѣжалъ онъ въ Россію и успѣлъ увезти нажитыя деньги. Въ награду за преданность Ипсиланти, четверемъ приближеннымъ къ нему особамъ, между прочими Калиархи, данъ былъ прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ имъ не воспользовался, а продолжалъ величаться прежними, странными для насъ титулами. Снисходительность правительства въ такомъ случаѣ непонятна: какъ было не снять съ него даро-

---

*) Длинный романъ его жизни оканчивается благополучно: онъ давно живетъ въ Варшавѣ и, кажется, не имѣетъ нужды дѣлать долги.

ванный ему чинъ? Но въ это время графъ Каподистрія покровительствовалъ всѣхъ Грековъ, и они чрезвычайно подняли носъ. При совершенномъ невѣжествѣ, слабый умъ Каліархи былъ еще затемняемъ необычайнымъ тщеславіемъ, и еслибы не присоединялась къ тому маленькая Греческая хитрость, его просто можно было бы почитать дуракомъ. Въ княжествахъ онъ, какъ говорится, не положилъ на руку охулки; ибо, при большой расточительности, капиталы имъ оттуда вывезенные только черезъ двадцать лѣтъ примѣтно начали таять. Болѣе всего тратился онъ на одежду, богатствомъ коей старался превзойти господарей. У него былъ цѣлый магазинъ дорогихъ шубъ; мнѣ показывалъ онъ длинный кафтанъ съ широкими рукавами изъ Турецкихъ шалей, съ широкими золотыми петлицами, къ концамъ коихъ алмазными пуговицами прикрѣплены были жемчужныя кисти, да еще огромный кинжалъ, украшенный изумрудами и яхонтами. Въ семь нарядѣ представлялся онъ Лудовику XVIII, и этотъ король, который Русскихъ генераловъ, открывшихъ ему путь къ престолу, въ публичныхъ аудіенціяхъ не удостоивалъ ни единымъ словомъ, а только едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, этого шута принималъ приватно и наговорилъ ему много любезнаго. Надобно сказать, что не одинъ восточный нарядъ, но и большая настойчивость и безстыдство помогли въ этомъ случаѣ Каліархи. Во время одного важнаго торжества, о коемъ буду говорить ниже, пробился онъ сквозь царедворцевъ и сталъ у самаго подвожія королевскаго трона.

Я повторяю: какъ человѣка этого, такъ и репутацію его зналъ я мало, и ему легко было обмануть меня. Ему вздумалось меня покровительствовать; онъ увѣрялъ меня, что онъ задушевный другъ находившемуся тогда въ Парижѣ графу Растопчину, что говорилъ ему обо мнѣ, и что онъ на другой день приглашаетъ насъ вмѣстѣ обѣдать къ себѣ. Я былъ въ затрудненіи: зять мой Алексѣевъ, который коротко знакомъ былъ съ графомъ, предлагалъ уже мнѣ представиться ему, и я отказался; тутъ, какъ ни стѣснительно мнѣ казалось, не принять сдѣланной мнѣ чести я не посмѣлъ. Въ открытой коляскѣ отправился я съ Каліархи и его длинною бородой; у подвѣзда слуга объявилъ намъ, что графиня нездорова, а графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой. Я почти былъ радъ. Дня черезъ два пришелъ ко мнѣ Старинкевичъ съ жестокими упреками. Онъ часто бывалъ у Растопчина, который ему сказывалъ, что Каліархи хотѣлъ ему навязать какого-то неизвѣстнаго ему человѣка (называя меня) и хотѣлъ привезти къ нему обѣдать; что онъ сперва изъявилъ было согласіе, но послѣ спохватился и велѣлъ отказать. Старинкевичъ вступился за меня, увѣряя, что я единственно по ошибкѣ

могъ дать себя протезировать человѣку, котораго въ этомъ домѣ только что дурачили, и родилъ въ Растопчинѣ желаніе меня узнать и поправить то что онъ почиталъ своею неучтивостію. Напугавъ меня тѣмъ, что я слабостію своего поступка замаралъ себя, Старинкевичъ, не давъ ни минуты опомниться, утащилъ меня съ собою.

Я не видалъ Растопчина съ той пѣматной для меня минуты, когда братъ водилъ меня къ нему мальчикомъ съ просьбою объ опредѣленіи въ службу, и я не безъ робости вошелъ въ его кабинетъ. Лѣта, покойное, тихое положеніе, въ коемъ онъ находился, и привѣтливый видъ, который хотѣлъ онъ показать мнѣ, смягчили прежнюю угрюмость лица его. Разговоръ начался о странности моего введенія, и я объяснилъ, сколь мало могу почитаться тутъ виновнымъ въ нескромности. Растопчинъ видно перемѣнилъ мнѣніе свое обо мнѣ, ибо пригласилъ, когда я буду свободенъ, посѣщать его хогя всякій день, отъ одиннадцати часовъ до трехъ по полудни, время, въ которое начиналъ онъ свои прогулки. Такъ какъ скоро послѣ того долженъ былъ я оставить Парижъ, то не болѣе трехъ или четырехъ разъ могъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Растопчинъ, какъ всѣ старѣющіе люди, что я знаю по себѣ, любилъ разсказывать о быломъ. Разница только въ томъ, что отъ иныхъ разсказчиковъ всѣ бѣгутъ, а другихъ не наслушаются. Не уважая и не любя Французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 1812 году жилъ безопасно между ними, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ, и со стороны собиралъ свѣдѣнія, въ чемъ много помогалъ ему Старинкевичъ. Наблюденія его и вслѣдствіе ихъ сужденія о настоящемъ, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что, совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію.

Регенство, Лудовикъ XV, необузданность и расточительность Маріа Антуанеты, а послѣ нихъ революціонный ужасъ пополамъ съ развратомъ, совершенно превратили Парижъ въ Вавилонъ новѣйшихъ временъ. Старикамъ еще болѣе молодыхъ испытываютъ вліяніе этой нравственной заразы, особенно же тѣ, кои, неохотно оставивъ бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотятъ заглушить сожалѣніе о потерянной власти. Совсѣмъ несхожій съ Растопчинимъ, другой недовольный взбѣшенный Чичаговъ, сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю, могутъ ли Парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди въ ихъ стѣнахъ, какъ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ все себѣ дозволеннымъ. Разъ получилъ я отъ Растопчина предложеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, приготоулен-

нымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль, въ пышныхъ ея апартаментахъ, подлѣ королевской библіотеки, подъ аркадою Кольбертъ. Это была настоящая маркиза, не вымышленная; но не только Сенъ-Жерменское предмѣстіе, всѣ честныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Во время революціи, а можетъ-быть и прежде, лишилась она большаго состоянія, но и въ бѣдности сохранила тонъ важной дамы. Знатные, богатые люди, во мзду ея угодливости, старались окружить ее новою роскошью и домъ ея поставить на высокой ногѣ. Къ ней Чичаговъ взялся представить Каліархи, а Растопчинъ съ старшимъ сыномъ своимъ, котораго знавала я въ Петербургѣ, Старинкевичемъ и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай, какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Ни чести, ни безчестія не видѣлъ я въ посѣщеніи г-жи д'Эстенвиль; меня къ ней чрезвычайно зазывало, но мнѣ больно было бы видѣть Русскихъ вельможъ, которыя, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я напелъ какой-то предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. На другой день послѣдшилъ и навѣститъ тщеславнаго Каліархи, который не могъ надивиться смѣлосту, свободному обхожденію первостатейныхъ дамъ въ Парижѣ. «Удивительно, сказалъ онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, какъ онѣ любятъ восточный костюмъ! Повѣрите ли вы, что эти молодыя, прекрасныя графини и виконтессы всѣ въ меня влюбились; я не зналъ куда дѣваться отъ стрѣлъ ихъ страстныхъ взоровъ.» Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только завидовать его счастью.

Итакъ онъ былъ у Растопчина домашнимъ буффономъ, Старинкевичъ весьма полезнымъ вѣстовщикомъ, я же, кажется, ни на что ему не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благосклонности, я думаю, оттого, что я всегда съ жадностью слушалъ умныя его рѣчи. Послѣ того я уже не видалъ его въ жизни. На прощаніи подарилъ онъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма похожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу поджавши руки,

который у меня до сихъ поръ хранится.

Я имѣлъ случай узнать тогда, хотя не такъ близко, другаго человѣка, котораго также можно назвать историческимъ лицомъ, именно Русскаго посла, Поццо-ди-Борго. Онъ родился въ одномъ году и въ одномъ городѣ съ Наполеономъ, учился въ одной съ нимъ военной школѣ и былъ потомъ постояннымъ его противникомъ и врагомъ. Это одно уже должно было меня заставить пожелать его увидѣть; лѣтъ и

застѣнчивость сперва не допускали меня ему представиться. Онъ жилъ въ отелѣ Телюссонъ, купленномъ Наполеономъ для графа Толстаго, довольно красивомъ, но не весьма великолѣпномъ *), на улицѣ Шантеренъ, называемою нынѣ улицею Побѣды. Близъ него помѣстился Петръ Ивановичъ Полетика, былъ почти всеневнымъ его посѣтителемъ и нахлѣбникомъ, не спѣшилъ въ Америку и мѣсяца полтора при мнѣ прожилъ въ Парижѣ. Онъ пристыдилъ меня, сказавъ, что на мой счетъ предупредилъ посла, и заставилъ меня къ нему явиться. Посоль былъ отмѣнно учтивъ, даже разговорчивъ, хотя не такъ фамильяренъ какъ Растопчинъ. Черезъ три дня карета его остановилась у подъѣзда скромнаго отеля Де-ла-Мезъ, въ ней кто-то сидѣлъ, разумѣется не самъ онъ, и мнѣ подали его печатную карточку, безъ загнутаго угла, какъ нынѣ водится, а съ надписью en personne. По моимъ Русскимъ понятіямъ я нашелъ даже, что это слишкомъ много для меня чести. Еще черезъ три дня, по его приглашенію, обѣдалъ я у него. За столомъ были только совѣтникъ посольства, предобрѣйшій Андрей Андреевичъ Шредеръ, что нынѣ посланникъ въ Саксоніи, да принадлежащіе къ посольству же: нынѣшній оберъ-гофмаршалъ князь Николай Васильевичъ Долгоруковъ и отвратительный, совершенно офранцузенный сынъ бывшаго фаворита, Ермоловъ. Какъ солнце сіялъ между ними Поццо, ярко озаряя все ихъ ничтожество. Разговоръ былъ общій, о самыхъ неважныхъ предметахъ, въ которомъ каждый могъ принимать участіе. Я тоже не хотѣлъ оставался тутъ безсловесною тварью, но даже слово *здравствуй* въ устахъ такого человѣка какъ Поццо становится умише. Послѣ обѣда сдѣлался онъ словоохотнѣе, особливо когда коснулось до Востока гдѣ онъ долго путешествовалъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство. Что могъ я имѣть съ нимъ общаго, кромѣ того, что я былъ подданный государства, котораго былъ онъ тутъ представителемъ? Онъ соблюлъ со мною всю вѣжливость, которую обыкновенно оказывалъ онъ Русскимъ, которыхъ хотѣлъ отличить. Нѣсколько недѣль спустя, получилъ я общее приглашеніе къ обѣду, который давалъ онъ дипломатическому корпусу и Русскимъ, въ день именинъ Государя; не имѣя мундира съ собою, я не поѣхалъ.

Я, кажется, ничего не дѣлалъ, а на многое не доставало меня у времени; на примѣръ, окрестности Парижа не болѣе четырехъ или пяти разъ удалось мнѣ видѣть. Съ зятемъ и съ сестрою, въ одинъ воскресный день ѣздили мы въ Бургъ-ла-Ренъ, обѣдать къ Николаю Никитичу Демидову, который жилъ тутъ барски, на чьей-то дачѣ, въ пре-

---

*) Нынѣ домъ этотъ не существуетъ: его сломали, и на его мѣстѣ построили прекрасную Церковь Лореттской Богоматери.

большомъ домѣ съ обширнымъ садомъ. Онъ пригласилъ меня каждое Воскресенье повторять сіи посѣщенія, но до осени не удалось мнѣ его видѣть. Послѣ обѣда возилъ онъ насъ на пространное поле смотрѣть, какъ пять тысячъ Французовъ обоюга пола довольствуются пятью музыкантами, въ разныхъ мѣстахъ поставленными на бочкахъ, и безъ памяти пляшутъ на открытомъ воздухѣ. Все дѣлалось по командѣ, и новѣйшіе менестрели, съ высоты своихъ бочекъ, какъ начальники надъ войскомъ, громогласно повелѣвали танцующими. Чтѣ за чудаки, право, эти Французы!

Я какъ будто ни на часъ не хотѣлъ отлучаться изъ Парижа. Для поѣздокъ моихъ изъ него всегда нужна была чужая воля, стороннее побужденіе. Братъ предложилъ мнѣ прогуляться въ Версаль вмѣстѣ съ нимъ, съ однимъ, мнѣ незнакомымъ, товарищемъ его по службѣ и съ женою сего послѣдняго. Въ вѣкъ не забуду я этой ужасной прогулки. Въ четырехмѣстной каретѣ, въ которой отправились мы, могъ я только познакомиться съ четою моихъ спутниковъ. Артилерійскій полковникъ Либштейнъ, Нѣмецъ, который не зналъ другаго языка кромѣ Русскаго, былъ смиренъ какъ ягненокъ; за то жена его всегда находилась въ безпокойномъ движеніи, какъ дикая кошка. Когда онъ былъ еще офицеромъ на Дону, молодая казачка, дочь, кажется урядника, заставила его на себѣ жениться, или лучше сказать насильно на немъ женилась, увезла его и увѣрила, что имъ была увезена. Послѣ того по-казацки осѣдлала она его и цѣлый вѣкъ погоняла. Она была нельзя сказать чтобы дурна собою, но такого жесткаго выраженія я еще никогда въ женскомъ лицѣ не видалъ. Бываютъ у женщины усики, иногда усы; у этой были даже бакенбарды. Около трехъ лѣтъ находилась она съ войскомъ во Франціи, а точно какъ будто вчера оставила Донскія станицы. Встрѣча двухъ крайнихъ противоположностей, самаго грубаго варварства посреди страны почитаемою просвѣщеннѣйшею въ Европѣ, сначала показалась мнѣ забавна, но скоро положеніе мое сдѣлалось мучительнымъ.

Это было въ первые дни пребыванія моего въ Парижѣ: съ любопытствомъ пріѣзжаго вопрошалъ я брата о мѣстахъ ему уже знакомыхъ. Она безпрестанно мѣшалась въ разговоръ, дѣлая съ своей стороны вопросы и заключенія. Когда сперва проѣзжали мы площадь, на которой казненъ былъ Лудовигъ XVI, я воскликнулъ при воспоминаніи сего печальнаго происшествія. «Да можетъ ли это быть?» сказала она. Какъ отрубить царю голову? Да какъ они смѣли, канальи!» Она объ этомъ никогда еще не слыхала. Все было на этотъ ладъ. Я, наконецъ, замолчалъ и надѣялся, что по пріѣздѣ избавлюсь отъ нея; а вышло напротивъ. Мы остановились у дворца, въ которомъ, по случаю

праздничнаго дня, народу было множество. Злодѣйка знала, что Европейскій обычай велить мужчинамъ водить дамъ; звѣрскимъ взглядомъ своимъ окинувъ три предстоящія жертвы, выбрала меня и подала мнѣ руку. Известно, что жены кавалеристовъ, также какъ и сами они, не любятъ пѣшеходства, особенно же казачки, изъ коихъ, отъ того, многія подобно г-жѣ Либштейнъ, перейдя за тридцать лѣтъ, славятся чрезвычайно тучны. Небездѣлица была для меня подниматься съ нею по высокой лѣстницѣ и проходить безконечные ряды огромныхъ комнатъ совершенно пустыхъ, но наполненныхъ историческими воспоминаніями, столь занимательными для человѣка воспитаннаго роялистами. Проводникъ, въ богатой королевской ливреѣ, часто останавливался, чтобы входить въ подробные рассказы; не давая мнѣ даже величаться, требовала она, чтобы я все ей переводилъ; я говорилъ наобумъ, она ничего не понимала и ужасно сердилась. Въ залѣ Аполлона спросила: «что это за Аполлонъ, что онъ за человѣкъ?» Въ комнатѣ, называемой *Oeil de Voeuf*: — «Гдѣ же тутъ бычачій глазъ?» Я не велъ ея, а тащилъ, и она рѣшительно лежала на мнѣ. Изъ толпы другихъ посѣтителей иные съ удивленіемъ, иные почти со смѣхомъ смотрѣли на смуглую рожу ея, выражавшую негодованіе и усталость, а еще болѣе на изнеможенную фигуру мою подъ бременемъ тяжелаго креста, который осужденъ я былъ нести. Даже самому брату, виновнику моего несчастья, не предвидѣвшему такой напасти, смѣшно и жалко было смотрѣть на меня. «Что тутъ увидишь?» повторяла она. «Голыя стѣны? Было зачѣмъ пріѣзжать!» Мы оба съ мучительницею моею не захотѣли послѣ того идти въ садъ, а поспѣшили въ ближайшую гостинницу, гдѣ она спросила комнату съ постелью, повалилась на нее, сняла башмаки и готова была снять при насъ чулки, еслибы мужъ не упротилъ ея сего не дѣлать. Подали обѣдъ; она ѣла за троихъ, а по окончаніи его закричала вмѣстѣ со мною: «домой, домой, скорѣе домой!»

Неудачная эта поѣздка съ братомъ возбудила, однакоже, во мнѣ любопытство одному посмотреть на Версаль. Съ десятью, кажется, пассажирами сѣлъ я въ велосиферъ, тогда новаго изобрѣтенія карету, и поѣхалъ не такъ шибко какъ обѣщало названіе экипажа. На свободѣ и могъ подивиться во дворцѣ остаткамъ прежняго великолѣпія его: живописи плафоновъ, позолотѣ карнизовъ, мраморнымъ галлереямъ и лѣстницамъ. Садъ со стриженными деревьями, лишенный тѣни, конечно, не можетъ быть обыкновенною пріятною прогулкою, но на этомъ положена печать величія времени. Всемогуцій и роскошный монархъ могъ одинъ создать его; мраморомъ выложенные бассейны, высоко бьющіе безчисленные фонтаны, цѣлый полкъ бронзовыхъ статуй, все обличаетъ царское житье: проходя по немъ, мнѣ казалось, что я чи-

таю одну изъ главъ исторіи Лудовика XIV. При Маломъ Трианонѣ, любимомъ мѣстѣ Маріи-Антуанетты, находится иррегулярный садъ въ Англійскомъ вкусѣ ничѣмъ не замѣчательный, не болѣе тѣхъ, кои въ Россіи встрѣчаемъ мы у частныхъ владѣльцевъ. Когда Франгузы начнутъ перенимать у Англичанъ, то все какъ будто передразниваютъ ихъ, чтобъ не держаться имъ своего.

Опытъ долженъ былъ научить меня развѣзжать по окрестностямъ Парижа не иначе какъ одному; я не послушался его и былъ за то наказанъ. Мнѣ изъ Лондона отъ Анны Андреевны Блудовой привезъ письмо сынъ священника нашей миссіи, Смирновъ, который служилъ тамъ въ канцеляріи посольства. Родившись въ Англіи, отъ Англійской матери, говорилъ онъ по-русски хотя правильно, но съ Англійскимъ выговоромъ, никогда не бывалъ въ Россіи и, можно сказать, наизусть обожалъ ее. Этотъ молодой человекъ былъ очень добръ и ласковъ, посѣщалъ меня и мнѣ полюбился. Въ одинъ вечеръ пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ богатой мистрисъ Литтлтонъ быть у нея слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ, дабы вмѣстѣ съ большою компаніей объѣздить нѣкоторыя примѣчательныя мѣста вокругъ Парижа. Она хотѣла этимъ случасмъ воспользоваться, чтобы сдѣлать мое знакомство, какъ сказалъ мнѣ Смирновъ. Я зналъ мало Англичанокъ, воображалъ, что почти всѣ онѣ должны быть красавицы и, полонъ благодарности за сдѣланное мнѣ приглашеніе, явился въ назначенный часъ и въ указанный мнѣ домъ, на улицѣ Провансъ. Дѣйствительно, въ большой залѣ нашелъ я собранными до двадцати особъ обоого пола, между коими Русскихъ было только двое: Смирновъ, который казался тутъ домашнимъ, и одна дѣвица Левицкая, которую знавалъ я въ Петербургѣ, въ домѣ князя Салтыкова, и которая не знаю какъ сюда попала. Хозяйка очень вѣжливо привѣтствовала меня по-французски; всѣ же другіе вокругъ меня объяснились между собою на языкѣ, который, какъ у насъ говорится, не при мнѣ былъ писанъ. Долго не заставили меня дожидаться; не успѣлъ еще разглядѣть я своихъ сопутницъ, какъ кареты были поданы. Онѣ были для однѣхъ дамъ, а мужчины, о ужась! должны были садиться снаружи. У насъ въ Россіи тогда всякій зналъ свое мѣсто: козлы и запятки были собственностью кучеровъ и лакеевъ, и никто изъ господъ не думалъ тогда посягать на нее. Я рѣшительно объявилъ, что лазить не умѣю и ѣхать не могу. Меня посадили въ карету съ четырьмя дамами, изъ коихъ двѣ очень учтиво потѣснились.

Когда я взглянулъ на нихъ, то обмеръ. Изъ семи смертельныхъ грѣховъ, казалось, четверо сидѣло со мною: до того онѣ были дурны собою. Всѣ онѣ говорили по-французски, какъ? О томъ не нужно спра-

шивать; мы могли понимать другъ друга, и этого было бы довольно. Я надѣялся, что любезность ихъ замѣняетъ имъ красоту, и дерзнуть вступить въ разговоръ. Съ выжатою на устахъ улыбкой, на все отвѣчали онѣ да, нѣтъ или тому подобное. Сначала приписывалъ я это у насъ прославленной скромности Британскихъ женъ и не терялъ бодрости. Немного понимая по-англійски, я ихъ увѣрилъ, что ни слова не знаю, дабы могли онѣ, по крайней мѣрѣ, между собою разговаривать; ни мало: вопросы и отвѣты дѣлались односложными словами; хотя бы для забавы моей при мнѣ немного поругали онѣ меня, и этого не было. Я былъ не одинъ и не въ обществѣ. Такимъ образомъ проѣхали мы Булонскій нѣкогда лѣсъ, тогда Булонскую рощу, нынѣ, говорятъ, совсѣмъ почти вырубленную. Потомъ пріѣхали въ Сенъ-Клу, гдѣ очень кстати не было королевской фамиліи, и мы могли осмотрѣть дворець. Онъ былъ исправленъ и восстановленъ Наполеономъ, который на внутреннее убранство дворцовъ не былъ очень расточителенъ; я видѣлъ двѣ комнаты, богато отдѣланныя для Маріи-Луизы, спальню и кабинетъ; тогда занимала ихъ герцогиня Ангулемская. Въ одной полукруглой комнатѣ остановился я передъ большимъ окномъ, въ которомъ было вставлено цѣльное зеркальное стекло. Изъ него виденъ весь Парижъ, всегда какою-то мглою подернутый, вѣчно дымящійся кратеръ народнаго волкана, котораго взрывы не разъ ужасали владѣльцевъ Сенъ-Клу. Паркъ и его гигантскій водометъ въ другой разъ видѣлъ я гораздо лучше, когда одинъ пріѣзжалъ на ярмарку, которая бываетъ тутъ въ первое Сентябрьское Воскресенье.

Изъ Сенъ-Клу отправились мы на королевскій фарфоровый заводъ въ Севрѣ. Можно было полюбоваться тамъ колоссальными его произведеніями—вазами, на которыхъ писаны картины также искусно и тщательно какъ бы на холстѣ, можно было найдти и вещи для продажи; но кому было покупать ихъ? Этого рода промышленность болѣе всѣхъ другихъ размножилась во Франціи, и фарфоровая посуда на частныхъ заводахъ дошла до неимоверной дешевизны.

Мы кончили наше путешествіе посѣщеніемъ еще двухъ королевскихъ увеселительныхъ замковъ, близко одинъ отъ другаго находящихся, Мёдона и Белльвю. Видъ изъ послѣдняго, какъ названіе его показываетъ, дѣйствительно прекрасенъ. Въ обоихъ замѣтны были свѣжія поправки, которыми хотѣли стереть слѣды губительной руки революціоннаго варварства.

Всѣ издержки этого странствованія взяла на себя госпожа Литтльтонъ, которая имъ хотѣла угостить насъ. Одинъ длинный Англичанинъ, кажется, игралъ тутъ роль ея казначея: при выходѣ изъ каждаго зданія или заведенія, проводникамъ совалъ онъ какую-то мелкую

монету. Французы въ этомъ случаѣ очень учтивы, всегда скажутъ «мерси», а эти только съ удивленіемъ на него посматривали. Замѣтивъ это, я немного отставалъ и вручалъ отъ себя пятифранковый экю. «Видно, что мсье не Англичанинъ», говорили проводники; «я Русскій», отвѣчалъ я, и они мнѣ почтительно улыбались. Первые Англичане, которые по заключеніи мира пріѣхали въ Парижъ, хотѣли удивить Французовъ щедростью и сѣяли золото: ихъ всѣхъ величали милордами. Послѣ того люди не столь богатые стали въ близкомъ сосѣдствѣ съ отечествомъ селиться изъ экономіи, и сдѣлались очень разсчетливы, даже черезчуръ.

Немало времени потребно было на такіе разъѣзды. Выѣхавъ въ одиннадцатомъ часу утра, воротились мы только въ седьмомъ часу вечера. Въ большой залѣ накрытъ былъ длинный столъ; мнѣ пришлось въ голову сосчитать гостей и приборы, и вышло, что одному изъ насъ тутъ мѣста не было. Чтобъ удостовѣриться, я ли назначенъ къ выключкѣ, сталъ я раскланиваться и прощаться, и меня не удержали. Говорятъ что въ Албюнѣ обычай сажать за обѣдъ однихъ только короткихъ; но я былъ Русскій и въ Парижѣ, а у насъ на Руси отпустить гостя безъ обѣда почиталось тогда неучтивостью и прегрѣшеніемъ; даже на Новгородцевъ въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, былъ одинъ только поклонъ. Съ ранняго утра ничего не ѣвши, можно посудить о состояніи моего аппетита. Одна бѣда никогда не приходитъ на всемъ; разстояніи отъ Шассе д'Антенъ до Пале-Рояля не встрѣтилъ я ни одного извозчика; въ виду у меня проѣзжали кабріолеты, фіакры, но ни одинъ довольно близко чтобъ услышать мой зовъ, и я, голодный, утомленный, пѣшій, въ началѣ восьмага воротился домой. Огонь на кухнѣ погасъ, все было съѣдено, но хозяева и прислуга меня любили; они были тронуты моимъ горемъ, принялись стряпать, и черезъ часъ сколько-нибудь утолилъ я свой голодь. Смирновъ на другой день уѣхалъ въ Лондонъ, и я не могъ даже имѣть удовольствія объяснить ему мое неудовольствіе. Черезъ четыре дня получилъ я отъ г-жи Литтлтонъ записку, гдѣ отъ имени своего и отъ имени бывшихъ со мною мистрисъ, которыя по словамъ ея умѣли оцѣнить мою любезность, приглашаетъ она меня къ себѣ на большой вечеръ, прибавляя, что, какъ Русскій, освобождаюсь я отъ обязанности надѣвать башмаки. Я не только не отвѣчалъ, но даже не послалъ извиниться: досада во мнѣ еще не остыла, и вообще желудокъ у меня злопамятнѣе сердца.

Во все время пребыванія моего въ Парижѣ былъ я свидѣтелемъ одного только большаго торжества, именно воздвиженія статуи Генриха IV на самомъ старомъ мосту, который вѣчно называется Новымъ. Этотъ король, храбрый, умный, хвастливый, влюбчивый, довольно раз-

вратный, былъ точнымъ изображеніемъ народа, съ коимъ воевалъ, ко- его побѣдилъ и надъ коимъ царствовалъ, и отъ того болѣе другиль живеть въ его памяти. Его потомство на этой народной любви болѣе всего основываетъ силу свою, но не ошибается ли оно? Французы любятъ тѣхъ, кои на нихъ похожи, а не уважаютъ. Генрихъ можетъ быть ихъ любимцемъ, но Наполеонъ въ будущихъ вѣкахъ останется ихъ кумиромъ. Конная статуя Генриха отлита была за городомъ и ввезена на каткахъ въ заставу де л'Этоаль, гдѣ нынѣ большіе Триумфальные ворота. Оттуда по широкой аллеѣ Елисейскихъ полей народъ потащилъ ее на себѣ; къ тысячамъ веревокъ припрягались тысячи праздныхъ шалуновъ. Мнѣ казалось это пламеннымъ усердіемъ народа къ памяти добраго Діабль-агатра. Зрѣлище было прекрасное; огромная масса всадника, вся покрытая синимъ коленкоромъ, съ вырѣзанными, я думаю, изъ золотой бумаги и наклеенными на немъ лиліями, медленно, шагъ за шагомъ, подвигалась, сопровождаемая и предшествуемая толпами неизчетнаго народа. Болѣе полусутокъ везена была она до угла Тюльерійскаго сада, тутъ оставлена на ночь, а на другой только день, вдоль по Сенѣ, привезена къ предназначенному ей мѣсту. Островъ Ситѣ выдается тутъ острымъ клиномъ, который, пересѣкаемъ бывъ мостомъ, образуетъ небольшое пространство, гдѣ поставлена статуя на самомъ выгодномъ мѣстѣ, можно сказать въ виду цѣлаго Парижа. Противъ статуи на мосту устроена была богато украшенная галерея для короля, королевскаго дома, иностранныхъ принцевъ и маршаловъ, другія галереи для иностранныхъ пословъ и двора. На мостъ безъ билета никто пропускаемъ не былъ; но безстыдный Калиархи, какъ я сказалъ выше, добрался до короля, выдавая себя за родственника Русскаго императора.

Это было 25 Августа новаго стили, въ день Св. Лудовика. Я ходилъ по булеварамъ, по обѣимъ сторонамъ коихъ разставлены были войско и національная гвардія, и смотрѣлъ, какъ развѣзжалъ передъ ними и командовалъ королевскій братъ д'Артуа, еще бодрый старикъ. Потомъ съ церемоніей проѣхалъ самъ король-подагрикъ, въ открытой коляскѣ, съ двумя племянницами, Ангулемскою и Беррійскою. Много любопытства, но никакого энтузіазма не замѣтилъ я между зрителями. Послѣ обѣда ходилъ я въ Елисейскія поля, гдѣ изъ устроенныхъ фонтановъ било красное и бѣлое вино, и я забавлялся, глядя, какъ народъ имъ упивается и пачкается. Бывъ цѣлый день въ движеніи, я не въ силахъ былъ идти ночью, чтобы видѣть самое любопытное зрѣлище: по мосту Pont Neuf, который весь горѣлъ какъ въ огнѣ, не было проѣзда; во всю длину свою превратился онъ въ галерею, гдѣ кучи не маскированнаго, а переряженнаго народа, пользуясь благопріятною

погодой, плясали до разсвѣта. Въ этотъ день между чернью, я думаю, всѣ были роялисты.

Если кто вспомнить, какъ въ это время благоговѣль я передъ священнымъ именемъ Бурбоновъ, тотъ пойметъ жажду мою видѣть носящихъ его. Малый чинъ мой не дѣлалъ мнѣ права представляться ко двору, да оно и не было въ обычаѣ. Однакоже, въ первые дни послѣ прїѣзда моего, удалось мнѣ взглянуть на стараго короля, который не переѣзжалъ еще за городъ и у котораго былъ большой выходъ; изъ внутреннихъ покоевъ Тюльерійскаго дворца по наружной открытой галлерей, не высоко надъ садомъ, шествовалъ онъ къ обѣднѣ въ церковь, и вмѣстѣ съ другими звѣками довольно близко могъ я разглядѣть его. Я прислушивался и вглядывался въ окружающихъ меня; на многихъ лицахъ угадывалъ я насмѣшки, но вслухъ никто не позволялъ ихъ себѣ, и даже кой гдѣ выпаливало *vive le roi*. Графа д'Артуа видѣлъ я одинъ разъ только передъ фронтомъ. Нечаянно попалъ я разъ на герцога и герцогиню Ангулемскихъ въ Ботаническомъ саду, *Jardin des Plantes*. Любопытство дало мнѣ смѣлость вступить въ весьма небольшую толпу за ними слѣдовавшую, состоявшую на половину изъ священниковъ и монаховъ. Не слышно еще тогда было о царевубійствахъ, большихъ предосторожностей не брали, меня можно было принять за принадлежащаго къ ихъ свитѣ, и я слѣдовалъ по пятамъ ихъ высочествъ. Разсматривая звѣрей и растенія, они вопрошали профессоровъ, и я могъ не проронить ни одного слова, коихъ произносимо было немного. Стройный станъ герцогини, ея простое платье, простую шляпку, мрачное лицо выражающее спокойствіе и твердость, ея голосъ болѣе грубый чѣмъ нѣжный, однако трогательный, я въ вѣкъ не забуду. Еслибъ съ дѣлымъ свѣтомъ и не зналъ я повѣсти о ея великихъ страданіяхъ, то и тогда пораженъ бы былъ величіемъ и святостію, которыя отличали ее. Къ сожалѣнію не могу я того сказать о ея супругѣ; этотъ малорослый, дряблый Бурбонъ, ни въ походкѣ ни во взглядѣ, ни въ голосѣ не имѣлъ ничего благороднаго и безпрестанно ковырялъ въ длинномъ носу своемъ. Когда чета сія пошла въ кабинетъ натуральной исторіи, то догадались, и меня за нею не пустили.

Еще страннѣе и неожиданиѣе была встрѣча моя съ другимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Въ увеселительномъ заведеніи Божонъ устроены были превысокія деревянныя горы для катанья, съ площадкою на верху и двумя идущими къ ней довольно широкими лѣстницами. Не знаю по какому случаю былъ тутъ большой фейерверкъ, по окончаніи котораго съ высоты горъ мнѣ захотѣлось взглянуть на иллюминацію, и я съ тѣснящеюся толпою пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, ярко освѣщенной. Какой-то толстенный человѣкъ, шедшій мнѣ на

встрѣту, не весьма учтиво толкнулъ меня, и я поднялъ было локоть, чтобы оттолкнуть его. Въ эту минуту кто-то сзади дернулъ меня за полу, и я увидалъ, что онъ ведетъ хорошо одѣтую бѣлокурую даму, которая показалась мнѣ косою, можетъ быть оттого что она покосилась на меня, и я немного посторонился. «Что было вы это надѣлали», сказалъ мнѣ шедшій за мною и со мною молодой Карюнь-де-Низасъ: «вѣдь это герцогъ и герцогиня Беррійскіе». Онъ былъ древняго рода дворянинъ, но отецъ его былъ сенаторомъ при Наполеонѣ, и онъ остался ужаснымъ бонапартистомъ. «Впрочемъ бѣда бы не велика была», продолжалъ онъ, помирая со смѣху. «вы иностранецъ. Вы бы извинились, и тѣмъ бы дѣло кончилось». Тотъ же самый Карюнь-де-Низасъ, когда мы разъ подходили съ нимъ къ театру Фаваръ, сказалъ мнѣ: «Хотите ли вы видѣть герцога Орлеанскаго? Вотъ онъ съ женой подѣзжаетъ въ каретѣ, кажется, къ боговому подѣзду». Мы остановились, пока Филиппъ выходилъ изъ кареты; ни онъ, ни будущая королева его и тогда красотою хвастаться не могли.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кои играли роли во время революціи, республики и при Наполеонѣ удалось мнѣ видѣть только одного, и за то еще обаянъ я Низасу, который, также какъ Оже, часто со мной разгуливалъ. Въ Тюльерійскомъ саду указалъ онъ мнѣ на человѣка, который сидѣлъ на одномъ изъ плетеныхъ стульевъ, за которые платится два су; я поспѣшилъ занять его. Баррассъ былъ человѣкъ весьма пожилой, худощавый, блѣдный, не съ распущенными, а на уши приглаженными волосами, еще не сѣдыми, во фракѣ стараго покроя, въ шляпѣ съ большими полями, и обѣими руками упирался на трость клюкой. Нелегко было войти въ разговоръ съ такимъ сосѣдомъ, онъ смотрѣлъ такъ угрюмо; но я прикинулся простячкомъ, новичкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Россіи и всему дивящимся, и онъ охотнѣе сталъ отвѣчать. Когда я хвалилъ великолѣпіе Тюльерійскаго дворца и красоту его сада, онъ сказалъ мнѣ, что онъ не всегда былъ въ этомъ видѣ, и что нѣкогда большая аллея его была вся засажена капустой. Мнѣ только и надобно было посмотреть на него изъ любопытства и услышать его голосъ: знакомиться съ нимъ было бы трудно, да и не для чего....

Наступила осень, не совсѣмъ такая какъ у насъ на Сѣверѣ; дни были еще жаркіе, но ночи становились сыры и часто дождливы. Надобно было помышлять объ отъѣздѣ. Съ помощью г. Гарданна, самые слѣды ломоты, отъ которой я страдалъ, совершенно исчезли. Но видно, средства имъ употребленныя были слишкомъ сильны, ибо ослабили и разстоили весь составъ мой. Я не виню его; можетъ-быть, я самъ былъ тому причиною, ведя жизнь не весьма строгую, съ правилами гигиены

несогласную. А какъ мнѣ воротиться? Денегъ было у меня еще довольно, но не было экипажа, и меня пугало путешествіе въ дилижансахъ и публичныхъ каретахъ. Сама судьба озаботилась, чтобъ облегчить мнѣ средства къ обратному пути, точно такъ же какъ и къ прїѣзду въ Парижъ.

Извѣстно сдѣлалось, что на Ахейскомъ конгрессѣ рѣшено вывести союзныя войска изъ Франціи, дабы показать довѣренность къ благоумію Французовъ: черезъ годъ они оправдали ее. Мои родные предлагали мнѣ, въ случаѣ выступленія корпуса графа Воронцова, ѣхать съ ними; это было бы и покойно, и дешево, за то продолжительно и скучно. Дабы симъ дѣломъ какъ-нибудь поладить, рѣшился я въ концѣ Сентября отправиться въ Мобѣжъ.

Послѣдній мѣсяцъ пребыванія моего въ Парижѣ я часто бывалъ и обѣдалъ у воротившагося рано съ дачи, разслабленнаго Николая Никитича Демидова. Соотечественники упрекали его въ скупости: человекъ, который жилъ съ такою роскошью, что Французы непременно хотѣли видѣть въ немъ владѣтельнаго князя, называя его принцемъ Демидоромъ, а иные Термидоромъ, скорѣе могъ почитаться мотомъ. Но онъ былъ разчетливъ и, при всей пышности своей, находилъ средства умножать состояніе свое. Всѣ жизненныя наслажденія въ Парижѣ сами идутъ на встрѣчу къ тому, кто въ состояніи за нихъ платить; они осаждали Демидова, онъ предавался имъ, и оттого постигла его ранозременная старость. За вкуснымъ, изысканнымъ его обѣдомъ онъ почти ни до чего не касался, кряхтѣлъ и что то часто жаловался мнѣ, говоря его словами, на барометровской елей. Не знаю, какъ другіе, а я напелъ въ немъ великую склонность къ одолженіямъ. Я не просилъ у него денегъ, отказывался даже отъ нихъ, а онъ подъ простую росписку навязалъ мнѣ четыре тысячи франковъ, съ тѣмъ, чтобъ я отдалъ ихъ въ Петербургѣ управляющему его дѣлами. Когда я объяснилъ ему, что не имѣю никакой въ нихъ нужды, онъ указалъ мнѣ на употребленіе, которое могу изъ нихъ сдѣлать. Совѣтъ его былъ очень полезенъ, я послѣдовалъ ему, а между тѣмъ совѣщусь и повинѣ не только говорить о томъ, даже вспоминать. Съ помощію г-жи Коммаріѣ накупилъ я множество хорошихъ вещей, дешевыхъ во Франціи, съ рулажемъ отослалъ ихъ въ корпусную квартиру, откуда въ казенныхъ ящикахъ отправлены были онѣ въ Россію, гдѣ и проданы съ изряднымъ барышомъ. Конечно, это торговля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и контрабанда. Находясь тогда въ числѣ тысячи виновныхъ, старался я извинить себя въ собственныхъ глазахъ.

Пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ съ половиной какъ бы въ шумномъ водоворотѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ я предметы

удовольствія или отвращенія, только на лету могъ я сдѣлать свои замѣчанія и наблюденія. Характеръ Французовъ давно мнѣ былъ извѣстенъ; природа въ каждаго изъ нихъ влила много добра и зла, и все это переболтала, такъ что, еслибы можно было химически разложить ихъ, трудно было бы одно отдѣлить отъ другаго. Сколько могъ, слѣдилъ я за ихъ политическими мнѣніями. Съ каждымъ годомъ они становятся неуловимѣе и измѣнчивѣе; отъ абсолютиста гысячью оттѣнками можно непримѣтно дойти до Якобинца. Меня удивило совершенное забвеніе, которому Парижане предали тогда Наполеона: ни порицаній, ни похвалъ ему не слыхалъ я. Видѣлъ я большое свободомысліе и вмѣстѣ съ нимъ ужасъ, который производили одно слово *революція* и воспоминаніе о ней. Вообще замѣтно было безотчетное, основательное презрѣніе, впрочемъ безъ ненависти, къ королевской фамиліи. Я надѣялся, что время и новыя привычки совершенно возстановятъ порядокъ.

IX

Еще не совсѣмъ разсвѣтало, 28-го Сентября, когда съ Русскимъ слугою моимъ пришли мы въ заведеніе дилижансовъ, находившееся въ двухъ шагахъ отъ меня и вблизи отъ новостроящейся огромной биржи. Черезъ полчаса отправились мы по дорогѣ, ведущей въ Бельгію Карета, въ которой самъ шестой сидѣлъ я, была очень покойна, и мы ѣхали шибко. Мнѣ, признаюсь, жалко было расстаться съ Парижемъ: ни малѣйшей личной непріятности не имѣлъ я въ немъ, а напротивъ вездѣ и во всѣхъ находилъ предупредительность и ласки; жилъ безопасно и болѣе думалъ о забавахъ своихъ, чѣмъ о поправленіи здорovia; въ то же время начиналъ тосковать и по Россіи, куда собирался воротиться. Оттого погрузился я въ мысли, и хотя сидѣлъ подлѣ окошка, не обращалъ вниманія на мѣста, черезъ кои мы проѣзжали и которыя, впрочемъ, долго оставались покрытыми густымъ туманомъ. При перемѣнѣ лошадей выходить и останавливаться долго я не имѣлъ права и не хотѣлъ. Гдѣ мы были, не знаю; помню только, что кто-то называлъ городокъ Санлисъ.

Въ три часа, когда солнце просіяло, совсѣмъ освободясь отъ туманнато покрывала, остановились мы въ маленькомъ городѣ Руа и провели въ немъ почти часъ за обѣдомъ въ какомъ-то хорошемъ трактирѣ; послѣ того пустились далѣе. Спутниковъ своихъ я не имѣлъ времени разглядѣть: они часто мѣнялись, и дилижансъ безпрестанно выпускалъ ихъ, чтобы принимать новыхъ. Одинъ только отвратительный старикъ, кажется торгашъ, который лысину свою прикрывалъ шитою шапочкой, до слѣдующаго утра постоянно пребывалъ со мною.

Съ нимъ была довольно еще молодая женщина, какъ узналъ я, не жена его и не дочь, которую видимо тяготило вынужденное обстоятельствомъ сожитіе съ нимъ. Осенью дни становятся коротки, скоро смерлось, и скуки ради я не замедлилъ заснуть. За то проснулся до разсвѣта и съ сожалѣніемъ узналъ, что мы проѣхали два города, Пероннъ и Камбрѣ, на которые мнѣ было хотѣлось взглянуть. Въ дилижансахъ ѣздить почти тоже что съ завязанными глазами. Благодаря Французской нетерпѣливости, они вдвое шибче ѣздятъ чѣмъ въ Германіи. Не съ большимъ въ сутки сдѣлавъ нашихъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, рано по утру пріѣхали мы въ Валансьенъ. Я остановился въ гостиницѣ Большой Утки, и пока мой Дороеей, знавшій немного по-французски, пошелъ мнѣ отыскивать и нанимать кабріолетъ въ Мобѣжѣ, я отправился гулять по городу. Онъ былъ занятъ Англійскими войсками, и тутъ въ первый разъ увидѣлъ я ихъ красные мундиры. Щеголяя опрятностію и бѣльемъ, офицеры выставляли огромныя батистовыя жабо; подражая ихъ примѣру, нижніе чины дѣлали ихъ изъ тонкой, веленовой бумаги, что мнѣ показалось очень забавно.

Лѣто совершенно воротилось въ этотъ день; мнѣ предстояло не болѣе тридцати верстъ по гладкой дорогѣ, и я, сидя въ кабріолетѣ, доѣхалъ какъ будто на прогулку. Отъѣхавъ съ полмили, въ небольшомъ селеніи Брикетъ, увидѣлъ я казаковъ; невольно взыграло во мнѣ сердце: я вступалъ въ Русскія владѣнія. Далѣе показался деревянный столбъ, выкрашенный бѣлою и черною краской, съ красными полосками. Не вдругъ разглядѣвъ, что это такое? спросилъ я у ямщика. «Да это проклятые черти Русскіе наставили намъ», отвѣчалъ онъ съ досадою, принимая меня за Француза. Написано было по-русски разстояніе отъ каждаго городка, и я, считая версты, поѣхалъ какъ бы по Московской дорогѣ. Каково было смотрѣть на это воинамъ Наполеона, которые осенью въ двѣнадцатомъ году утверждали, что Смоленскъ во Франціи! Никто изъ другихъ военачальниковъ Веллингтоновой арміи ничего подобнаго не могъ себѣ позволить. За такую наглость спасибо Воронцову, хотя она могла имѣть вредныя послѣдствія. Съ Великобританскою гордостію, врагъ Наполеона и Франціи, онъ по-русски умѣлъ подражать ихъ хвастовству. Тщеславіе жителей не дало имъ понять, сколь унижительно такое хозяйничанье для ихъ національной чести, а я тотчасъ почувствовалъ, какъ оно усладительно, для нашего народнаго самолюбія.

Предупрежденный моимъ письмомъ, братъ ожидалъ меня еще накануне. Онъ за дешевую, дѣву занималъ изрядный, небольшой домъ въ два этажа. Находящіеся тутъ Русскіе, имѣли право жить постоемъ; но у нихъ было много денегъ, и они предпочитали жить шире и показы-

вать себя щедрыми, чего въ сосѣдствѣ не дѣлали ни Англичане, ни Прусаки. Вообще все сіи наши воины, счастливѣе другихъ три года сряду наслаждавшіеся плодами побѣды и, слѣдуя примѣру своего начальника, были привѣтливо-горды съ жителями и старались задабривать ихъ ласками и деньгами.

Небольшой и тѣсно застроенный городъ Мобѣжъ со всехъ сторонъ окруженъ укрѣпленіями, около коихъ обвивается рѣка Самбра. Я нашелъ въ немъ большую суматоху. Въ первой половинѣ Октября назначены были около Валансьена маневры и большой смотръ всей союзной арміи, куда ожидали изъ Аахена Государя и короля Прускаго. По сему случаю все наши войска стянуты были къ Мобѣжу, и сестра съ мужемъ также находились тутъ у брата.

Городокъ, какъ говорится, былъ биткомъ набить, а на улицахъ нигдѣ не слышно было ни одного Французскаго слова: на нихъ встрѣчались одни лишь солдаты наши, деньщики, прислуга генеральская и офицерская. Какъ бы волшебнымъ прутикомъ въ одни сутки перенесенъ я былъ въ Россію изъ центра Франціи. Зная мой вкусъ и желая потѣшить меня, за обѣдомъ, къ которому я прибылъ, мои родные велѣли подать щи, кашу, кулебяку, блины и квасъ, о коихъ почти полгода я даже не слыхалъ. Въ квартирѣ у брата нашелъ я вставленные двойныя рамы, печи и даже одну съ лежанкой. Дабы продлить мое очарованіе, послѣ обѣда призваны были полковые пѣсельники, и они дружно грянули круговую. Чѣмъ же кончилось? Одинъ казачій полковникъ завелъ у себя Русскую баню, какъ нарочно въ этотъ день велѣлъ ее вытопить, и я въ ней парился. Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этотъ день—29 Сентября.

Воронцова не было; онъ только-что уѣхалъ въ Аахенъ, и дня черезъ четыре ожидали его обратно. И здѣсь еще не мѣсто говорить объ этомъ человѣкѣ, который на судьбу мою имѣлъ такое великое вліяніе. Надобно однакоже предполагать въ немъ нѣчто необычайное, покоряющее ему людей, не смотря на все его слабости. Мобѣжъ былъ полонъ его имени, оно произносилось на каждомъ шагу и черезъ каждыя пять минутъ. Онъ составилъ дружину изъ преданныхъ ему душею, окружающихъ его людей. Для нихъ имѣлъ онъ непогрѣшимость папы; онъ не могъ сдѣлать ничего несправедливаго или неискренняго, ничего сказать неумѣстнаго; безпрестанно грѣшили они противъ заповѣди, которая говоритъ: не сотвори себѣ кумира. Не бывъ царемъ, вѣчно слышалъ онъ около себя лесть, только чистосердечную, энтузіазмомъ къ нему произведенную. Оттого привычка быть обожаемымъ обратилась у него въ потребность; онъ сталъ вѣровать только въ себя и въ приближенныхъ своихъ, а на всехъ прочихъ смотрѣлъ съ жесто-

чайшимъ презрѣніемъ. Я вскользь познакомился съ семи Воронцовскими приверженцами; лѣтъ черезъ пять пришлось мнѣ быть съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ и, можетъ быть, о каждомъ изъ нихъ долженъ я буду много говорить; потому-то здѣсь нѣкоторыхъ только что назову а именно: дальняго родственника его Димитрія Нарышкина, Богдановскаго, Дунаева, Казначеева, барона Франка, Ягницкаго, Русанова и, наконецъ, одного дипломата, меньшаго брата Тургеневыхъ, Сергѣя. Съ послѣднимъ не случилось мнѣ потомъ болѣе нигдѣ встрѣтиться. Не имѣя ума старшихъ братьевъ своихъ, сей впрочемъ добрый малый былъ тщеславенъ, какъ Александръ, и честолюбивъ какъ Николай. Всѣ эти люди, отдавшіе себя въ кабалу къ Воронцову, между тѣмъ ужасно какъ либеральничали.

Чрезвычайно странно было видѣть обращеніе Русскихъ солдатъ съ простыми Французами: они обходились съ ними ласково, и тѣмъ только давали имъ чувствовать превосходство свое надъ ними, что всегда подшучивали какъ большіе съ дѣтьми. Въ ихъ сужденіяхъ о Франціи было много смысла, напримѣръ: «Гдѣ тутъ между этимъ народомъ быть толку, говорили они, когда и мужикъ у нихъ мусью, и царскій братъ мусью». Мнѣ пересказывали вѣчный споръ двухъ унтеръ-офицеровъ, который подслушали. Одинъ стоялъ за Людовика XVIII, другой за Наполеона. «Ну что твой Дизвитовъ (такъ называли они короля), хорошъ гусь! Ну на что онъ похожъ?» говорилъ одинъ. «Вѣдь нашъ Государь посадилъ его на престолъ, да и велѣлъ Французамъ его слушаться, а безъ того они бы на него и глядѣть не захотѣли. То ли дѣло Бонапартъ? Вотъ ужъ былъ молодецъ: цѣлый свѣтъ заставлялъ плясать по своей дудочкѣ». А другой отвѣчалъ: «Али тебѣ жаль, что онъ мало жегъ, рѣзалъ и грабилъ нашу матушку-Россею? Развѣ ты забылъ, что по милости батюшки Дизвитова мы славно живемъ? Онъ насъ поить и кормить. Тотъ былъ больно прытокъ, вездѣ рыскалъ; а мой-то себѣ на умѣ, сидѣлъ у моря, да ждалъ погоды; вотъ и дождался, теперь царствуетъ и благоденствуетъ. А гдѣ твой Бонапартъ скажи-ка? На морѣ на окіянь, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣсть чешнокъ толченой». Городамъ ими занимаемымъ и сосѣднимъ солдаты дали Русскія имена: Като-Камбрезисъ, или просго Като, назвали Коты, Аванъ—Овиномъ и Валансьенъ—Волосенемъ. Начальники, говоря съ ними, привыкли къ симъ названіямъ и, наконецъ, стали ихъ употреблять и между собою.

Черезъ нѣсколько дней Мобѣжъ началъ пустѣть: войска потянулись на маневры къ Валансьену и далѣе. Мы съ сестрой, оставшияся одни, отъ нечего дѣлать собрались прокатиться къ арміи, тѣмъ болѣе что погода стояла прекрасная. Сперва обѣдали въ маленькомъ городѣ

Баве, потомъ ночевали и на другой день обѣдали въ Валахъевѣ. Оттуда, сдѣлавъ четыре льё или 16 верстъ, приѣхали въ мѣстечко, или бургаду, Солеми, гдѣ назначена была временная квартира генерала Алексѣева. Домъ ему отведенный былъ порядочный, только тѣсный. Меня же, какъ будто чиновника принадлежащаго къ корпусу, помѣстили постоемъ къ одному, не знаю какъ сказать, мѣщанину или поселенину, только не хлѣбопашцу. Фландрія была искони землею промышленною, отчизною батиста и кружевовъ,* и оттого почти всё жители ея были люди зажиточные, въ томъ числѣ и мой хозяинъ. Комната, въ которой жилъ я у него, была просторна и опрятна, на постели бѣлье было не самое тонкое, но чистое; одного только не доставало—деревяннаго пола: его замѣняла, какъ въ Малороссіи, битая земля. Пробывъ тутъ сутокъ полторы, воротились мы въ притихшій Мобѣжъ.

Скоро онъ опять наполнился и сдѣлался шумнымъ. Маневры кончились, и 13-го Октября, чѣмъ свѣтъ, прибылъ Государь съ королемъ Прусскимъ, съ тѣмъ чтобы пробывать въ немъ цѣлый день. У Воронцова для ихъ величествъ приготовлялся обѣдъ и великолѣпный вечеръ, на который я, какъ всё другіе, не могъ быть приглашенъ, ибо по случаю безпрестанныхъ его разъѣздовъ не успѣлъ быть ему представленъ.

Мобѣжъ до революціи принадлежалъ капитулу какихъ-то канониссъ. Онѣ имѣли въ немъ съ не весьма большимъ садомъ довольно большой домъ въ два этажа, который занималъ тогда Воронцовъ. Онъ не былъ довольно просторенъ, чтобы въ немъ можно было сдѣлать балъ для великаго числа наѣхавшихъ гостей, свиты обоихъ государей, принцевъ, штаба главной и всѣхъ корпусныхъ квартиръ и, наконецъ, цѣлой кучи любопытныхъ леди, присутствовавшихъ на маневрахъ. Для того придумали въ саду придѣлать къ нижнему этажу двѣ большія палатки, внутри богато убранныя, такъ чтобы въ нихъ былъ выходъ прямо изъ комнатъ. У насъ въ Октябрѣ танцовать въ палаткахъ было бы нѣсколько опасно, а тутъ стояла такая погода, что самихъ жителей приводило въ удивленіе. Видно иногда становилось слишкомъ жарко, ибо по временамъ опускались пѣлы, и тогда я, въ небольшой толпѣ разгуливая по саду, могъ смотрѣть и какъ бы участвовать въ увеселеніи. Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть господина Веллингтона, съ его длиннымъ носомъ. На этомъ балѣ торжествующій Воронцовъ показалъ себя однакоже мелочнымъ человѣкомъ. Приписывая сестрѣ моей, коей умъ былъ всеми признаваемъ, тотъ искусный отпоръ, который добродушный мужъ ея далъ ему, онъ втайнѣ на нее сердился. Прежде, бывало, когда онъ затѣветъ пиръ и долженъ принимать какую-нибудь важную особу, посылаетъ къ ней адъютанта съ убѣдительнымъ пись-

момъ прѣхать къ нему въ Мобѣжъ и быть хозяйкой у него, холостого генерала. Тутъ представилъ онъ Государю всѣхъ генеральскихъ жень, а ее, жену старшаго изъ нихъ, какъ будто позабылъ. Но Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ, и король Прусскій, который во время развѣздовъ своихъ пробылъ въ немъ двое сутокъ и оба дня обѣдалъ у сестры моей, нашли ее и прошлись съ нею Польскій. Тогда и Государь пожелалъ узнать, кто эта неизвѣстная дама, подошелъ къ ней съ самыми любезными рѣчами и также повелъ ее ходить Польскій. Слѣдственно, маленькое мщеніе Воронцова было совсѣмъ неудачно.

Слѣдующимъ утромъ, отъѣзжая, Государь явилъ нѣсколько милостей, начиная съ корпуснаго начальника. Изъ генераловъ одному только Алексѣеву хотѣлъ онъ дать Александровскую ленту; но Воронцовъ тому воспротивился, представляя, что, какъ неимущему человѣку, денежное пособіе будетъ ему пріятнѣе; и Государь къ прежней арендѣ прибавилъ ему другую, въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Алексѣевъ было подосадоваль, но благоразумная жена была тому чрезвычайно рада. Послѣ продолжительной масляницы, для нея съ мужемъ наступалъ великій постъ, и надобно было позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать его менѣе строгимъ. Вскорѣ потомъ и Французскій король прислалъ ему награду, одинаковую съ Воронцовымъ, военный орденъ Св. Лудовика первой степени. Изъ всѣхъ генераловъ союзной арміи жители мѣстъ, ею занимаемыхъ, ему одному только оказали необыкновенную честь, выбили медаль съ изображеніемъ его имени и изъявленіемъ ихъ благодарности, и на прощаньи одну золотую, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ поднесли ему. Брату моему тоже пожалованъ былъ Анненскій брилліантовый крестъ на шею, да отъ короля Французскаго небольшой перстень, солитеръ тысячи въ три франковъ.

Говоря о чужихъ наградахъ, не надобно мнѣ забывать и о собственной, почти въ тоже время мною полученной. Пока я былъ еще въ Парижѣ, Бетанкуръ увѣдомилъ меня, что по его представленію произведенъ я въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 31-го Декабря 1813 года. Этотъ чинъ слѣдовалъ мнѣ за выслугу лѣтъ, слѣдственно милость была не велика; но старшинство мнѣ данное обращало временное служеніе мое въ Пензѣ и потомъ полуторагодовую отставку въ настоящую службу. Если въ продолженіи этого времени не получалъ я наградъ, то моя вина: я всегда отказывался отъ крестиковъ, которые предлагалъ мнѣ Бетанкуръ. Дабы чѣмъ-нибудь усладить вѣчность титулярныхъ совѣтниковъ, начали имъ давать Владимирскіе кресты и даже Аннинскіе на шею. Потомъ, во время продолжительной войны, при движеніи огромныхъ армій, необходимо было сыпать ихъ на офи-

церовъ. Наконецъ, для Аннинскаго ордена учредили новую степень въ петлицу. Для щегольства, для того, чтобы наши кресты и медали вмѣстѣ съ иностранными на груди военныхъ людей могли составлять какъ бы пестрые букеты, чрезвычайно уменьшили величину ихъ.... Съ тѣхъ поръ въ глазахъ крестолюбивой Россіи потеряли они болѣе половины своей прежней цѣны.

Дни черезъ два послѣ отъѣзда Государя, въ Мобѣжѣ все утихло, пришло въ обыкновенное состояніе. Надобно же было, наконецъ, представиться мнѣ графу Воронцову. Я нашелъ его за завтракомъ, за который посадилъ онъ меня и такъ много явилъ ласки, что показался мнѣ отъѣнно милъ. На другой день онъ опять уѣхалъ и при мнѣ уже не возвращался. Во дни добраго согласія его съ Алексѣевымъ, сестра моя шутила твердила, что пора бы ему жениться и съ большими похвалами говорила ему о меньшей Браницкой, которую знала съ ребячества и года за три передъ тѣмъ видѣла у матери ея въ Бѣлой Церкви. На это отвѣчалъ онъ только смѣхомъ. Въ это самое время старая графиня Браницкая пріѣхала въ Парижъ, а онъ подъ предлогомъ окончанія какихъ-то дѣлъ туда отправился. Тамъ увидѣлъ онъ, если не молоденькую, то весьма молодую суженую свою. Она не могла ему не понравиться; она нельзя сказать, чтобы была хороша собою, но такой пріятной улыбки кромѣ ея ни у кого не было, а глазки ея были еще лучше прекрасныхъ глазъ богатаго ларца ея, какъ говорить Скупой въ Мольерѣ. Къ тому же Польское кокетство пробивалось въ ней сквозь большую скромность, къ которой съ малолѣтства пріучила ее Русская мать, что дѣлало ее еще привлекательнѣе. Мигомъ поворотилъ онъ этимъ дѣломъ, и скоро узнали, что онъ женится. Воротившись въ Мобѣжъ, онъ совершенно переѣхалъ къ сестрѣ моей, повторяя, что въ ней видитъ пророчицу своего счастья. Но этотъ бракъ былъ, кажется, причиною, что онъ тогда не воротился въ отечество, а начальствованіе надъ корпусомъ сдалъ Алексѣеву, который и привелъ его въ Россію.

Одного только прежняго знакомаго, Кяхтинскаго и Петербургскаго, нашелъ я въ Мобѣжѣ. Сынъ министра финансовъ (тогда еще не графа) Гурьева, съ Нижегородскимъ ополченіемъ былъ въ одномъ только сраженіи, за что изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ въ генералъ-майоры, потомъ женился на дочери начальника своего, графа Петра Александровича Толстаго, во Франціи командовалъ пѣхотною бригадою и стоялъ на квартирахъ въ Ландресі. Преслѣдуемый воспоминаніемъ о единственномъ военномъ подвигѣ своемъ, этотъ тяжеловѣсъ всѣхъ имъ праслѣдовалъ: не было у него другихъ разговоровъ, какъ о позиціи, которую занималъ онъ подъ Дрезденомъ между картофельемъ и рѣкою. Въ кратковременное мое тутъ пребываніе мы нѣ-

сколько разъ обѣдали у него съ Алексѣевымъ; славный столъ и пріятности для меня общества жены его давали мнѣ терпѣливо переносить скуку, которую всегда разливалъ онъ вокругъ себя. Говоря объ Авдотѣ Петровнѣ, хотѣлось бы мнѣ перевести Французское слово *salinerie*, и для того выдумываю Русское слово ластительность: ея было въ ней много, хотя по временамъ очи ея и тогда на минуту загорались сильнымъ гнѣвомъ. Она мнѣ чрезвычайно нравилась. Посмотрите на котенка, когда онъ катаетъ шарикъ или играетъ съ пробкой, какъ онъ забавенъ! Какъ всѣ движенія его милы, хотя съ мурлыканіемъ онъ и выпускаетъ маленькіе когти свои! Посмотрите на него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы его узнаете въ мрачной, сердитой кошкѣ. Вотъ исторія Авдоты Петровны Гурьевой.

Еслибъ я зналъ, что Алексѣевъ будетъ начальникомъ корпуса и поведетъ его чрезъ всю Германію, можетъ-быть, пожелалъ бы я идти покойно съ войскомъ; но я не зналъ еще этого и очень торопился. Такъ какъ я часто прихварывалъ, меня свели и поладили съ однимъ докторомъ, Лукой Егоровичемъ Пигулинымъ, къ которому благоволилъ Воронцовъ и которому велѣлъ онъ дать курьерскій пашпортъ въ Россію, слѣдственно и деньги на проѣздъ. Онъ былъ человекъ добрый, веселый, говорили, искусный врачъ, въ случаѣ нужды дорогою могъ мнѣ быть полезенъ и согласился за тысячу рублей ассигнаціями довести меня до Петербурга. Такимъ образомъ не только даромъ, но и съ барышемъ могъ онъ туда доѣхать.

Въ день Казанскія Богоматери, 22 Октября, послѣ завтрака, не совсѣмъ ранняго, сѣли мы съ нимъ въ коляску его съ поднятымъ верхомъ и благословясь пустились въ путь. Скоро проѣхали мы Нидерландскую, нынѣ Бельгійскую, границу и пріѣхали въ Монсъ или Бергенъ, большой городъ, который послѣ Мобѣжа показался мнѣ еще больше. Мы остановились на какой-то большой площади, наполненной народомъ; но я не выходилъ изъ повозки: сдѣлалось холодно, пошелъ мелкій дождь, и лошадей намъ очень проворно перешлаживали.

Какъ слѣдуетъ курьерамъ, поѣхали мы всю ночь. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Нивель, на Сомбрѣфъ, мѣста, гдѣ было сильное движеніе войскъ, и войскъ касалось самое недавнее знаменитое Ватерлооское сраженіе; но смерклося, и при пасмурномъ небѣ зги было не видать. Довольно поздно проѣхали мы чрезъ науснувшій еще и весьма оживленный Намюръ; ничего видѣть и замѣтить въ немъ не могъ я, кромѣ весьма хорошаго освѣщенія фонарями, повѣшенными посреди улицъ. Наконецъ началъ я дремать, но скоро пробудился и опять заснуть уже не могъ. Небо выяснилось, заря занялась, и мы ѣхали берегами Мааса, дѣйствительно очаровательными. Особенно поразило

меня то мѣсто, гдѣ близъ города Гюи находится замокъ, принадлежавшій принцу Нассау-Зигенъ. Берегами все той же рѣки, при погодѣ совершенно разгулявшейся, въ веселомъ расположеніи духа, пріѣхалъ я въ Литтихъ, прежде столицу богатаго князе-епископства. Намъ, торопящимся домой, что было дѣлать въ этомъ большомъ городѣ, если, не пользуясь временемъ, хорошо въ немъ отобѣдать и тотъ же часъ ѣхать далѣе?

Только-что совсѣмъ смерелось, пріѣхали мы въ Аахенъ, шумный по случаю конгресса, и остановились въ гостинницѣ, кажется, Золотаго Дракона. У Пивулина были какія-то дѣла, какія-то порученія, и онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ тутъ немного пробыть. Наша комната выходила окнами на такую узкую улицу, что у насъ и въ Ригѣ подобной не найдешь. Насупротивъ былъ большой домъ, который внутри весь какъ жаръ горѣлъ. Союзные монархи еще не уѣхали, и живущая въ немъ княгиня Турнь-Таксійская, сестра покойной королевы Прусской, давала имъ прощальный праздникъ. Вечеръ былъ такъ тепелъ, что въ комнатахъ, видно, стало жарко, ибо всѣ окошки были открыты. Но они были выше нашихъ (которыя мы также отворили), и хотя въ двухъ шагахъ мы никого не могли разглядѣть, за то слышали, какъ у себя, знаменитую Каталани, которая раза три принималась пѣть. Нельзя было не подивиться силѣ, гибкости и чистотѣ ея голоса; но пріятности я въ немъ не нашелъ (можетъ-быть, отъ удаленія, подумалъ я).

Хорошенько выспавшись, пока Пивулинъ ходилъ по своимъ хлопотамъ, на другое утро пошелъ я посмотрѣть по многимъ отношеніямъ достопримѣчательный городъ. Началъ я, разумѣется, съ древняго собора, въ восьмомъ вѣкѣ построеннаго, и поклонился огромной плитѣ, всю середину храма занимающей, на которой большими буквами простая надпись: Carolus Magno. Подъ этою плитой сидѣлъ въ вѣнцѣ Карлъ Великій, возстановитель Западной Имперіи; не знаю, лежитъ ли онъ даже подъ нею теперь; по крайней мѣрѣ, стулъ его стоитъ на поверхности близъ престола. Потомъ, полюбовавшись большимъ фонтаномъ съ древними украшеніями, вошелъ я въ ратушу, передъ которою онъ стоитъ, и меня пустили въ залу посмотрѣть на хорошо писанную картину, на которой изображены всѣ полномочные, подписавшіе Аахенскій миръ въ 1748 году. Попытался было я поглядѣть на цѣлительныя воды, въ эту пору уже закрытыя, и съ просьбой о томъ обращался къ старой мадамъ Дубицъ, содержательницѣ заведенія при нихъ, къ которой былъ я адресованъ; но она мнѣ ничего не показала, хотя кромѣ минеральныхъ источниковъ я ничего видѣть не хотѣлъ. Навѣстилъ я также единственнаго дипломата, мнѣ тутъ знакомаго, Северина; онъ

былъ, казался, или хотѣлъ казаться печальнымъ, лишившись не долго передъ тѣмъ молодой жены, сестры известнаго Стурдзы. Дѣла Пикулина кончились скорѣе чѣмъ я ожидалъ, и послѣ обѣда тотчасъ опять должны мы были отправиться въ путь.

Въ потьмахъ проѣхали мы Юлихъ, а когда стало свѣтать, то въ Дюссельдорфъ по мосту переѣхали черезъ Рейнъ и тутъ совсѣмъ некрасивый. Эти два города я все равно что не видалъ, ибо посмотрѣлъ на нихъ сквозь сонъ, не ступая въ нихъ ногою. Къ обѣду, говоря древнимъ Нѣмецкимъ языкомъ, то есть часу въ первомъ, пріѣхали мы въ Эльберфельдъ. Вотъ этотъ городъ жаль было бы проѣхать, не взглянувъ на него. Тутъ самая промышленная сторона въ Германіи: окрестности его и онъ самъ застроены фабриками полотняными, шелковыми. Оттого-то во всемъ виденъ чрезвычайный избытокъ; встрѣчаются однѣ только сытыя фигуры. На почтовый дворъ пріѣхали мы въ самую пору, чтобы сѣсть за общій столъ. Проѣзжая городомъ, не видалъ я ни одной церкви, а на площади замѣтилъ отдѣланное большое, продолговатое, четверугольное зданіе, обнесенное колоннами, какъ Петербургская биржа. Какой большой отстраивается у васъ театръ, сказалъ я сидящему противъ меня за столомъ содержателю почты и трактира. «Это не театръ», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Да чтѣ же таксе?» Тогда рукой сдѣлалъ онъ мнѣ знакъ, на который отвѣчалъ я, и мы другъ друга поняли. «Это наша главная масонская ложа, радостно молвилъ онъ мнѣ тогда. Оборотясь къ Пикулину, «вѣдь этотъ трактирщикъ мнѣ братъ, сказалъ я по-русски; вы увидите, что онъ съ насъ ничего не возметъ». А вышло, что злодѣй отъ насъ потребовалъ двойную братскую помощь.

Ну, подумалъ я, въ хорошемъ состояніи находится здѣсь религія! Впрочемъ, оно такъ и должно быть въ странѣ совершенно промышленной: въ ней все одно положительное, рассчитанное. Свѣжіе, почти дикіе народы сильнѣе прилѣпляются къ вѣрѣ; они не разсуждаютъ, а чувствуютъ и сердцемъ угадываютъ. Можно ли математически доказать причину всего восторженнаго, глубокаго религіознаго чувства, безумія любовной страсти и поэтическихъ вдохновеній?

Небо было еще свѣтло, воздухъ былъ еще довольно тепелъ 25 Октября, когда, отобѣдавъ, оставили мы Эльберфельдъ; но это было въ послѣдній разъ. Небольшія пріятности, которыя дотолѣ представляла мнѣ дорога, прекратились, и начались одни только ея мученія.

Еще въ Аахенѣ съ Пикулинымъ составили мы себѣ маршрутъ; обоимъ хотѣлось скорѣе доѣхать. Я взялъ карандашъ и на карманной почтовой картѣ провелъ кратчайшую линію до Берлина; придерживаясь ея, ѣхали мы сперва по большому тракту, только послѣ начали путаться. Пикулинъ былъ очень добрый малый; воспитанный въ меди-

цинской школѣ, онъ выпущенъ былъ изъ нея лѣкаремъ въ армейскій полкъ; потомъ, все таскаясь по походамъ, заслугами и искусствомъ возвысился до званія дивизионнаго доктора и остался, какъ говорится, совсѣмъ военная кость. Учености по своей части было у него много, просвѣщенія довольно, образованія никакого. Съ самаго начала предложилъ онъ мнѣ ночью поочередно дежурить, на станціяхъ выходить изъ коляски, чтобы осматривать ее. Я рѣшительно отказался; никогда не имѣвъ собственныхъ экипажей, ничего не смыслилъ я насчетъ ихъ прочности и устройства; особенно ночью, легко могъ проглядѣть сломленный винтъ или согнувшуюся рессору, слѣдственно трудъ мой былъ бы напрасенъ. Это не совсѣмъ ему было пріятно. Первый разъ въ жизни рѣшился я ѣхать совсѣмъ безъ слуги, что уже меня чрезвычайно тяготило, а тутъ долженъ бы былъ еще взять на себя часть его обязанностей. Я согласился превратиться въ чемоданъ, какъ онъ не имѣть воли, но съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ, лежать неподвижно. Пигулинъ не могъ надивиться тому, что называлъ онъ моею изнѣженностью; онъ былъ человѣкъ походный, а я только что дорожный и съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что цѣлый вѣкъ оставался Русскимъ барченкомъ. Въ одномъ согласился я помогать ему, и то только днемъ: расплачиваться, вести счетъ издержкамъ и записывать его.

Въ ночи съ 25 на 26 число въѣхали мы въ ужасную Вестфалію, отчизну окороковъ, гдѣ скоро и люди показались мнѣ свиньями. Въ эту ночь осенній дождь пошелъ ливнемъ и въ воздухъ вдругъ произвелъ стужу. То по чемъ мы ѣхали, хотя и называлось большою дорогой, но, право, сдѣлалось хуже нашихъ проселочныхъ; развѣ теперь только тамъ шоссе. А что за неопрятность, не говорю въ обывательскихъ домахъ, въ кои не входилъ я, а въ почтовыхъ, на станціяхъ и въ гостиницахъ! Вообще въ Германіи возятъ тихо, не болѣе положенной мили въ часъ; тутъ, ссылаясь на дурную погоду, вдвое тише, несмотря на нашъ Русскій курьерскій наппортъ. На станціяхъ держали не менѣе полчаса, не оттого, чтобы не было лошадей, а оттого что почтовыми узаконеніями это дозволено. Напрасно горячился Пигулинъ, грозя принести жалобу; ему отвѣчали грубымъ хладнокровіемъ. Такимъ образомъ въ цѣлые сутки могли мы сдѣлать только двадцать миль, или 140 верстъ. нашихъ любезныхъ земляковъ, бредящихъ заграничною жизнію, послалъ бы я сюда пожить и поѣздить. Я могъ мало заснуть и хорошо помню имена городковъ или мѣстечекъ, гдѣ мы мѣняли лошадей: Шведельмъ, Унна, Верль, Сѣсть; эти названія не весьма пріятныя, но въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а я до сихъ поръ безъ ужаса не могу произнести ихъ. Въ полдень прибыли мы въ большой городъ Падерборнъ, основанную Карломъ Великимъ столицу его въ землѣ покоренныхъ имъ

отчаянныхъ сподвижниковъ Витигида. Въ этомъ городѣ былъ и банкиръ, ибо Пикулинъ пошелъ къ нему за деньгами; были и вывѣшенныя во множествѣ колбасы и сосиски. Изъ этого заключилъ я, что первые Нѣмцы, прибывшіе въ Россію, вѣроятно были Вестфальцы, и что оттого называютъ ихъ у насъ колбасниками и копчеными шмерцами.

Отъѣхавъ не болѣе одной станціи отъ Падерборна, должны мы были остановиться у вѣзда небольшого города Дрибурга. Окрестности его въ глухую осень ужасны: высокія горы, дебри и пропасти; лѣтомъ, когда съѣзжаются на его цѣлительныя воды, должны онѣ быть живописны. Коляска Пикулина была не изъ лучшихъ, ветхая, поѣзженная, не выдержала такой дороги, что-то въ ней изломалось, и надобно было чиниться. Въ первомъ домѣ, куда насъ пустили, спросилъ я особую комнату; мнѣ дали большую, холодную, просто выбѣленную, но неопрятную постель; простой столъ и два стула составляли ея меблировку; небольшая печь только что дымилась, а не грѣла. Я лежалъ закутанный въ теплую шинель, словно какъ на дворѣ, и въ этомъ положеніи долженъ былъ оставаться ночь и слѣдующее утро. Внезапная совершенная перемена погоды вездѣ случается въ Октябрѣ, даже въ южныхъ странахъ, гдѣ я послѣ бывалъ. Поздняя осень похожа на глубокую старость; ея красные дни тоже что крѣпость и здоровье осмидесятилѣтняго: неожиданно подуетъ аквилонъ, или безъ всякой видимой причины нагрянетъ смерть, и въ мигъ все истребится.

Выбравшись 27-го изъ Дрибурга, потащились мы на Бракель, Гекстеръ, Голцминденъ. Названія сихъ мѣстъ я очень помню; они были у меня на картѣ, я ихъ твердилъ и слышалъ, какъ произносятъ, когда мѣняли лошадей. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось дурно; я просилъ моего спутника оставить меня въ покоѣ, не говорить даже со мною. Ночью спалъ ли я не знаю, а, кажется, болѣе былъ въ забытій и не слышалъ, какъ переѣхали черезъ Везеръ, единственную, истинно-Нѣмецкую рѣку. Когда разсвѣтало, и я очнулся, увидѣлъ я, что мы вѣзжаемъ въ узкую улицу между высокихъ домовъ.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ Вольфенбюттелѣ, отвѣчали мнѣ во второмъ городѣ Брауншвейгскаго герцогства.

— Да какъ мы въ него попали? сказалъ я: намъ слѣдовало быть въ Госларѣ, — это крѣгъ.

— А все по милости вашей мы такъ путаемся, отвѣчалъ Пикулинъ: хотѣли дать прямое направленіе путешествію нашему, а тутъ вдругъ ничего знать не хотите. Лучше бы я сдѣлалъ, еслибы съ самаго

начала поворотилъ на Кёльнъ и на Кассель; тамъ гдѣ нѣтъ шоссе есть по крайней мѣрѣ мостовая.

Онъ былъ правъ, но не деликатно ему было мнѣ о томъ говорить. Отѣхавъ немного далѣе, днемъ замѣтилъ онъ, что у меня довольно сильный жаръ, и общалъ остановиться въ первомъ хорошемъ городѣ. Это былъ Гальберштадтъ, до котораго, однакожь, оставалось еще семь миль

Мы пріѣхали въ него только-что смерелось. Я объявилъ, что, не жалѣя денегъ, хочу остановиться въ лучшей гостинницѣ; мнѣ указали на *Розу*; по слабости моей въ этомъ названіи увидѣлъ я хорошее предзнаменованіе, и ожиданія мои оправдались. Меня ввели въ комнату, красивыми обоями оклеенную, хорошо вытопленную, вмѣщающую въ себѣ роскошную постель и все, что нынѣ называется комфортомъ, и въ серебряныхъ подсвѣчникахъ подали восковыя свѣчи. Докторъ-товарищъ далъ мнѣ что-то успокоительное, я укрѣпилъ себя пищею, и съ седьмого часа вечера принялся спать. Вдругъ будить меня немилосердый Пикулинъ, увѣряя будто полсутки провелъ я обнявшись съ Морфеемъ, а мнѣ казалось, что полчаса прошло только, какъ я заснулъ. Дѣлать было нечего; я чувствовалъ себя свѣжѣе и тверже, всталъ, одѣлся и поѣхалъ. На ясномъ небѣ звѣзды такъ и горѣли, хотя на окраинахъ его уже вытянулась багровая, малиновая полоса, предвѣстница бурнаго дня. Дѣйствительно скоро вѣтеръ разыгрался и сталъ свистѣть съ такою яростію, что того и гляди, что онъ опрокинетъ нашу коляску. Странная была погода: ясно, холодно, но безъ мороза, а то что мы называемъ сиверко. Къ полудню опять утихло и потемнѣло. Укрѣпленный Магдебургъ, который вечеромъ проѣзжали мы, не оставиваясь въ немъ, въ темнотѣ показался мнѣ гигантскимъ городомъ.

На слѣдующій день, по выѣздѣ изъ Гальберштадта, 30 Октября, прибыли мы утромъ въ Берлинъ, въ извѣстный уже мнѣ міръ. Названія гостинницы на Липовой аллеѣ, гдѣ мы остановились, не помню; комнатою же своею я былъ такъ доволенъ, что первый день не хотѣлъ съ нею расстаться, тѣмъ болѣе что чувствовалъ себя не совсѣмъ еще хорошо. Прогуливаясь, на другой день, по мѣстамъ мнѣ знакомымъ, почувствовалъ я ту скуку и тоску, которую, какъ увѣряютъ, Берлинскій воздухъ производитъ во всѣхъ пріѣзжихъ, и отъ вліянія котораго я лѣтомъ избѣжалъ. У Пикулина были знакомые медики, ему нужно было съ ними видѣться, и онъ располагалъ пробить еще два дни, по 2-е Ноября. Чтобы не ходить со двора и не скучать одному дома, въ книжной лавкѣ купилъ я Французскіе романы, и въ чтеніи ихъ провелъ все время.

Мы отправились по той же дорогѣ, по которой въ Маѣ ѣхалъ я съ Блудовымъ; только на этотъ разъ дѣло шло немного скорѣе: земля подмерзла, ее накатали, дорога стала глаже, и мы болѣе торопились. Повторять названія мѣстъ, чрезъ кои проѣзжалъ я на семь обратномъ пути, означая только день проѣзда моего, считаю излишнимъ. Ничего примѣчательнаго со мною тутъ не случилось. Одно только заслуживаетъ здѣсь быть помѣщеннымъ. Въ городѣ Нови, или Нейенбургѣ на Вислѣ, за столомъ подавалъ намъ кушанье молодой, почтительный услужливый Полякъ. На станціяхъ слышалъ я вездѣ одинъ Нѣмецкій языкъ; тутъ обрадовался Польскому, который немного зналъ съ ребячества, почти какъ Русскому, и съ слугой пустился въ разговоры. Сродство языковъ всегда располагало меня быть снисходительнымъ къ Полякамъ, не смотря на тысячу причинъ, кои имѣю ненавидѣть ихъ.

Послѣ обѣда далъ я слугѣ талеръ, а онъ поцѣловалъ у меня руку. Пикулинъ вѣбѣвился. «Кто въ Европѣ у господина станетъ цѣловать руку? воскликнулъ онъ. Одни только Поляки и Русскіе умѣютъ быть такъ подлы!» — «И такъ добры, сказалъ я, что не гнушаются продолжительно, просто и ласково говорить съ низшими. На Западѣ, продолжалъ я, младшіе всегда готовы къ возстанію на старшихъ и удерживаемы только ихъ убійственно-холоднымъ обхожденіемъ; всѣ состоянія находятся тамъ въ непріязненномъ между собою расположеніи и когда нибудь дойдутъ до сильной борьбы. У васъ въ Европѣ по возможности воздерживаются отъ всякихъ знаковъ наружнаго почтенія; послѣдователи новыхъ христіанскихъ вѣръ и сектъ, въ ней избобрѣтенныхъ, передъ Божествомъ даже не сгибаютъ колѣнъ; во храмѣ иные сидятъ въ шляпахъ. Подъ именемъ сохраненія человѣческаго достоинства всѣмъ сословіямъ внушили тамъ гордыню, а отъ нея не одни люди, но и ангелы пали. Оставьте же намъ пока наше смиреніе; съ нимъ не погибли мы, а напротивъ недавно спаслись, да еще спасли и другихъ». Такъ говорилъ я; откуда у меня чтò бралось и когда вспомню теперь, то какъ будто предрекалъ настоящее. Мой добрый Пикулинъ, совершенно-Русскій человѣкъ, въ Воронцовскомъ корпусѣ былъ весь вытертъ либерализмомъ, Европеизмомъ, никогда не слыхалъ ему возраженій и отъ того не имѣлъ случая никогда рассуждать о томъ. Онъ не нашелъ чѣмъ бы мнѣ отвѣчать и старался обратить все это въ шутку.

Какъ бы ни было, а Кѣнигсбергъ все-таки столица, да по милости Наполеона нѣсколько времени былъ еще и королевскою резиденціей: проѣхать его, не отобѣдавъ въ немъ и не переночевавъ, было бы неприлично. Эту дань уваженія заплатили мы ему 6-го Ноября. Въ томъ самомъ трактирѣ и въ той же комнатѣ, которую занималъ я въ первый

мой проѣздъ, остановился я; въ ней дочиталъ я романъ, купленный и начатый въ Берлинѣ, и болѣе ничего въ Кёнигсбергѣ не дѣлалъ.

Изъ любопытства хотѣлось мнѣ видѣть Штрадъ; до свѣта, 7-го числа, отправились мы на него, а еще не по немъ. Отъ станціи Мюльзень, единственной, которую на этомъ пути я видѣлъ, идетъ верстъ на сто песчаная коса, называемая Нерунгъ. Когда показался свѣтъ или скорѣе освѣтилась густая мгла, покрывающая небо, открылось намъ шумящее Балтійское море. Слева оно бушевало, а справа песчаная, голая равнина подымалась едва замѣтнымъ откосомъ и образовывала цѣпь низкихъ холмовъ, на вершинѣ которыхъ кой-гдѣ торчали сосны. Никогда столь печальнаго зрѣлища я не видалъ. Плохія, тощія лошади могли везти только по мокрому песку, и для того ямщикъ держался все самага берега. Море, которое отражало мракъ облаковъ, можно было назвать чернымъ; изъ него высоко подымались бѣлѣющіяся волны и всѣй этой картинѣ давали видъ совершенно траурный и гробовой. Онѣ безпрестанно досягали до коней и до колесницы и разбивались о колеса; иногда обхватывали всю коляску, какъ бы готовы увлечь ее съ собою, и брызги ихъ попадали намъ въ лицо. Къ счастью, не было мороза, а не то нашъ экипажъ покрылся бы ледяною корой и отяжелѣлъ. Въ инныя минуты шумъ бывалъ такъ великъ, что мы другъ друга слышать не могли. Станціонные дома стоятъ не у берега, не на дорогѣ, а въ верстѣ или болѣе отъ нея на возвышеніи; ямщикъ останавливается, отпрягаетъ одну лошадь, садится на нее, оставляетъ вамъ другихъ, ѣдетъ на станцію и приводитъ вамъ новыхъ лошадей. Въ названіяхъ (кои не забылъ) станцій сихъ (кои не видалъ): Саркау, Росситень, Шварцортъ, и понынѣ чудятся мнѣ могильные звуки. Цѣлый день не ѣсть, не видѣтъ жилья, ничего кромѣ мрачнаго неба, бурнаго моря и песчаной степи, совсѣмъ не было забавно. Я не худо сдѣлалъ, что описалъ эту дорогу; теперь она, говорятъ, совершенно брошена, вѣроятно, скоро будетъ забыта и никому неизвѣстна.

На концѣ ея, проѣхавъ по морю аки по суку, мы должны были совсѣмъ ввѣрить себя этой невѣрной стихіи. На какомъ-то большомъ суднѣ, при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ, надобно было цѣлыя три мили переправляться черезъ Куришь-Гаѣъ, чтобы пристать къ Мемелю. Пикюлинъ готовъ былъ ѣхать далѣе; но и самъ онъ утомился, да и ночью черезъ границу, которая была въ трехъ миляхъ, насъ бы, можетъ-быть, не пропустили. Въ Мемелѣ повторилось со мною то, что было въ Кёнигсбергѣ; я опять нашелъ знакомую комнату, чистую, хорошо отопленную: надобно ѣхать на Сѣверъ, чтобы зимой не забнуть въ комнатахъ, и чѣмъ далѣе тѣмъ лучше,

Въ Михайловъ день, 8-го числа, проѣхавъ Ниммерзатъ, увидѣли мы рогатку и казачій пикетъ; одинъ всадникъ отдѣлился отъ него, чтобы проводить насъ до Полангена, и въ тоже время какъ бы нарочно пошелъ первый снѣгъ. Мы переѣхали Русскую границу, мы вступали въ Русскія владѣнія. Давно ли я разстался съ отечествомъ? Но это было въ первый разъ, и въ первый разъ я возвращался въ него. Не буду даже пытаться изображать то, что происходило со мною въ эту блаженную минуту; за всѣ трудности путешествія ею одною былъ я вознагражденъ; языкъ безмолвствовалъ, а рука безъ вѣдома моего, сама собою, по Русско-православной привычкѣ, клала на меня кресты. Придя немного въ себя, обратился я къ моему товарищу, который пять лѣтъ не видалъ Россіи, и спросилъ его: что онъ чувствуетъ? Несчастный, стараясь скрывать сильное ощущеніе, сперва не могъ вымолвить слова, потомъ смѣясь, но задыхаясь, отвѣчалъ: «да ничего». Я съ досадою отворотился: еслибъ онъ подолѣе пожилъ за границей, то и дѣйствительно ничего бы не чувствовалъ.

На другой день гнилая Пикулинская коляска опять намъ измѣнила, опять надобно было починиваться и останавливаться на Курляндской станціи Дрогденъ. Къ вечеру кое-какъ починили испорченное, и мы не безъ опасенія отправились далѣе. Ночью проѣхали мы Митаву, а 10-го числа по утру прибыли въ Ригу.

Мы остановились въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ на берегу Двины, гдѣ пришлось намъ пробыть сутокъ двое и болѣе. По осмотрѣ экипажа г. Пикулина, открылось, что безъ большой реставраціи мы принуждены будемъ бросить его на дорогѣ. Погода была дурная, попеременно дождь и снѣгъ, страшная слякоть, такъ что выйдти нельзя было. Мнѣ было скучно, но по крайней мѣрѣ тепло и покойно. На наше счастье опять подморозило, когда мы выѣхали, и мы хорошо проѣхали по пескамъ, которые окружаютъ Ригу; мѣстами на дорогѣ лежалъ уже снѣгъ. Не знаю отчего Пикулину захотѣлось остановиться въ Дерптѣ и переночевать на почтовомъ дворѣ; хотя медикъ, но, вѣдается, и онъ немного прихворнулъ. Онъ поднялъ меня до свѣту, 14-го Ноября, а какъ погода была весьма неблагоприятная, то мнѣ и не очень хотѣлось. Я вспомнилъ, что я имянинникъ, и что этотъ день никогда не бывалъ я въ дорогѣ

Подъѣзжая къ Нарвѣ 15-го числа, случилось съ нами небольшое приключеніе, хотя неприятное, а впрочемъ забавное. Чухонецъ-ямщикъ, который насъ везъ, молодой еще мальчикъ, однакоже былъ пьянъ: держалъ не въ попадь, то направо, то налево, и могъ сломить намъ шею. Пикулинъ прикрикнулъ на него; онъ забѣсился, бросилъ возжи, соскочилъ съ козелъ и пошелъ пѣшкомъ. Тутъ имѣлъ я случай подивиться

присутствію духа и проворству военнаго медика: отдавъ мнѣ вожжи и схвативъ какія-то запасныя веревки, онъ выскочилъ, поймалъ пьянаго, перевязалъ ему руки, посадилъ насильно со мною въ коляску, а самъ сѣлъ на козлы и поѣхалъ. Чухонцы, когда разсердятся, бываютъ ужасно злы: мальчишка въ безсиліи своемъ все смѣялся съ бѣшенствомъ. Такъ пріѣхали мы въ Нарву и на почтѣ сдали виновнаго, которому обѣщано было наказаніе.

Близъ Ропши, ночью, спускаясь съ пригорка, вспомнилъ я, какъ весной на немъ бились мы въ глубокомъ снѣгу, и готовъ уже былъ радоваться тому, что онъ едва покрываетъ землю, какъ ямщикъ нашъ вскрикнулъ:

— Господа, худо!

— Чтó такое? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да вонъ видите, стоятъ волки.

Они вѣрно были не близко, ибо, по близорукости моей, въ потѣмахъ не могъ я разглядѣть ихъ; но лошади были столь же зорки какъ ямщикъ и сопутникъ мой, начали фыркать и безъ памяти понесли было насъ; потерявъ изъ виду враговъ своихъ, они скоро утихли. Это была послѣдняя моя дорожная неприятность. Въ Стрѣльнѣ, куда пріѣхали мы до разсвѣта, 16-го числа, узнали мы, что въ Петербургѣ рѣвка стала, и что всѣ начали было ѣздить въ саняхъ, но что опять все распустило, и ледъ на Невѣ едва держится. Пока мы ѣхали дачами по Петергофской дорогѣ, совершенно разсвѣло, и въ 10 часовъ утра въѣхали мы въ заставу.

X.

Уже болѣе недѣли находился я въ Русскомъ царствѣ; радость моя уже истощилась на границѣ; при въѣздѣ въ него и послѣ кратковременнаго отсутствія, увидѣлъ я Петербургъ довольно равнодушно, какъ будто воротился въ него изъ Пензы. Онъ показался мнѣ печаленъ и тихъ въ сравненіи съ Парижемъ.

Сопутникъ мой, онъ же и хозяинъ дорожный, Пикулинъ, остановился у пріятели въ Измайловскихъ казармахъ. Мы разстались безъ сожалѣнія: ничего общаго не было у насъ ни въ мнѣніяхъ, ни во вкусахъ, и мнѣ кажется, мы ужасно другъ другу надобли; послѣ того не помню, случилось ли мнѣ раза два въ жизни его видѣть.

Я сѣлъ на извозчика и скорѣе поскакалъ къ Семеновскому мосту въ Шмидтовъ домъ, гдѣ нашли мнѣ комнатку, пока Нодсепъ очиститъ въ немъ уступленную мною ему квартиру. Тотчасъ потомъ, о блаженствѣ, явился мой старый слуга Пантелѣй. Я не хвалю въ этомъ случаѣ старинное Русское воспитаніе, которое пріучаетъ шагу не дѣлать

безъ прислуги; но я получилъ его, и возвратиться къ привычкѣ, сдѣланной съ малолѣтства, почти мѣсяць прерванной во время трудной дороги, было для меня настоящимъ наслажденіемъ. Вообще, болѣе полугода пошатавшись по свѣту, пріятно быть у себя. Въ людяхъ хорошо, а дома лучше, говорить пословица, я думаю западнымъ народамъ неизвѣстная.

Моимъ начальникомъ былъ я принятъ, могу сказать, съ радостію: онъ простеръ деликатность до того, что самъ предложилъ мнѣ нѣсколько дней отдохнуть и погулять. Во время отсутствія моего по нашей части произошла важная перемѣна. Престарѣлому графу Сергѣю Кузмичу Вязмитинову было не подъ силу въ одно время управлять Министерствомъ Полиціи и завѣдывать столицей. Согласно съ его желаніемъ, сохраняя министерство, уволенъ онъ отъ должности Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, и на его мѣсто назначенъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Будучи старѣе чиномъ Бетанкура, почиталъ онъ и имѣлъ право почитать себя его начальникомъ: это можно было замѣтить изъ письменныхъ отношеній. Но какъ Милорадовичъ въ дѣлахъ ничего не смыслилъ, то повелительный тонъ принялъ новый правитель канцеляріи его, Николай Ивановичъ Хмѣльницкой. Добрый Ноденъ безъ меня всепокорнѣйше принималъ эти приказанія, и мнѣ послѣ немалого труда стоило сколько-нибудь уравновѣсить сношенія наши съ этою канцеляріей. Съ своей стороны Бетанкуръ неохотно бы вошелъ въ состязаніе съ такимъ извѣстнымъ смѣльчакомъ, каковъ былъ Милорадовичъ; я однакоже объяснилъ ему, что если такъ пойдетъ, по неопредѣленности правъ нашихъ, то легко можемъ мы попасть въ разрядъ уѣздныхъ мѣстъ, что гораздо послѣ и случилось. Вслѣдствіе чего Бетанкуръ имѣлъ объясненіе съ Милорадовичемъ, одинъ на своемъ Гиппано-Французскомъ, а другой на Чухоно-Французскомъ языкѣ, которымъ забавлялъ онъ дворъ и публику; а какъ первый былъ человекъ умный и тонкій, то дѣло и поладилось. Оба правителя канцеляріи, Адамовичъ и Перевощиковъ, при назначеніи новаго военнаго губернатора, были удалены отъ должности, яко бездѣльники. Мнѣ было ихъ жаль: они конечно пользовались незаконной прибылью, но довольно умѣренно и были люди незлые и весьма обходительные. Определенный на ихъ мѣсто Хмѣльницкой выбранъ былъ на славу, взятъ изъ Иностранной Коллегіи, былъ богатъ, литераторъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и долженъ былъ очистить, облагородить званіе начальника канцеляріи. А онъ вышелъ величайшій грабитель, дерзкій, надменный, такъ что и честному бы человеку было не подъ стать. Черезъ нѣсколько времени самъ Государь приказалъ Милорадовичу его прогнать и отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы

никуда не опредѣлять. По прїѣздѣ болѣе всего заняли меня мои служебныя дѣла, и оттого съ нихъ и началъ я мой разсказъ.

Большая тишина эту зиму царствовала въ Петербургѣ, только не въ высшемъ кругу. Государь и обѣ Императрицы находились въ отсутствіи за границей. Безъ нихъ молодая чета, Николай Павловичъ съ супругой, на свободѣ, на просторѣ, предавались забавамъ, особенно же молоденькая великая княгиня, которая, по тогдашнимъ лѣтамъ своимъ и по примѣру матери, покойной королевы Прусской, безъ памяти любила танцы. Посѣщеніе бала Государемъ или кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи почиталось рѣдкимъ, важнымъ происшествіемъ. Тутъ знатные и богатые обрадовались случаю, въ запуски стали давать праздники и счастливыми себя почитали, что могутъ на нихъ угощать у себя почти еще новобрачныхъ. Оно недолго продолжалось. Къ 1-му Января 1819 года возвратился Государь; черезъ нѣсколько дней послѣ него императрица Марія Ѳеодоровна; а 9-го числа стараго стilia скончалась почти скоропостижно Екатерина Павловна, королева Виртембергская. Многіе были увѣрены, что послѣ втораго ея брака семейство ея охолодѣло къ ней. Тогда глубокая горестъ, которую произвела ея кончина, дала всѣмъ узнать, что нѣжныя чувства къ ней родныхъ никогда не теряли своей силы. Послѣ этого, разумѣется, всякія увеселенія при дворѣ должны были умолкнуть до весны.

Въ половинѣ Января генераль Алексѣевъ привелъ въ Слонимъ корпусъ, находившійся три года во Франціи, который весь былъ набранъ изъ полковъ, принадлежащихъ къ дивизіямъ, внутри государства расположеннымъ. По полученіи донесенія о прибытіи его, велѣно Алексѣеву распустить корпусъ, распорядиться отправленіемъ полковъ къ мѣстамъ квартированія ихъ дивизій, а дѣла представить въ главный штабъ Его Величества. Самому же ему, впредь до новаго назначенія, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, дозволено прїѣхать въ Петербургъ или жительствовавать гдѣ пожелаетъ. Примѣчательно, что, въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ этомъ корпусѣ было только три дезертира, а на обратномъ пути ни одного, хотя нижнимъ чинамъ представлялось много средствъ къ побѣгамъ. Несчастные знали, что дома будетъ имъ плохое житье; но тамъ ихъ родина, и она была для нихъ выше всего. Не такъ-то думаютъ наши высшія сословія.

Братъ мой также получилъ отпускъ на годъ съ сохраненіемъ жалованья, и они вмѣстѣ съ зятемъ и сестрой отправились сперва въ Москву, гдѣ Алексѣевъ и остался, а братъ мой поспѣшилъ къ матери нашей въ Пензу. Въ это самое время, два сына сестры моей, Александръ и Николай, взрослые пажы, были выпущены офицерами въ армію. Оба они, особенно въ первой молодости, были очень красивы

собою; къ сожалѣнію не наслѣдовали они ума матери своей. Старшій былъ въ отца: всегда весель, живъ, болѣе его образованъ, еще болѣе его ко всѣмъ ласковъ, за что всѣ безъ изыятія любили его, особенно же нѣжный полъ. Меньшой былъ угрюмъ, совсѣмъ несообщителенъ, отчего казался разсудительнѣе брата, чего однакоже вовсе не было. Онъ имѣлъ два порока—чрезмѣрное самолюбіе и себялюбіе, которыхъ смѣшивать не должно; первое всегда было замѣтно, а послѣднее ужасно развилось и открылось послѣ. По несчастію бѣдные мальчики получили самое плохое воспитаніе; имѣя только двухъ сыновей, родители ихъ баловали; въ отрочествѣ таскались они по походамъ или жили по роднымъ; по царской милости въ 1812 году приняты въ Пажескій Корпусъ, который смѣло можно назвать школою разврата. Въ прежнія времена, если ученіе шло дурно и воспитанниковъ мало занимали военной наукой, то по крайней мѣрѣ получали они свѣтскіе навыки и хорошія манеры; а въ это время, также какъ изъ кадетовъ, хотѣли изъ нихъ сдѣлать солдатиковъ, но безъ строгой дисциплины, которой тѣ были подвергнуты. Съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я, какъ ребята растутъ безъ всякаго надзора; изъ уваженія къ заслугамъ отца, со старшаго не слишкомъ взыскивали за его вѣтренность, съ меньшаго за его упрямство и неповиновеніе. На счетъ ихъ мнѣ не сдѣлано было никакого довѣрія; я не имѣлъ никакого права мѣшаться въ это дѣло; къ тому же въ тогдашнія лѣта мои мнѣ не совсѣмъ еще прилично было играть роль Ариста и Геронта. Иногда однакоже нехотя принимался я браниться съ ними; меньшой сердито слушалъ меня, а старшимъ милымъ шалуномъ, бывалъ я скоро обезоруженъ. Не попавъ въ камеръ-пажи, вышли они прапорщиками: Александръ въ какую-то артилерійскую роту близъ Тулы, Николай въ гренадерской полкъ императора Австрійскаго, находившійся въ Царскомъ Селѣ. Обоимъ тотчасъ даны были отпуски для свиданія съ отцомъ, только что возвратившимся изъ-за границы въ Москву.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ по службѣ Бетанкура послѣдовала для него большая перемѣна. Инженеръ-генераль Францъ Павловичъ Де-Волянъ, главный директоръ путей сообщенія, преемникъ принца Георгія Ольденбургскаго, перваго мужа Екатерины Павловны, умеръ, и Государь для этой важной должности на его мѣсто выбралъ моего начальника. Я этому очень обрадовался, а между тѣмъ не могъ понять, какъ человѣкъ, который ни слова не знаетъ по-русски, будетъ въ Россіи управлять министерствомъ. Когда, узнавъ объ томъ, на другой день поутру пришелъ я поздравить его, съ притворно-печальнымъ видомъ отвѣчалъ онъ мнѣ: «Что дѣлать! Государь непременно того требовалъ». Тщетно говорилъ я ему о великихъ затрудненіяхъ, которыя предста-

вятся при исполненіи возлагаемой на меня обязанности; онъ отвѣчалъ, что «если бы дѣла и пошли не такъ успѣшно какъ онъ желаетъ (хотя онъ ожидаетъ противнаго), не его будетъ вина, ибо его насильно заставили принять должность». Потомъ прибавилъ онъ: «скорѣе должны вы себя поздравить чѣмъ меня; новое назначеніе мое открываетъ вамъ дорогу къ возвышенію». Черезъ нѣсколько дней объявилъ онъ мнѣ, что имѣетъ на меня виды и хочетъ меня представить къ занятію должности директора департамента путей сообщенія, на мѣсто хвораго старика, съ которымъ онъ не можетъ объясняться, потому что тотъ не знаетъ по-французски, но что напередъ хочетъ онъ оглядѣться и не вдругъ приступить къ перемѣнамъ. Я замѣтилъ ему, что при необъятномъ числѣ бумагъ по ввѣренной ему части, вступающихъ и исходящихъ, даже съ удвоеннымъ штатомъ не будетъ возможности сохранить порядокъ, которому дотолѣ мы слѣдовали, и что въ Петербургѣ не сыщется и половины людей въ состояніи переводить для него и переписывать по-французски. «Ужъ это я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, и для того-то и нуженъ мнѣ человекъ, отъ котораго представляемая бумага могъ бы я слѣпо подписывать».

Должность директора департамента занималъ бывший мой начальникъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ, съ 1810 года, при принцѣ Ольденбургскомъ, преемникъ Лубяновскаго, тогда уже въ Анненской лентѣ, человекъ кроткій, честный и дѣловой. Его-то Бетангуръ хотѣлъ сбыть съ рукъ. Какая несправедливость! Но удрученный лѣтами, при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ самъ желалъ успокоенія.

По письменной части еще два человека были тутъ замѣчательны. Одинъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, былъ правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. Не помню, въ другихъ министерствахъ существовали ли уже тогда общіе совѣты, составленные изъ директоровъ и нѣсколькихъ членовъ. При самомъ же преобразованіи бывшей экспедиціи водяныхъ коммуникацій найдено было необходимымъ сохранить ей хотя призракъ коллегіальнаго управленія. Принцъ, или скорѣе всѣмъ завѣдывавшій тогда Лубяновскій, посылали въ этотъ совѣтъ на разсмотрѣніе только смѣты проектовъ. Въ немъ засѣдали три инженерныхъ генерала, подъ названіемъ инспекторовъ, и директоръ департамента Серебряковъ. Чтò сказать о Хрущовѣ? Онъ былъ человекъ самый безхарактерный, полулитераторъ, полудѣлецъ, не совсѣмъ честенъ, не совсѣмъ плутъ, но скорѣе послѣднее.

Главные директоры, принцъ и послѣ него Де-Волянъ, имѣли сверхъ того особую малую канцелярію и секретаря. При Де-Волянѣ секретаремъ постоянно находился нѣкто Ѳома Яковлевичъ Рандъ. Нѣмецъ или

Голландецъ, Богъ его знаетъ, родился въ Москвѣ и воспитывался тамъ отъ щедротъ роднаго дяди, Нѣмецкаго учителя моего въ Форсевилевомъ пансіонѣ, Гильфердинга. Имъ отправленъ былъ онъ учиться въ Геттингенскій университетъ; будучи непрілеженъ или неспособенъ, не могъ онъ получить тамъ аттестата, который въ то время давалъ равныя права съ тѣми, кои доставляли выдаваемые отъ Русскихъ университетовъ. По словамъ Николая Тургенева, который вмѣстѣ съ нимъ въ Геттингенѣ слушалъ лекціи, всѣ Русскіе смѣялись надъ нимъ, называя его Фомушкой. Но онъ имѣлъ нѣкоторыя способности, пронырство и наглость, съ которыми иные по службѣ далеко уходятъ. Онъ невысоко еще поднялся; лѣтъ тридцати, только-что титулярный совѣтникъ и секретарь при такомъ начальникѣ, который очень хорошо зналъ Русскій языкъ и чрезвычайно былъ опытенъ въ дѣлахъ по своей части, онъ большаго вліянія на нихъ имѣть не могъ. Росту былъ онъ виднаго; многіе находили, что онъ недуренъ собой; мнѣ же черты его и выраженіе лица казались даже непріятны. Къ счастью его, черезъ супругу своего начальника, черезъ довольно еще молодую жену, иногда дѣйствовалъ онъ на стараго мужа и, пользуясь симъ искусственнымъ кредитомъ, успѣлъ уже, говорили, нажить капиталу тысячь до тридцати рублей ассигнаціями. Въ откровенной бесѣдѣ со мною Бетангуръ говорилъ: «Вы не можете себѣ представить, какіе это мошенники, этотъ мосьё Кручковъ и этотъ мосьё Рандъ». Я не поддакивалъ ему, но и не оспаривалъ его, объ этихъ людяхъ не имѣя дотолѣ никакого понятія. «Теперь они мнѣ необходимы», прибавлялъ онъ, «но я надѣюсь, какъ изъ лимоновъ, выжавъ изъ нихъ сокъ, послѣ того ихъ бросить». Бѣдный Бетангуръ не могъ предвидѣть, что они прилипнуть къ его рукамъ, и не только ихъ, всю репутацію его выпачкаютъ. Въ общеніи съ Рандомъ, который каждый день являлся къ нему съ бумагами, Бетангуръ, можно сказать, былъ даже суровъ; а тотъ, по моему, велъ себя очень благоразумно, выслушивая его въ почтительномъ молчаніи и не показывая ни досады, ни трусости.

Въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія всѣ видѣли во мнѣ будущую главную пружину его. Не было любезностей, не было учтивостей, коихъ бы мнѣ ни оказывали инженеры: генералы Саблуковъ, Карбоньеръ, Вельяшевъ (о коихъ подробнѣе говорить предоставляю себѣ послѣ) сами первые посѣтили меня. А между тѣмъ я не почиталъ себя въ правѣ входить явно въ какія-либо дѣла этого управленія; главные должностныя гражданскія лица всемѣрно уклонялись отъ сообщенія мнѣ свѣдѣній, и я могъ только стороною собирать ихъ. Наконецъ, рѣ-

шился я на этот счет объясниться съ Бетангуромъ. Я представилъ ему, что, не ознакомившись напередъ съ дѣлами департамента, который онъ намѣренъ былъ ввѣрить мнѣ, буду я плохимъ его директоромъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что спѣшить еще не къ чему до возвращенія изъ одного путешествія, которое вмѣстѣ съ нимъ долженъ я совершить. «Къ тому же», прибавилъ онъ, «съ быстротою, съ какою понимаете вы всякое дѣло, вамъ нетрудно будетъ скоро сладить и съ этимъ». Онъ не имѣлъ никакой нужды мнѣ льстить, и я никакимъ скромнымъ опроверженіемъ не отвѣчалъ ему. Вообще же я привыкъ видѣть, что какъ въ Италіи импровизируютъ стихи, такъ у насъ въ Россіи импровизируютъ способныхъ ко всему людей. Еще замѣтилъ я Бетанкуру, что чинъ мой малъ для мѣста, которое занимали дотошъ одни превосходительные. На это отвѣчалъ онъ мнѣ, что вмѣстѣ съ должностію испросить онъ мнѣ у Государя и чинъ статскаго совѣтника, безъ всякаго университетскаго аттестата. Все шло для меня какъ нельзя лучше.

Еще въ 1816 году отставной канцлеръ, графъ Румянцовъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ и Макарьевскую ярманку. Она привлекла на себя особое вниманіе человѣка, бывшаго столько лѣтъ министромъ коммерціи. Онъ нашель, что весьма было бы выгодно по близости перенести ее изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ и тѣмъ поддержать, украсить и поднять послѣдній, который во мнѣніи многихъ людей почитается настоящимъ средоточіемъ Россіи, долженствующимъ быть и столицей ея. Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти государственнаго мужа нахожу я, что онъ ошибался. Положеніе Нижняго-Новгорода со-всѣмъ не центральное. Если въ измѣреніи пространства Россіи не отдѣлять отъ нея Сибирскаго края, тогда середина ея будетъ, по крайней мѣрѣ, за Ураломъ. Если же принять въ соображеніе одну населеннѣйшую часть ея отъ Уральскаго хребта до Калиша, тогда, прилегаая болѣе къ сѣверо-восточнымъ ея странамъ, Нижній-Новгородъ слишкомъ удаленъ отъ западныхъ границъ Имперіи. Находясь на берегу двухъ величайшихъ, судоходнѣйшихъ рѣкъ, онъ съ умноженіемъ народонаселенія и промышленности, самъ собою могъ бы сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ государствѣ. Перенесеніе въ него ярманки одинъ только мѣсяцъ въ году могло оживить его. Безъ всякой помощи отъ правительства, безъ всякаго участія его, самымъ естественнымъ образомъ ярманку сію породили взаимныя потребности народовъ, населяющихъ Россію и отдаленнѣйшія Азіатскія страны. Она возросла какъ бы подъ благословеніемъ Св. Макарія, вокругъ обители имъ основанной. Многочисленное стеченіе богомольцевъ въ обычный срокъ встрѣчалось тутъ ежегодно съ проѣзжающими караванами. Набожность, вездѣ сопутствовавшая прежде Русскому народу, указала ему

туть и на торговыя его выгоды. Начало прекрасное, коего послѣдствіемъ было самое блистательное, широкое развитіе нашей торговли. Замѣчанія свои графъ Румянцовъ представилъ Государю, который принялъ ихъ въ уваженіе.

Дабы удостовѣриться въ пользѣ предлагаемаго канцлеромъ, въ Іюль 1817 года Бетанкуръ отправленъ былъ въ Нижегородскую губернію. Ему поручено было, обозрѣвъ мѣстности, избрать удобнѣйшую и выгоднѣйшую для учрежденія новаго прочнаго ярманочнаго гостинаго двора и донести, въ случаѣ построенія новыхъ каменныхъ лавокъ, доходы съ нихъ будутъ ли достаточны, чтобы замѣнить казнѣ проценты съ капитала, употребленнаго на ихъ сооруженіе: новое доказательство пристрастія и неограниченной довѣренности, которыя имѣлъ Государь къ иностранцамъ. Бетанкуръ менѣе чѣмъ кто могъ тогда судить о выгодахъ и невыгодахъ нашихъ торговыхъ и финансовыхъ дѣлъ: это было первое путешествіе, которое онъ дѣлалъ внутрь Россіи, которой дотолѣ онъ вовсе не зналъ, не видавъ даже Москвы. Никакой важности не видѣлъ онъ въ томъ, чтобы, вырвавъ съ корнемъ самую природою произведенное растение, посадить его на другой почвѣ, не заботясь о томъ, будетъ ли оно процвѣтать на ней или нѣтъ. Эти господа знать не хотягъ, что у такъ называемыхъ варваровъ и рабовъ есть повѣрія, обыкыи, коихъ измѣненія никогда не совершаются безъ сердечной для нихъ боли. Бетанкуру представился прекрасный случай выказать все искусство свое, какъ инженеру, архитектору, механику, и въ самомъ широкомъ объемѣ; какъ было ему не воспользоваться онымъ? Въ виду Нижняго Новгорода, за Окой, близъ втока ея въ Волгу, на луговой ея сторонѣ, каждую весну потопляемой разлитіемъ двухъ великихъ рѣкъ, избралъ онъ мѣсто для сооруженія себѣ памятника. Тутъ надлежало съ большими издержками для казны побѣдить препятствія, поставляемыя природой. Надлежало, въ видѣ полукруглаго острова, сдѣлать высокую насыпь, которую вешнія воды не могли бы зятоплять, прорыть вокругъ нея судоходный каналъ, соединяющій рѣчку Пыру съ Окой, возводимыя каменные строенія, всё безъ изытія утвердить на безчисленныхъ сваяхъ. Мнѣ случалось въ послѣдствіи слышать льстецовъ, которые въ разговорахъ съ Бетанкуромъ это гигантское произведеніе его генія называли Египетскою работою и сравнивали его съ ископаемымъ озеромъ Мѣриса и пирамидой Хеопса. Онъ съ своей стороны почиталъ эту лествь слишкомъ грубою и отвергалъ ее съ досадою.

По возвращеніи лично и словесно докладывалъ онъ Государю о своихъ предположеніяхъ. Не знаю, какую уловку употребилъ онъ, чтобы не испугать его огромностью суммъ, на то потребныхъ. Госу-

даръ не жалѣлъ денегъ на все, по мнѣнію его, полезное, но даромъ бросать ихъ не любилъ. Я полагаю, что сперва не открылъ онъ ему всей истины, не объяснилъ, сколько милліоновъ потребуется, ибо представленная имъ вслѣдъ за тѣмъ смѣта была довольно скромная. Разъ втянувши казну въ это предпріятіе, ему легко было послѣ доказывать необходимость безпрестанныхъ прибавокъ.

Въ ту же осень дѣло вскипѣло вдругъ: отравлены инженеры для снятія плановъ, присканія подрядчиковъ, объявленія торговъ, заключенія контрактовъ; у насъ же въ Петербургѣ завелась обширная переписка, что чрезвычайно умножило мои занятія и труды. Весной въ 1818 году, ярмоночныя деревянныя строенія перенесены уже были изъ Макарьева на плоское мѣсто, находящееся рядомъ съ тѣмъ, на которомъ предполагалось соорудить прочныя зданія; лѣтомъ въ сихъ временныхъ помѣщеніяхъ открытъ былъ уже и торгъ. Ропотъ былъ великъ: монастырь Св. Макарія лишился богатыхъ приношеній, жители окрестныхъ мѣстъ почитали себя раззоренными, Азіатскіе торговцы жаловались на то, что должны понапрасну дѣлать лишнихъ восемьдесятъ верстъ сухимъ путемъ, хозяева судовъ на то, что принуждены болѣе ста верстъ подниматься вверхъ по Волгѣ; вообще же ярманка съ этого времени потеряла свою оригинальную, Азіатскую фizioномію. Бетанкуръ, который провелъ тамъ все лѣто, пока я былъ въ Парижѣ, остался довольно равнодушенъ къ симъ жалобамъ; однакоже, дабы сколько нибудь утѣшить вопіющихъ, обѣщаль на новомъ мѣстѣ построить славную каменную церковь во имя Св. Макарія: лишняя сотня тысячъ рублей ему ничего не стоила. Не смотря на новое, важное, назначеніе свое, онъ намѣревался провести въ Нижнемъ Новгородѣ и лѣто 1819 года, и пригласилъ меня ѣхать съ собою. Итакъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ началъ я приготовляться къ новому пути, не столь длинному какъ въ предыдущемъ году.

XI.

Когда въ 1815 году жилъ я на Крестовскомъ островѣ, въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я о пароходахъ. Сосѣдъ мой, графъ Вильгорскій, предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и съ большою компаніей на чугунный заводъ Англичанина Берда, чтобы подивиться сей новорожденной у насъ невидальщинѣ; не помню, что помѣшало мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ. Дотогѣ слушалъ я о томъ довольно разсѣянно, какъ объ одномъ изъ многочисленныхъ Американскихъ или Англинскихъ затѣйливыхъ изобрѣтеній. Берду отъ правительства дана была привиллегія, и его пиросвафъ исправно съ тѣхъ поръ ходилъ съ

Матисова острова въ Кронштадтъ; иногда на показъ народу являлся онъ и на Невѣ; мнѣ ни разу не пришлось посмотрѣть на него.

Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть не его, а на немъ самого себя. Бетанкуръ собирался отправиться водою, такъ чтобы наши экипажи, не отдаляясь отъ берега, слѣдовали за нами сухимъ путемъ. Бердъ, который почиталъ себя много обязаннымъ Бетанкуру, за то, что всѣ казенныя работы заказывались на его заводѣ, предложилъ прокатить насъ даромъ по Невѣ, до самаго истока ея изъ Ладожскаго озера. Отъѣздъ назначенъ былъ 14 Мая въ семь часовъ утра, и пароходъ, ночью прошедъ по рѣкѣ во время снятія мостовъ, причалилъ къ набережной близъ Гагаринской пристани. Я проспалъ, опоздалъ нѣсколькими минутами, меня одного нетерпѣливо дожидались, и едва успѣлъ я перебѣжать по доскѣ, какъ труба задымилась, и колеса зашумѣли.

Я очутился на палубѣ среди многочисленнаго общества. Семейство Бетанкура, состоящее изъ жены его и трехъ дочерей, также два Гишпанца, принадлежащихъ къ посольству, провожали его до Шлисельбурга. Семейство Берда находилось на пароходѣ, чтобы хозяйничать и угощать путешествующихъ. Съ нами отправлялись до Нижняго: единственный сынъ Бетанкура, Альфонсъ, пятнадцатилѣтній бѣленькій мальчикъ, недавно прибывшій изъ Англи, гдѣ по волѣ отца онъ воспитывался; при немъ наставникъ, Нѣмецъ Рейфъ; старый адъютантъ Бетанкура, Маничаровъ, недавно оставившій должность эконома въ Институтѣ; молодой адъютантъ Варенцовъ и, наконецъ, секретарь Рандъ. Сверхъ того сопутствовалъ намъ до вѣреннаго ему округа инженеръ-генераль-майоръ Александръ Александровичъ Саблуковъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ лицъ я буду имѣть случай говорить во время нашего путешествія.

Этотъ первый день странствованія нашего походилъ на веселый праздникъ. Погода была прекрасная, виды по Невѣ были пріятныя и занимательныя, берега ея усѣяны дачами, фабриками и деревнями, изъ коихъ жители высыпали толпами, чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ, большимъ дымящимся судномъ, быстро поднимающимся по рѣкѣ безъ парусовъ и веселъ. Цѣлый день пили и ѣли, всѣ были разговорчивы, всѣ смѣялись, даже скромныя дѣвицы Бетанкуръ. Вѣроятно вслѣдствіе многократныхъ тостовъ, во время поздняго обѣда возносившихъ, почувствовалъ я сильную дремоту; она одолѣла меня, я спустился въ каюту, заснулъ и проснулся когда уже солнце готово было садиться. Меня всѣ одобряли и поздравляли, ибо во время сна моего, по неопытности рулевого, въ первый разъ тутъ проѣзжающаго, судно сѣло на мель, и болѣе двухъ часовъ бились, чтобы тронуть его съ

мѣста. Хорошо еслибъ и всегда можно было просыпать такъ горе и узнавать о немъ, когда оно миновалось! Отъ этой остановки опоздали мы и пріѣхали въ Шлиссельбургъ, когда уже совсѣмъ смерклося.

У начальствовавшаго тутъ по инженерной части полковника, Ивана Дмитріевича Попова, въ казенномъ обширномъ деревянномъ домѣ, приготовленъ былъ обильный обѣдъ или ужинъ трудно сказать и нельзя назвать того до чего никто не коснулся. Всѣ были чрезъ мѣру сыты, всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось спать. И по этой части добрый хозяинъ позаботился; во всѣхъ комнатахъ стояло по двѣ и по три кровати, но и это кромѣ меня никого не прельстило. Не болѣе получаса пробыло тутъ общество наше: Бетанкуръ съ семействомъ и съ гостями отправился на богатую, частную, ситцевую фабрику (имя владѣльца ея ускользнуло у меня изъ памяти), гдѣ ожидало ихъ гораздо удобнѣйшее помѣщеніе; вся свита пошла обратно къ Берду на пароходъ, и остался я одинъ. Въ уединеніи сонъ мнѣ всегда казался слаще; къ тому же мнѣ хотѣлось, чтобы не совсѣмъ пропали труды почтеннаго старика Попова, котораго видъ казался мнѣ смущеннымъ и недовольнымъ. Онъ отвелъ мнѣ постель, приготовленную для самой Бетанкурши.

Едва успѣлъ я, на слѣдующее утро разстаться съ мягкимъ ложемъ своимъ, какъ домъ, въ которомъ ночеваль, сдѣлался опять сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ спутниковъ. Подъ предводительствомъ нашего начальника всѣ мы отправились на берегъ Ладожскаго озера, куда перебрался Бердовъ пароходъ. Чтобъ утѣшить бѣднаго Попова, дано ему обѣщаніе воротиться къ нему завтракать. Цѣлою компаніей подѣхали мы къ крѣпости, гдѣ ожидалъ съ рапортомъ комендантъ, котораго пригласили прокатиться съ нами по Ладожскому озеру. Это былъ генераль-маіоръ Григорій Васильевичъ Плуталовъ, почти осмидесятилѣтній старецъ, маленькій, сухенькой, но еще дюжій и бодрый. Выходецъ изъ старой Екатерининской арміи, сохранившійся обращенъ ея, онъ пользовался привилегіей, прищучивая съ высшими, говорить имъ истину. Ее безъ гнѣва выслушивалъ отъ него даже самъ Павелъ I. Была однако же минута, въ которую отъ него грозила ему погибель, когда онъ рѣшительно отказался быть суровымъ съ насылаемыми къ нему во множествѣ всякаго званія арестантами. «Государь», сказалъ онъ, «дѣлайте изъ меня чтò вамъ угодно; только я стражъ ихъ, а не палачъ». Изумленный, тронутый такою челоуѣколюбивою смѣлостью, раздраженный Павелъ бросился обнимать его.

Веселый этотъ старикъ, вступивъ на пароходъ, не подалъ Бетанкуру рапорта, а объявилъ, что онъ почитаетъ себя покинутымъ и насъ подозрѣваетъ въ зломъ умыслѣ овладѣть крѣпостью, когда мы

похитили ея начальника. Потомъ попросилъ о дозволеніи поздоровываться съ находящимися тутъ дамами, Гишпанками, Англичанками и другими, и еще не получивъ его и не давъ имъ опомниться, пошелъ ихъ всѣхъ обнимать и цѣловать въ уста. Я спѣшилъ увѣрить ихъ, будто, по нашему прежнему обычаю, это неотъемлемое право глубокой старости, и отъ удивленія и досады онѣ перешли къ смѣху. Этотъ человѣкъ мало заботился о томъ что скажутъ о немъ Европа и Европейцы. Потомъ около часу покатались мы по бурнымъ волнамъ Ладожскаго озера, въ первый разъ разсѣкаемымъ судномъ новаго изобрѣтенія. Приставъ къ крѣпости, которая, какъ извѣстно находится на острову, вышли мы на берегъ, и тутъ только Плуталовъ, вынувъ рапортъ, почтительно подалъ его старшему генералу. Не знаю былъ ли онъ холостъ или вдовъ; только женскаго пола въ его квартирѣ мы не видѣли, а на накрытомъ столѣ нашли завтракъ или скорѣе закуску, отъ которой мало вкусили, ибо берегли себя для Попова. Ускользнувъ отъ закуски, въ сопровожденіи какого-то офицера, бау или плацъ-адъютанта, я обошелъ крѣпостной валъ. Увидя себя столь честимымъ, изъявилъ я желаніе посмотрѣть тѣсное жилище императора Іоанна VI или лучше сказать несчастнаго Ивана Антоновича; мой офицеръ, немного замаявшись, отвѣчалъ мнѣ, что оно совсѣмъ передѣлано и обращено въ казарму; изъ этого заключилъ я, что не дозволяется никому его показывать.

Усерднымъ аппетитомъ оказавъ должное уваженіе сытному обѣду добраго Ивана Дмитріевича и потѣшивъ тѣмъ Русское хлѣбосольство его, начали мы собираться въ дальнѣйшій путь. Прощаніе Бетанкура съ женою и дочерьми было нѣжно, даже трогательно. Онѣ съ гостями послѣдили обратно на пароходъ, а мы на щеголевато и довольно богато отдѣланное судно для покойной великой княгини Екатерины Павловны, подъ названіемъ трешкоута. На Ладожскомъ каналѣ, по которому мы плыли, всѣ суда по лѣвой сторонѣ выстроены были въ одинъ рядъ, дабы дать свободный проѣздъ царю каналововъ. На суднѣ нашемъ подъ палубой была одна только длинная и широкая каюта, вокругъ которой находились диваны не весьма покойные. Я расчелъ, что не раздвываясь, въ повалку, спать на нихъ будетъ мнѣ весьма неудобно и даже невозможно, и для того, когда, сдѣлавъ версть тридцать, въ сумерки остановились мы у станціи Шалдихи, гдѣ нашли свои экипажи, доложилъ я Бетанкуру, что буду дожидаться его прибытія и приказаній въ Новой Ладогѣ, и распростился съ честною кампаніей. Я хорошо сдѣлалъ: около двухъ недѣль стояла сухая погода, и дороги были въ хорошемъ состояніи. Майская ночь коротка на Сѣверѣ, и въ пріятныхъ размышленіяхъ на свѣжемъ воздухѣ я не видѣлъ, какъ она

и я —мы пролетѣли. Когда я остановился, болѣе для дневки чѣмъ для ночлега, чуть-чуть сталъ показываться свѣтъ. Его было не нужно: второстепенный уѣздный городъ, въ который я пріѣхалъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ равныхъ ему, и смотрѣть было не на что. Въ квартирѣ, приготовленной для Бетанкура, объявилъ я, чтобъ его не ожидали, а самъ легъ въ его постель.

До полудни преспокойно проспалъ я; обѣдъ былъ готовъ, и я совсѣмъ одѣтъ, когда Бетанкуръ со свитой прибылъ въ Новую Ладугу, гдѣ я встрѣтилъ его. Послѣ обѣда занялся онъ немного дѣломъ, а потомъ очень весело опять пустился водой вверхъ по рѣчкамъ Сяси и Тихвинкѣ. Я же опять предпочелъ ѣхать сухимъ путемъ, и слѣдующія ночь и утро повторилось для меня то, что было наканунѣ. Проснувшись поздно, я пошелъ смотрѣть на городъ Тихвинъ, не весьма замѣчательный, и зашелъ въ монастырь Тихвинскія Богоматери помолиться ея чудотворной иконѣ. Мнѣ показали и ризницу, довольно богатую, коей главнымъ украшеніемъ служить золотая лампада съ бриллиантовою подвѣской, оцѣненные въ шестьдесятъ тысячъ рублей и принесенныя въ даръ графомъ Шереметевымъ. Я спѣшилъ домой, чтобъ успѣть встрѣтить своего старика-генерала, но тщетно прождалъ его второй и третій часы пополудни, по тогдашнему, все еще законные обѣденные часы. Безпокойство, нетерпѣніе и аппетитъ доходили во мнѣ до крайности, когда въ концѣ четвертаго часа увидѣлъ я трупку моихъ спутниковъ, изнеможенныхъ, изнуренныхъ, измученныхъ. Бетанкуръ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Такъ же какъ и другіе, онъ принужденъ былъ спать на соломѣ въ простой, хотя крытой, но безпокойной баркѣ. Неизвѣстно было, что онъ поѣдетъ водой, и ничего не было приготовлено. Подымаясь по рѣчкамъ, тащился онъ бичевникомъ, и лошади съ крутыхъ береговъ безпрестанно обрывались. Нетерпѣливый старикъ былъ въ бѣшенствѣ. Послѣ обѣда, его поваромъ, но по моему заказу, приготовленнаго, онъ сталъ спокойнѣе, веселѣе и объявилъ, однакоже, что останется ночевать въ Тихвинѣ.

Слѣдующій день, 19-е число, былъ уже и для меня мучительнымъ днемъ. Надлежало сдѣлать 90 верстъ до Соминской пристани. На этомъ разстояніи находится каналъ съ 38-ю шлюзами, часто отворяемыми и запираемыми, чрезъ кои баркамъ приходится иногда недѣли двѣ проходить. Мы поѣхали по дорогѣ, которая лежитъ близъ канала и которая, конечно, самая скверная въ Россіи. Она никогда не поправляется, а болота и пески, кочки и древесные корни безпрестанно встрѣчаются въ частомъ лѣсу, черезъ который надобно проѣзжать. Говорятъ, что исправить эту дорогу очень трудно и будетъ стоить очень дорого. Какъ бы ни было, съ ранняго утра до поздней ночи тащились

мы по ней до Сомины. Нерѣдко останавливались мы для того, чтобы Бетанкуру осматривать шлюзы, и обѣдали у зрителя ихъ, насъ сопровождавшаго, инженеръ-подполковника Ивана Ивановича Цвиллинга, сухаго, прямаго и молчаливаго Нѣмца.

Три судна неодинаковой величины были куплены на казенный счетъ, чтобы по теченію рѣкъ везти насъ до самаго Няннаго Новгорода, и они дожидались насъ въ Соминской пристани. Самое большое, разумѣется, назначено было для главнаго директора путей сообщенія, и онъ помѣстился въ немъ съ двумя адъютантами, съ сыномъ своимъ и его учителемъ Рейфомъ. Другое, поменьше, досталось намъ съ г. Рандомъ, и мы не имѣли причины быть имъ недовольными; въ чистенькой каютѣ, довольно просторной, были широкія лавки, на которыхъ очень хорошо умѣстились наши постели. Въ третьемъ суднѣ находились экипажи, прислуга, кухня и нѣкоторые необходимые на этомъ пути съѣстные припасы. Вешнія воды не совсѣмъ еще спали, и мы 20 числа могли безпрепятственно поплыть внизъ по рѣчкѣ Соминѣ, которая лѣтомъ не бываетъ столь глубока. Въ тотъ же вечеръ достигли мы ея устья и вѣхали въ рѣчку или скорѣе рѣку Чагодошь или Чагоду, какъ ее просто называютъ.

Хотя мы были въ весьма недалнемъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ, но могли почитать себя среди необитаемой части Сѣверной Америки. Надобно полагать, что въ этихъ мѣстахъ земля неудобна для хлѣбопашества, ибо намъ почти не попадались деревни въ густомъ лѣсу, который непрерывно тянется по обимъ берегамъ Чагоды. По низости ихъ могла бы она почитаться большимъ каналомъ, еслибы ширина ея, глубина и частые изгибы не давали ей видъ рѣки. Во всякой Европейской сторонѣ была бы она препрославлена; у насъ считается она третьекласною, и въ обществѣ рѣдко сыщется человѣкъ, довольно свѣдущій въ статистикѣ Русскаго государства, чтобы знать ея имя; а она связываетъ низовыя губерніи и Астрахань съ Петербургомъ, то-есть Каспійское море съ Балтійскимъ. Вокругъ насъ царствовала мертвая тишина, изрѣдка показывалось человѣческое лицо; зато слѣды человѣчества встрѣчались на разстояніи каждаго пяти или шести верстъ. Большіе постоянные дворы, никѣмъ не занятые, съ забытыми окнами, появленіемъ своимъ пуще наводили тоску: казалось, что вымерли всѣ жители этой страны, а она должна была недѣли черезъ три на все лѣто чудесно оживиться. Когда приплываютъ низовые караваны, то хозяева сихъ лѣтнихъ гостинницъ наѣзжаютъ въ нихъ изъ ближайшихъ деревень и получаютъ большіе барыши отъ судовщиковъ, которые, останавливаясь тутъ, запасаются съѣстнымъ, а иногда и пируютъ, бражничаютъ. Не смотря на торжественность нашего пла-

ванія, мы по части продовольственной въ первый день испытали уже недостатокъ: намъ угрожалъ голодь, и мы начали чувствовать его ужасы. Хозяйственная часть поручена была доброму Маничарову, который, съ тѣхъ поръ какъ началъ жить на своей волѣ, не зналъ что такое дома обѣдать: вѣчно въ гостяхъ, въ клубахъ или въ трактирѣ. Въ безопасности своей онъ не подумалъ о томъ, чѣмъ мы будемъ кормиться дордогой. Бетангуръ вознегодовалъ, возропталъ. Не я, а тощій желудокъ мой во всеуслышаніе заговорилъ голосомъ сильнымъ и трогательнымъ; тогда Бетангуръ попросилъ меня вступить въ это дѣло. Маничаровъ хотѣлъ было обидѣться, разсердиться, но никакъ не могъ, обрадовавшись случаю избавиться отъ заботъ по провіантской части. Я потребовалъ, чтобы, по близости первой зажиточной деревни, гдѣ-нибудь часа на два пристали мы къ берегу, и отправилъ для закупокъ комитетскаго сторожа, еще нестарого и проворнаго, котораго по просьбѣ его взялъ я съ собою для свиданія съ родными. Не болѣе какъ черезъ часъ третье судно наше обратилось въ птичій дворъ: явились живыя куры, гуси, утки, даже индѣйки, и все что нужно для ихъ прокормленія. Всѣ дивились моею расторопности; а я, со скромностію отклоняя похвалы, относилъ ихъ къ проворству рядоваго Латухина. Коль скоро изобиліе воротилось къ намъ, наше плаваніе сдѣлалось отменно пріятнымъ. Каждое утро часу въ девятомъ садились мы съ Рандомъ въ сопровождавшія насъ лодки и отправлялись пить чай къ своему начальнику. Потомъ возвращались мы домой, на свое судно, раздѣвались и принимались за чтеніе, пока обѣденный часъ не заставитъ насъ предпринять новую поѣздку. Послѣ обѣда бесѣда дѣлалась продолжительнѣе и веселѣе. Мы шли на веслахъ скорымъ ходомъ внизъ по рѣкѣ, чувствовали движеніе судна, быстрое и вмѣстѣ покойное. Но видно и пріятное утомляетъ; къ вечеру насъ тянуло на твердую землю; гдѣ попадется нѣсколько открытое мѣсто среди лѣса, мы выходили на него и на воздухѣ чайничали, пока сынъ Бетанкура, бойкій и смѣлый мальчишъ, съ учителемъ своимъ Рейфомъ, углублялся въ чащу и стрѣлялъ дичь. Когда смеркнется, мы слѣшимъ опять на воду, и ну спать.

Впрочемъ, все это продолжалось не болѣе двухъ или трехъ дней. Когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ Чагода впадаетъ въ Мологу, сопутствующій намъ отъ самаго Петербурга инженеръ-генераль-майоръ Саблуковъ, пригласилъ своего и нашего начальника посѣтить его имѣніе, верстахъ въ шести отъ берега находящееся. Названія этого помѣстья я не забылъ, потому что забылъ о немъ спросить и никогда не зналъ. О самомъ же владѣльцѣ уже два раза упоминалъ я, а въ третій не вижу возможности не войти насчетъ его въ нѣкоторыя подробности.

Отецъ его, также какъ и онъ, Александръ Александровичъ, былъ невысокаго происхожденія, кажется, изъ придворно - служительскихъ дѣтей; но трудами и умомъ, употребляя дозволенные средства, съ помощію царскихъ щедротъ, нажилъ себѣ хорошее состояніе и достигъ довольно высокаго сана. Въ Сенатѣ былъ онъ правосуднымъ и свѣдущимъ членомъ его и управлялъ Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ. Двухъ сыновей своихъ, по образцу знатныхъ людей, воспитывалъ на иностранный манеръ, однакоже, желая сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ, болѣе на Англійской. Меньшой, казалось, удался; онъ былъ довольно уменъ, свѣдущъ; но какъ со временъ Петра Великаго слѣпое, безотчетное подражаніе всему заграничному и особенно заморскому почти всегда влечетъ насъ къ раззоренію, къ мотовству или къ неудачнымъ предпріятіямъ, то и нашъ Саблукъ бредилъ все проектами, приспособленіемъ иностраннаго земледѣлія и промышленности къ нашему Русскому быту. Изъ камеръ-юнкеровъ и дипломатовъ поступилъ онъ въ инженеры и очень хорошо управлялъ вѣренною ему частью, вторымъ округомъ путей сообщенія. Только собственная хозяйственная часть шла у него плохо. Тамъ, гдѣ принималъ и угощалъ онъ насъ, былъ у него выстроенъ огромный каменный винокурный заводъ, коимъ заправлялъ Англичанинъ и который былъ наполненъ дорогими машинами, изъ Англіи выписанными. Лѣсу было вдоволь; не доставало бездѣлицы—ржи и воды. Первую за дорогую цѣну покупалъ онъ съ судовъ, послѣднюю съ большими издержками проводилъ къ себѣ, такъ что каждое ведро обходилось ему втрое дороже того, за что могъ онъ его продать. Не знаю послѣ того до какой степени онъ раззорился. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ уже знакомъ съ Бетанкуромъ, а подчиненность еще болѣе его сблизила съ нимъ. Это былъ пріятѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, и когда тутъ, на границѣ его округа, онъ разстался съ нами, мы съ бесѣдой его много потеряли.

Въ ту же ночь, съ 23-го на 24-е число, изъ Чагоды вѣхали мы въ рѣку Мологу, еще шире и глубже ея. Около половины дня начали показываться суда, слѣпшадія насытитъ всепожирающій въ Россіи Петербургъ; число ихъ потомъ все болѣе и болѣе стало увеличиваться. Недолго продолжалось плаваніе наше по Мологѣ: мимоходомъ взглянувъ на городокъ при ея устьѣ, носящій имя ея, увидѣли мы Волгу, которая, не совсѣмъ еще вступивъ въ берега, показала намъ еще болѣе величественною.

На сто Русскихъ, которые, плавая по Рейну, дѣйствительно или притворно восхищались красотами береговъ его, едва ли сыщется одинъ, который въ этомъ мѣстѣ спускался бы по Волгѣ. И если эта

прекрасная картина и произвела на него какое-нибудь приятное впечатлѣніе, онъ не сообщалъ о томъ, почитая пошлостію любоваться, такъ сказать, домашними прелестями. Мнѣ бы хотѣлось передать свои ощущенія, но я не буду умѣть и назову только тѣ предметы, коихъ встрѣча тутъ поправилась бы каждому. Ничего общаго съ поэзіей Рейнскихъ видовъ: ни навислыхъ скалъ, ни гигантскихъ развалинъ древнихъ замковъ, ни виноградникомъ усѣянныхъ скатовъ горъ, не имѣетъ наша матушка-Волга; она красуется совсѣмъ инымъ: лѣвый берегъ ея представляетъ необозримыя зеленыя равнины, тучныя пажити, засѣяныя поля; на правомъ—подымаются горообразные холмы. На нихъ и подъ ними тѣсятся селы и деревни, среди коихъ часто бѣлѣются Божіе храмы. Эти селенія такъ близки другъ отъ друга, что однимъ взглядомъ можно ихъ окинуть отъ шести до семи. Мы нерѣдко приближались къ берегу, такъ что я хорошо могъ разсмотрѣть ихъ. Избы всѣ на одинъ, но на весьма хорошій ладъ, бревенчатыя, почти всѣ въ два жила, съ разнѣнными, расписными украшеніями на окнахъ и на кровлѣ: соломенной ни одной не видать. Изъ нихъ, особливо къ вечеру, то и дѣло высыпаютъ молодыя молодушки, красныя дѣвушки, въ малиновыхъ, алыхъ, лазоревыхъ сарафанахъ, отороченныхъ золотыми галунами, иныя въ серебряныхъ фатахъ. Лица свѣжія, полныя, умножаютъ красоту однихъ, замѣняютъ ее другимъ*). Потомъ пристанутъ къ нимъ нѣсколько молодыхъ парней, съ русыми кудрями, въ синихъ суконныхъ армякахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, ловко подбоченясь и въ шляпѣ на-бекрень. Тотчасъ узнаешь простолюдина-фата по его добродушному ухарству. На встрѣчу намъ тянулась безпрерывная цѣпь низоваго каравана, составленная изъ судовъ разной величины и подъ разными названіями: расшивокъ, тихвинокъ, баркасовъ и другихъ. Всѣ они противъ теченія рѣки шли на всѣхъ парусахъ, чтѣ и давало имъ видъ безконечной стаи; особенно же тѣ, кои можно было завидѣть въ самомъ отдаленіи, казались окрыленными и летучими. Весьма замѣчательными напелъ я работниковъ-бурлаковъ на нихъ употребляемыхъ, какъ будто изъ однихъ мускуловъ составленныхъ, усмиранныхъ потомковъ нѣкогда страшныхъ Волжскихъ разбойниковъ.

---

*) Разумѣется, что въ большой части Россіи между крестьянами нельзя найти такого довольства. Отцы, мужья и братья этихъ женщинъ живутъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, сидѣльцами въ лавкахъ, половыми въ трактирахъ, другіе извозчиками. Тутъ на самой проѣзжей дорогѣ харчевничаютъ они, а въ свободное время, безъ большахъ затрудненій, ловятъ и продаютъ осетровъ и стерлядей. Все народъ промышленный. Жены ихъ не опалиются лѣтнимъ зноемъ, рано не отцвѣтаютъ, не знаютъ утомительной полевой работы, одну только домашнюю: шьютъ, ткутъ, прядутъ, стригаютъ, да развѣ занимаются коровникомъ. Вотъ почему онѣ скорѣе принадлежатъ къ разряду мѣщанокъ.

Покорная дерзость и понынь на лицѣ ихъ написана. Я того и глядѣль, что они вскочать къ намъ на судно и загремѣть *сарынь на шмкку!**) Живая картина, которая была у меня передъ глазами, являла вмѣстѣ и силу, и красоту, и богатство земли Русской. Всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на это зрѣлище, я одинъ былъ въ восторгѣ. Русская жизнь выражалась тутъ такъ краснорѣчиво, отовсюду ея несло, ея обхватывало меня. Когда же по закатѣ солнца горы, рѣка и долины оглашались пѣснями хороводовъ, я, право, былъ не свой. Кто спорить о томъ, что голосъ Русскихъ крестьянокъ и дикъ, и крикливъ, и вблизи даже отвратителенъ; но издали, въ соединеніи съ мужскими голосами, въ тихую лѣтнюю ночь, на открытомъ воздухѣ, на большомъ пространствѣ, растилаясь по этой Волгѣ, надъ которою и для которой слажены были эти простые напѣвы, они производили чудную гармонію. Ея звуки затихали тогда только, когда на Востокѣ загорался свѣтъ зари. Тогда только и для меня оканчивалось очарованіе, и я отходилъ ко сну.

Отойдемъ и къ прозаической сторонѣ моего путешествія. Не оставиваясь нигдѣ, 25 числа прибыли мы рано въ богатый Рыбинскъ. Десять дней не видавъ большихъ каменныхъ домовъ, онъ мнѣ казался великолѣпнѣе. Я не буду говорить о великомъ значеніи этой извѣстной пристани въ торговомъ отношеніи, о томъ пусть справятся въ статистическомъ описаніи Россіи; но оно было очень важно, ибо на нѣсколько часовъ заставило тутъ остановиться главнаго директора путей сообщенія. Мы пристали на квартирѣ смотрителя судоходства, надворнаго совѣтника Николая Ѳедоровича Виноградова, кажется, изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Мѣсто имъ занимаемое, видно, было очень доходно; ибо мы въ жилищѣ его нашли не только изобиліе, даже роскошь. Не въ первый разъ и тутъ пришлось мнѣ одному воспользоваться угощеніемъ, приготовленнымъ для моего начальника. Тутъ находилась пѣхотная дивизія, которою начальствовалъ генералъ-адъютантъ Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ, бывшій любимецъ Александра, тогда въ немилости у него. Онъ Бетанкура со свитой пригласилъ къ себѣ обѣдать, а до того усерднѣе просилъ мимоходомъ взглянуть на ученье какого то полка. Гипшанцу въ Петербургѣ пришла страсть казаться или даже почитать себя военнымъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ смыслилъ столько же какъ и я, онъ пошелъ смотрѣть полкъ, а я остался съ пріятною перспективой—послѣ славнаго обѣда развалиться на широкое диванѣ. Къ вечеру мы опять отплыли. Я еще не спалъ, когда

*) Ужасное слово, при которомъ для спасенія жизни всѣ должны были падать ницъ, дабы захвативъ судно дать время ограбить его.

проѣхали мы мимо города, или лучше сказать, между двухъ городковъ Романово-Борисоглѣбска.

Мнѣ и утромъ что-то не спалось; я всталъ рано, одѣлся, взошелъ на палубу и завидѣлъ въ дали большой городъ; мнѣ сказали, что это Ярославъ. Когда мы довольно приблизились къ нему, чтобы разглядѣть на пристани множество народа и чиновниковъ въ мундирахъ, я поспѣшилъ къ Бетангуру. Онъ былъ еще въ постели; я велѣлъ доложить ему, что его ожидаетъ встрѣча. Хорошо я сдѣлалъ, потому что едва успѣлъ онъ принарядиться, какъ мы пристали къ берегу, на которомъ ожидалъ его самъ губернаторъ *). Пока онъ водилъ его сперва къ себѣ, а потомъ осматривать богоугодныя заведенія, пошелъ я отыскивать знакомаго мнѣ въ Петербургѣ Петра Яковлевича Писемскаго, женатаго на родной сестрѣ Блудова, а между тѣмъ спросилъ у своего начальника, гдѣ могу найти его, пристать къ его свитѣ и вмѣстѣ отправиться далѣе. Находясь среди семейства почтенно-пріятнаго, я заговорился, забылся, опоздалъ и долженъ былъ бѣжать, чтобы настигнуть своихъ. Извозчиковъ не было, или я ихъ не встрѣтилъ. На мѣстѣ мнѣ назначенномъ, въ городской больницѣ, подлѣ публичнаго сада, нѣкогда насажденнаго генераль-губернаторомъ Мельгуновымъ, я никого не нашелъ. Въ тщетныхъ поискахъ своихъ избѣгалъ я весь городъ, могу сказать, не видавъ его. Еще нѣсколько минутъ, и нетерпѣливый Бетангуръ уѣхалъ бы безъ меня: онъ спѣшилъ на обѣдъ къ любимому адъютанту своему Варенцову, который намъ сопутствовалъ и у котораго въ двадцати верстахъ отъ Ярослава, близъ Волги, на рѣчкѣ Туношнѣ, былъ собственный ножевой заводъ.

О семъ новомъ сослуживцѣ мнѣ не приходилось говорить. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ купеческимъ родамъ, которые, чрезвычайно разбогатѣвъ, такъ охотно и легко переходятъ у насъ въ дворянское состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ, поднявшись въ чинахъ, посредствомъ блестящихъ супружествъ, безпрепятственно приписываются къ знатымъ, какъ, напримѣръ, нѣкогда Демидовы, а въ настоящее время Мальцовы, Гончаровы, Устиновы. Но не всѣмъ это удается; многіе изъ нихъ, во второмъ или третьемъ поколѣніи, прогулявъ нажитое родителями, возвращаются къ ничтожеству и къ нищетѣ. Отецъ Варенцова, простой разбогатѣвшій фабрикантъ, нашелъ средство двухъ старшихъ сыновей опредѣлить въ Иностранную Коллегію, а меньшаго Петра Алексѣевича

---

*) Гаврила Герасимовичъ Политковскій, нѣкогда правитель канцеляріи министра финансовъ, графа Васильева, потомъ директоръ Медицинскаго Департамента, губернаторъ и наконецъ сенаторъ, человекъ умный, тонкій, проворный, но надобно полагать безкорыстный, ибо ничего почти не оставилъ сыновьямъ своимъ, которые за то умѣютъ наживать милліоны или нѣчто на то похожее.

въ Институтъ Путей Сообщенія. Сей послѣдній имѣлъ уже офицерскій чинъ, когда въ 1812 году, слѣдуя общему влеченію, поступилъ онъ въ армію, находился въ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько военныхъ знаковъ отличія; потомъ вышелъ въ отставку, а какъ *тогда* былъ онъ еще благоразуменъ, то не полѣзъ въ знатность, сыскалъ невѣсту, равную себѣ по состоянію, и женился на богатой дѣвицѣ Кусовниковой. Чиноплюбіе опять заманило его въ службу, и онъ предложилъ себя адъютантомъ бывшему своему инженерному начальнику; а тотъ, по вышеизъясненной мною слабости казаться военнымъ, во вниманіе къ его армейскому мундиру, крестивамъ и медалямъ, охотно принялъ его предложеніе. Этотъ Варенцовъ былъ золъ, если совершенное отсутствіе добродушія, доброжелательства, можно почитать злостію. Я не замѣтилъ, чтобы онъ кому-либо особенно старался вредить; за то всегда радовался неудачѣ, даже несчастію самаго хорошаго знакомаго. Пріятелей, разумѣется, у него не было. Со всѣмъ тѣмъ его довольно любили, ибо онъ имѣлъ привычку всѣмъ улыбаться — старшимъ подобострастно, младшимъ — коварно, чего немногіе умѣли замѣтить; одни низшіе и особенно ему подвластные всегда видѣли его нахмуренныя брови. Съ умомъ самымъ обыкновеннымъ былъ онъ угодителемъ и проворенъ, и тѣмъ еще болѣе полюбился Бетанкуру. Онъ не мѣшался ни въ чьи дѣла по управленію, а въ послѣдствіи умѣлъ себѣ создать особую часть въ видѣ инспекторской. Заводъ его находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не такъ какъ у Саблукова; не было никакихъ лишнихъ затѣй, ни иностранцевъ, а онъ собирался уже выработать бритвы. Можно себѣ вообразить, какое угощеніе было тутъ приготовлено имъ для своего начальника и его сопровождавшихъ! Пропировавъ въ Туношнѣ почти вплоть до ночи, переѣхали мы на противоположный берегъ Волги. Тутъ нетерпѣливый Бетанкуръ объявилъ намъ о намѣреніи своемъ насъ оставить, сѣлъ въ коляску, взявъ съ собою сына, Рейфа и Варенцова, и поскакалъ по большой дорогѣ.

Мы остались втроемъ съ Маничаровымъ и Рандомъ. Вотъ до чего уменьшилось сначала столь многочисленное наше общество. Повалившись спать, мы преспокойно поплыли далѣе. Кому начальствовать надъ флотиліей, не было сказано; а какъ порядокъ вездѣ нуженъ, то и увидѣлъ я себя въ необходимости при этомъ случаѣ похитить верховную власть, тѣмъ болѣе, что отъ кроткаго, безпечнаго Маничарова не могъ я ожидать никакого сопротивленія, и что Рандъ въ это время былъ ко мнѣ отменно снисходителенъ. Въ слѣдующее же утро, 27-го Мая, пришлось мнѣ на опытъ явить мое владычество. Подплывши къ Костромѣ, мои спутники хотѣли, не останавливаясь, ѣхать далѣе. Тогда я замѣтилъ имъ, что, не бывъ природными Русскими, они, конечно,

могутъ быть равнодушны къ великой знаменитости этого города въ Русской исторіи; но что я никакъ не соглашусь упустить сей единственный случай посѣтить Ипатьевскій монастырь. Въ тоже время самовольно распустилъ я гребцовъ на полтора часа отдохнуть или погулять по городу. На меня съ минуту посмострѣли съ изумленіемъ, а я, взявъ какого-то провожатаго, отправился пѣшкомъ. Не знаю по какому случаю въ монастырѣ было архіерейское служеніе, что задержало меня долѣе, чѣмъ я ожидалъ и лишило возможности увидѣть комнаты, которыя занималъ съ матерью малолѣтній Михаилъ Θεодоровичъ, когда пришли призывать его на царство. На городъ, почти вѣкъ котораго находился монастырь, едва успѣлъ я взглянуть: нетерпѣливые спутники мои съ нѣкоторою уже досадою ожидали моего возвращенія, и мы тотчасъ отправились далѣе.

Очень рано поутру на другой день, 28-го числа, причалили мы къ городу Кинешмѣ. Я лежалъ еще въ постели и довольствовался сквозъ оконце моей каюты (бывшей Бетангуровской), не вставая, поглядѣть на шумный базаръ, находившійся на низкомъ берегу надъ самую пристанью. Си послѣдніе два дня нашего странствованія были отмѣнно пріятны: Волга продолжала быть оживляема и многочисленными судами, по ней плывущими, и картиной непрерывныхъ веселыхъ селеній, по берегамъ ея расположенныхъ. Ночью проплыли мы мимо Балахны, и опять на этотъ городокъ не удалось мнѣ взглянуть. Наконецъ 29-го Мая, когда раждающійся свѣтъ едва позволялъ различать предметы, были мы пробуждены гремучею пѣснію всѣхъ гребцовъ нашихъ. Между ними есть обычай, при входѣ въ Оку или въ которую либо изъ большихъ рѣкъ въ Волгу впадающихъ, привѣтствовать ихъ громогласнымъ, веселымъ пѣніемъ. Не было возможности унять ихъ; мы принуждены были встать, одѣться и выйти на палубу. Тогда скоро на горѣ, въ тускломъ свѣтѣ, предсталъ намъ «Новгородъ Низовскія земли». Мы пристали къ деревянному, двухъэтажному, казенному дому, недавно на самомъ берегу построенному, въ которомъ жилъ Бетангуръ, и тутъ только, дабы не разбудить его, успѣлъ я заставить замолчать пѣвцовъ нашихъ.

ХІІ.

Не буду описывать въ этой главѣ ни города, въ который мы пріѣхали, ни пребыванія моего въ немъ. Не прошло трехъ недѣль какъ мнѣ пришлось сдѣлать новую поѣздку. Четыреста верстъ, отдѣляющихъ Нижній-Новгородъ отъ Пензы, могутъ почитаться въ Россіи разстояніемъ неважнымъ, даже ничтожнымъ, когда оно отдѣляетъ нѣжнаго сына отъ страстной матери, не выдавшей его пять лѣтъ. По возвращеніи изъ сей поѣздки въ Нижній, примусь за него.

Не предвидя, какой вредъ по службѣ причинять мнѣ въ послѣдствіи сіи кратковременныя разлуки съ Бетанкуромъ и свиданіе съ ней, моя бѣдная мать убѣдительно требовала меня къ себѣ. Начальникъ мой неохотно согласился на сію отлучку, однакоже далъ мнѣ своего курьера для сопровожденія меня во время пути и собственную почтовую коляску для совершенія его.

Я выѣхалъ 21-го Іюня послѣ завтрака. Сто верстъ до Арзамаса были только незнакомою мнѣ дорогой; далѣе были все мѣста не разъ въ сихъ Запискахъ упомянуты. Рано поутру 23-го прибылъ я въ Пензу, но не нашель въ ней матери моей. Мнѣ дали почтовыхъ лошадей, я отправился въ Лебедевку и встрѣтилъ ее, выходящую послѣ обѣдни изъ церкви Владимирскія Божіей Матери, которой явленіе въ этотъ день празднуется, также какъ 26 Августа. Кажется, первый разъ еще во вдовствѣ ощутила она полную радость. За недѣлю до меня пріѣхалъ братъ мой Павелъ, котораго не видѣла она семь лѣтъ; послѣ него сестра Алексѣева съ мужемъ, столько времени прожившіе за границей; потомъ два внука, сыновья его, молоденькіе офицеры, только что изъ Пажескаго Корпуса выпущенные; наконецъ, мой пріѣздъ довершилъ ея благополучіе. Для выраженія его у меня не было даже словъ; съ одного на другаго изъ насъ въ молчаніи переводила она глаза, исполненные слезъ благодарности къ Небу. На семь фамильномъ сѣздѣ не доставало только одного члена семейства нашего, малолѣтняго сына покойнаго брата Николая Филиповича, который воспитывался въ Воронежѣ, у родныхъ своихъ Тулиновыхъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я въ Симбухино поклониться могилѣ отца моего, воротился не чевать, а на другой день, 24-го, всѣ вмѣстѣ переѣхали мы въ Пензу, гдѣ по сему случаю нанята была для насъ большая, помѣстительная квартира.

Пенза изъ числа тѣхъ городовъ, которые въ спокойно-дѣятельное царствованіе Екатерины, какъ бы изъ вѣдръ земли, подобно лавѣ или нефти, воспрянули, а потомъ остыли, окаменѣли и остались въ томъ видѣ, въ которомъ застала ихъ кончина ея. Черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Пензу, увидить ее точно въ томъ же видѣ, въ которомъ я нашель ее въ началѣ 1802 года. Въ продолженіи почти полулѣтка, пять, много шесть каменныхъ зданій построено только на мѣстахъ сломанныхъ, обветшалыхъ, но величиною имъ равныхъ домовъ. А между тѣмъ городъ довольно красивъ; но, не имѣя ни обширной торговли, ни промышленности, и поддержанный единственно барскимъ житьемъ помѣщиковъ, онъ подняться не можетъ. Отчего же, не съ большимъ въ десять лѣтъ, послѣ открытія въ немъ губерніи, онъ такъ внезапно выросъ? Этотъ вопросъ также можно

сдѣлать по отношенію къ самой Москвѣ. Исключая великаго множества старинныхъ церквей, какими великолѣпными зданіями украсилась древняя столица даже во дни Елисаветы? И умножилось ли число ихъ въ царствованіе Павла и Александра? Все, все, принадлежитъ въ ней къ вѣку Екатерины, который безъ преувеличенія былъ для Россіи вѣкомъ Перикла и Августа. Какимъ творческимъ могуществомъ была одарена эта женщина! Какъ бы отъ одного дыханія ея возникало у насъ все громадное, и это безъ разоренія народа, безъ отягощенія казны!

Въ составѣ общества, послѣ пяти лѣтъ, также не нашелъ я никакихъ переменъ. Въ нашихъ отдаленныхъ губерніяхъ дворянскія поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но названія ихъ остаются почти все прежнія. Правда, инныя изъ нихъ проматываются, бѣдѣютъ отъ наслѣдственныхъ раздѣловъ; зато другія, часто ихъ сыновья или внуки, посредствомъ женитьбы, откупа или какимъ-либо другимъ дозволеннымъ или не дозволеннымъ средствомъ опять наживаются. Такимъ образомъ имѣнія, переходя изъ рукъ въ руки, отъ одной фамиліи къ другой, все-таки по большей части остаются собственностію одной касты, священной временемъ, составленной изъ людей, носящихъ давно извѣстное имя. Они смотрятъ довольно спѣсиво на чиновниковъ, насылаемыхъ къ нимъ изъ столицъ; передъ одними откупщиками, изъ какаго бы состоянія тѣ ни были, готовы они преклонять вью.

Главное вліяніе на общество въ губернскихъ городахъ имѣли нѣкогда губернаторы. Мы видѣли, какъ легкомысленный Голицынъ заставлялъ Пензу наряжаться и плясать, даже во время ужасовъ Отечественной войны; болѣе для ея пользы онъ сдѣлать не умѣлъ. На его мѣсто пріѣхалъ Сперанскій, ненавистный всему Русскому дворянству. Онъ ударился съ собою объ закладъ, что заставитъ его обожать себя, и закладъ выигралъ. Этотъ цвѣтъ бюрократіи былъ въ Александровской лентѣ, слѣдственно вельможа по прежнимъ понятіямъ; недавно управлялъ онъ государствомъ. Къ такому челоуку невольное чувствуется уваженіе; оно ограждало его отъ скучныхъ, безпрестанныхъ посѣщеній людей, ему вовсе не равныхъ по уму и знанію, хотя двери его были всегда на отперти, хотя всѣмъ былъ онъ доступенъ. Такъ инныя государи не имѣютъ нужды въ стражѣ, хранимы будучи народною любовію. Дѣйствительно, онъ казался Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Можетъ-быть, къ счастью, немногимъ дано понимать превосходство передъ собою необыкновенныхъ людей, постигать ихъ высоту; число ихъ завистниковъ и враговъ безъ того было бы слишкомъ велико. Одни звѣздочеты могутъ измѣрять небеса и съ точностію опредѣлять разстояніе солнца отъ земли, или, по крайней мѣрѣ, люди имѣющіе нѣкоторое понятіе объ астрономіи. Кому въ Пензѣ было оцѣнить

великія свойства Сперанскаго и всѣ его недостатки? Закатившееся туда солнце, сверхъ того, подернуто всегда было облакомъ задумчивости и тѣмъ еще болѣе скрывало свой блескъ. Его тихій, привѣтливый голосъ и печальный взглядъ до того обезоружили жителей, что они прощали ему явное невниманіе его къ ихъ дѣламъ. Онъ брезгалъ своею должностію, когда бы ему слѣдовало поднять ее до себя; мнѣ кажется, такъ было бы лучше. Подобно Наноллеону, не могъ онъ съ своею Эльбы мигомъ шагнуть въ Петербургъ: ему нужно было пять лѣтъ, и то черезъ Сибирь, куда въ началѣ этого 1819 года назначень былъ онъ генераль-губернаторомъ, чтобы воротиться въ него, только уже не на прежнее могущество.

На его мѣсто назначень былъ также опальный другъ его, Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій, который и прибылъ въ Пензу мѣсяца за полтора до пріѣзда моего въ нее. Онъ никогда такъ высоко не поднимался, какъ Сперанскій, былъ неодинаковаго съ нимъ характера; только участь ихъ во многомъ имѣла сходство. Отецъ его (протоіерей Петръ, говорили) принадлежалъ къ Малороссійскому дворянству. Я повторю вопросъ: до Екатерины существовало ли Малороссійское дворянство? Были богатые и небогатые владѣльцы, чиновные и нечиновные, и наконецъ, простые казаки. Родственникъ его (да полно не родной ли дядя?) Захаръ Яковлевичъ Каргѣевъ, весьма умный человекъ, въ послѣдствіи сенаторъ, открылъ ему дорогу по службѣ. Будучи въ тѣсной связи съ Мартинистами, онъ поручилъ его милостямъ фельдмаршала Репнина, великаго ихъ покровителя. Послѣдній записалъ его сперва въ Измайловскій полкъ, а потомъ взялъ къ себѣ адъютантомъ. Сначала, при Павлѣ, князь Репнинъ былъ честимъ, но вскорѣ потомъ, какъ и всѣ другіе, попалъ къ нему въ немилость и принужденъ былъ оставить службу со всѣми своими адъютантами. Онъ сохранилъ однакоже довольно кредиту, чтобы внуку своему (что тогда было весьма трудно) выпросить дозволеніе ѣхать за границу; съ нимъ и Лубяновскій путешествовалъ по Германіи и Итали. Дабы сколько-нибудь умножить благосостояніе свое, онъ съ пользою для себя употребилъ свободное время, сталъ переводить довольно изряднымъ Русскимъ языкомъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ мечтателей, Юнга-Штиллинга, Сведенборга и, между прочимъ, *Тоску по отчизнѣ*. По возвращеніи, молодой Репнинъ женился на Разумовской, двоюродной сестрѣ графини Кочубей, жены министра. По всѣмъ симъ Украинскимъ связямъ, Лубяновскій, въ чинѣ коллежскаго ассессора, попалъ къ послѣднему въ секретари. Должность эта была важная, ибо министры тогда не имѣли не только директоровъ, но даже и правителей канцеляріи. Тогда Лубяновскій позналъ истинное призваніе свое: онъ не рожденъ былъ ни богословомъ, ни

сектаторомъ, ни литераторомъ, а весьма искуснымъ администраторомъ и судьей. Безъ службы самыя прежнія произведенія его остались бы неизвѣстны; но какъ всѣ губернаторы имѣли до него дѣло, то всякой изъ нихъ радъ былъ угодить ему покупкою за дорогую цѣну сотни экземпляровъ совсѣмъ не распроданныхъ его твореній. Сіе было слабымъ началомъ сдѣланной имъ огромной фортуны, по примѣру начальника его Кочубея.

Онъ такъ быстро поднялся и такъ много прославился, что уже въ 1809 году самъ Государь избралъ его руководителемъ молодаго принца Ольденбургскаго по правительственной части. Онъ пожалованъ статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ директоромъ департамента путей сообщенія. Въ Твери съ Болотниковымъ раздѣлили они между собою власть. Одинъ забралъ къ себѣ въ руки часть придворную, другой началъ почитать себя главнымъ директоромъ путей сообщенія и генераль-губернаторомъ трехъ губерній, забывая, что принцъ только второстепенное тутъ лицо и не угадавъ, что высокоумная Великая Княгиня долго не потерпитъ самоуправной власти двухъ наставниковъ. Болотникова скоро умѣла она спроводить, умою же Лубяновскаго уважала и нѣсколько времени выносила его. Но умъ имѣеть разныя свойства, и въ числѣ ихъ есть тагъ, врожденное чувство приличія, которое иногда приобрѣтается и навыкомъ; а этотъ человекъ былъ его вовсе лишень. Съ каждымъ днемъ становясь болѣе дерзкимъ, болѣе повелительнымъ съ свѣтлѣйшимъ начальникомъ своимъ, онъ разъ до того забылся, что самой Великой Княгинѣ сказалъ что-то такое, чего бы не могла вынести и жена частнаго человека. Вообще замѣчена, какъ между многими изъ коренныхъ жителей Москвы, такъ и, начиная съ архіереевъ, почти во всѣхъ воспитанникахъ Духовныхъ Академій и Семинарій, какая-то безпощадность къ чужому самолюбію. Екатерина Павловна не задумалась и въ тотъ же день отправила курьера къ Государю съ просьбою, чтобы Лубяновскій былъ удаленъ отъ должности, или ей самой дозволено было оставить Тверь. Во удовлетвореніе ея требованія онъ былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы, пока она жива, онъ принять въ нее быть не могъ. Она скончалась во цвѣтъ лѣтъ, и черезъ четыре мѣсяца послѣ ея кончины онъ назначенъ въ Пензу губернаторомъ.

Я нашелъ его посреди первоначальнаго любезничанья съ помѣщиками. Почитая себя тутъ болѣе осѣдлымъ чѣмъ Сперанскій, онъ замышлялъ слѣдовать совсѣмъ иной системѣ и стараться исправлять всѣ упущенія, сдѣланныя въ управленіе его и Голицына. Онъ началъ жить довольно роскошно и открыто, чему много способствовало болѣе состояніе Александры Яковлевны, дочери генераль-майора Якова

Даниловича Мерлина, на которой успѣлъ онъ жениться еще до отставки своей. Она была женщина довольно капризная, только добрая и совсѣмъ невзыскательная. Новый губернаторъ казался совершенно доволенъ, ибо могъ говорить высокопарно, обильно и протяжно, вездѣ встрѣчая молчаливыхъ и покорныхъ слушателей. Это происходило не отъ уваженія, не отъ страха, а оттого, что предметы, коихъ касался онъ, хотя довольно обыкновенные, выходили однакоже изъ круга понятій большей части тогдашнихъ дворянъ, кои преимущественно занимались сельскимъ хозяйствомъ, псовой охотой и внутренними политическими Пензенскими извѣстіями. Только дурачества, ребячества, какъ было при Голицынѣ, слѣдовъ не осталось. Вообще Пенза находилась между пріятнымъ воспоминаніемъ о Сперанскомъ и еще пріятнѣйшими ожиданіями отъ Лубяновскаго; все сулило ей блаженные дни, и если они не пришли, не знаю кого въ томъ винить.

Лубяновскій отменно ладилъ тогда съ моими и, видя во мнѣ какъ бы преемника своего преемника въ департаментъ имъ образованномъ, Серебрякова, къ ласкамъ своимъ примѣшивалъ особое уваженіе.

На все что живо напоминаетъ намъ былое, мы смотримъ съ удовольствіемъ: я нашелъ ту же ярманку, которую зналъ лѣтъ около двадцати, тотъ же воксалъ въ Горихвостовомъ саду, тѣже изъ лубковъ сколоченныя грязныя лавки на нижнемъ базарѣ, встрѣтилъ нѣсколько добрыхъ, давно знакомыхъ мнѣ людей, ихъ посѣтилъ (а не могилы ихъ, какъ лѣтъ двадцать спустя пришлось мнѣ сіе сдѣлать). Наружный видъ добраго согласія и спокойствія, который царствовалъ въ это время, и атмосфера упитанная радостію, которою дышалъ я посреди многочисленнаго тогда семейства моего, дѣлали пребываніе мое въ Пензѣ столь необычайно пріятнымъ, что мнѣ желательно было продлить его по крайней мѣрѣ еще на мѣсяць. Но я опасался огорчить и разсердить начальника моего и долженъ былъ 5 Іюля оставить сей городъ, получивъ отъ родительницы моей обѣщаніе пріѣхать дней черезъ десять со всѣмъ семействомъ навѣстить меня и посмотретьъ на Нижегородскую ярманку.

ХІІІ.

По возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, я нашелъ Бетанкура не слишкомъ опечаленнымъ моимъ отсутствіемъ. При отъѣздѣ сдалъ я дѣла свои Ранду. Они не имѣли великой важности, ибо касались единственно ярманочнаго строенія, также и раздачи лавокъ во временномъ деревянномъ гостинномъ дворѣ, которая, не знаю почему, отдана была въ наше распоряженіе. Все, что представляетъ какой-нибудь косвенный барышъ, всегда возбуждаетъ живѣйшее участіе въ людяхъ,

которые любятъ наживаться. Будучи мастеромъ докладывать, Рандъ замѣтилъ сверхъ того, что если главное управленіе путей сообщенія почиталъ тогда Бетанкуръ великою для себя тягостью, за то ярманка была любимою его забавой, его игрушкой, посредствомъ которой онъ можетъ болѣе вкрасться въ его довѣренность. Онъ даже всепокорнѣйше предлагалъ мнѣ не столь усердно заниматься такою пустою частью, а болѣе употреблять его на то. Я однакоже отказался отъ его сотрудничества, ибо безъ того что бы оставалось мнѣ дѣлать?

Прямо противъ казеннаго дома, подъ горой, въ которомъ мы всё вмѣстѣ жили, наведенъ былъ длинный мостъ черезъ Оку, по которому ѣздили на ярманку. Правая сторона плоскаго мѣста, къ которому велъ онъ, занята была временными деревянными лавками и балаганами; на лѣвой кипѣли тысячи работающаго народа, и быстро подымалась огромная насыпь, недоступная волнамъ двухъ великихъ рѣкъ во время ихъ разлива. Важность этой операціи доказывается великимъ числомъ инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Нижній по сему дѣлу нагнанныхъ.

Подполковникъ, баронъ Андрей Карловичъ Боде, не занимался производствомъ работъ: ему поручена была другая вѣтвь общественныхъ доходовъ, постройка, починка деревянныхъ лавокъ и размѣщеніе въ нихъ торговцевъ; тутъ, кажется, онъ на руку охулки не положилъ. Онъ былъ Нѣмецъ тихій, обходительный, изворотливый, какъ въ обществѣ, такъ и въ дѣлахъ старающійся остаться незамѣтнымъ, не позволяющій себѣ входить ни въ какія сужденія, ибо всё помышленія его направлены были къ собственнымъ выгодамъ *). Сестра его, нѣкогда красавица, была въ замужествѣ за Гишпанскимъ консуломъ Колдмби, и великая пріятельница съ семействомъ Бетанкура, отчего и онъ сблизился съ главою этого семейства и изъ артилеріи перешелъ недавно въ вѣдомство путей сообщенія. Боде былъ женатъ на дочери уже умершаго лейбъ-медика барона Моренгейма и сестрѣ извѣстнаго дипломата сего имени, долго употребленнаго въ Варшавѣ. Теща и свояченица-дѣва жили съ нимъ тутъ вмѣстѣ, и домъ его, съ утра до до вечера открытый всей нашей Бетанкурцинѣ, среди до-ярманочнаго безлюдья, подобно другимъ заграничнымъ клубамъ, назвалъ я ресурсомъ.

Другой подполковникъ, Гишпанецъ Бауса, слегка либераль, недовольный Фердинандомъ VII, и въ которомъ Кастиланская гордость болѣе походила на Нѣмецкую чопорность, другомъ своимъ Бетанкуромъ, года за два передъ тѣмъ, былъ выписанъ изъ Парижа. Онъ на-

*) Меньшой братъ его, баронъ Левъ Карловичъ, нынѣ въ числѣ Московскихъ вельможъ.

чальствовали надъ другими инженерами, завѣдывалъ всѣми работами, и, сколько я могъ понимать, дѣло свое смыслилъ.

Того нельзя было сказать о двухъ другихъ Гишпанцахъ, Виадѣ и Эспехѣ, также недовольныхъ какъ Бауса, и во время заграничной поѣздки моей, подъ его покровительство изъ Парижа прибывшихъ въ Петербургъ. Я удивился наряду ихъ, когда увидѣлъ его. Онъ состоялъ изъ весьма поношенныхъ фраба, гороховаго или кирпичнаго цвѣта, стараго покроя, и голубыхъ панталонъ съ ботфортами. Почти вслѣдъ за ними прѣѣхавъ изъ города, въ которомъ за дешевую цѣну можно было довольно щеголевато нарядиться, я долженъ былъ заключить, что они въ немъ претерпѣвали крайнюю нищету. Вѣроятно многіе изъ нихъ находились въ одинаковомъ съ ними положеніи, оставивъ отечество. Оно же въ это время уже лишилось и Мексики, и Перу, и для сыновъ его Россія, Бетанкуромъ вновь открытая страна, могла нѣкоторымъ образомъ замѣнить ихъ. Мнѣ казалось, что инженерную науку едвали они болѣе меня знаютъ; все равно: какъ великихъ искусниковъ безъ экзамена ихъ приняли въ службу, перваго капитаномъ, послѣдняго поручикомъ, и отправили въ Нижній-Новгородъ.

Они были ребята добрые, смиренные, безъ претензій; Виадѣ, маленькій, толстенный, съ небольшимъ ястребинымъ, а Эспехѣ, маленький, худенький, съ большимъ орлинымъ носомъ. Оба они напоминали собой героевъ Сервантеса, одинъ Санхо-Пансу, другой Донъ-Кихота. Черезъ три мѣсяца тутъ напелъ я ихъ не только переряженными, даже перерожденными. Оливковый цвѣтъ лица ихъ какъ будто выяснился, они смотрѣли весело, въ мундирахъ всегда съ иголки были одѣты, имѣли лихихъ лошадей и славныя дрожки, часто давали у себя завтраки и находили, что Нижній—Эльдорадо *).

Тутъ находился еще молодой поручикъ Петръ Даниловичъ Готманъ, меньшой братъ члена строительнаго комитета и служащаго въ немъ подъ начальствомъ моимъ чиновника. Про него точно можно было сказать, что водой не замутить: тише чловѣка я не знавалъ. Въ разнообразіи своемъ природа создаетъ людей, наружностью и характеромъ болѣе или менѣе схожихъ на всякаго рода животныхъ; между ними встрѣчаются и горлицы, и тигры. Въ Готманѣ еще болѣе видна была прихоть природы; она образецъ нашла ему между растеніями, она сотворила его плющемъ. Всякій прямой начальникъ дѣлался для него

---

*) Подобно росту своему, Виадѣ впоследствии высоко подняться не могъ; а Эспехѣ имѣлъ счастье понравиться старшей дочери Бетанкура, Каролинѣ. Въ аристократической гордости года полтора родители не соглашались выдать ее за него, видя въ немъ Гишпанскаго шляхтича, гидальго. Но гдѣ же было взять гранда? Бракъ состоялся, и это много послужило къ его повышенію.

необходимымъ деревомъ. Онъ совершенно прилѣпился, привился къ Баусъ: когда смерть повалила сей небольшой Гишпанскій кедръ, не знаю около какого Русскаго дуба обвился онъ?

Между сими иностранцами можно было, наконецъ, найдти и одного Русскаго. И кого же еще? Я люблю употреблять старинныя наши поговорки, по мнѣнію моему, чрезвычайно выразительныя, и потому двадцатипятилѣтняго капитана Алексѣя Ивановича Рокасовскаго назову въ семь случаевъ отметнымъ сободемъ. Одна необычная его скромность и ослѣпленное самолюбіе его товарищей могли не дать имъ почувствовать великаго превосходства его передъ ними. Отецъ его, отставной Екатерининскій полковникъ, старался дать ему съ братомъ Платономъ самое лучшее образованіе и совершенно въ томъ успѣлъ. Станъ былъ у него самый стройный, лицо, безъ настоящей красоты, самое миловидное, всѣ движенія благородныя, а внутреннія достоинства его превосходили еще сіи наружныя преимущества. Познанія свои выказывалъ онъ въ дѣлахъ, а не на словахъ, былъ дѣятеленъ безъ суетливости и остороженъ, благоразуменъ безъ малѣйшей хитрости. Оттого-то былъ онъ терпимъ всѣми иностранцами и любимъ всѣми Русскими. Судьба будетъ весьма несправедлива, думалъ я, если когда-нибудь этого юношу не поставитъ на высокую степень: спасибо ей, она исполнила мои желанія.

Мнѣ нужно было напередъ представить общество людей, съ которыми почти каждый день я вмѣстѣ долженъ былъ обѣдать, и которыхъ по нѣскольку разъ въ день я видѣлъ.

Съ городскими жителями мы имѣли мало сношеній, исключая одного, именно гражданскаго губернатора, Александра Семеновича Крюкова. Онъ былъ при Екатеринѣ офицеромъ конной гвардіи. Тогда была также, какъ и нынѣ, не весьма похвальная мода раззоряться на содержаніе преимущественно какой-нибудь иностранки или актрисы. Часто эти женщины, по приобрѣтеніи большой части имѣнія своихъ содержателей, съ этимъ приданымъ за нихъ же выходили замужъ. Я не думаю, чтобы скромная, прекрасная и бѣдная Англичанка, къ которой привязался Крюковъ, была въ числѣ ихъ; только сожитіе ихъ предшествовало ихъ супружеству. Госпожа Бетанкуръ, также Англичанка, въ 1818 году посѣтивъ Нижній, познакомилась и сблизилась съ сею единоземкою, женой вице-губернатора. А какъ въ этомъ же году вышли большія непріятности у губернатора Быховца съ ея мужемъ, то вслѣдствіе ихъ первый былъ отставленъ и, по ходатайству послѣдняго, Крюковъ назначенъ былъ губернаторомъ. Устрашенный примѣромъ своего предшественника и обязанный новою должностію своею Бетанкуру, г. Крюковъ, и безъ того слишкомъ мягко нравный, совсѣмъ отдалъ себя ему

въ кабалу. Онъ казался чиновникомъ, принадлежащимъ къ его свитѣ, и со всѣми нами, особенно со мною, былъ не только ласковъ, даже угодливъ. А меня это возмущало: я видѣлъ въ этомъ совершенный упадокъ губернаторскаго званія, которое, вспоминая отца моего, такъ высоко я цѣнилъ.

Мы часто его посѣщали: домъ его вмѣстѣ съ нашимъ и съ домомъ барона Боде составлялъ какъ бы одинъ. За неимѣніемъ казеннаго губернаторскаго дома жилъ онъ въ собственномъ весьма изрядномъ, пестро и довольно изукрашенномъ. Лучшимъ украшеніемъ онаго служила единственная дочь его, очень молодая, но уже замужняя, княгиня Надежда Александровна Черкасская. Она еще болѣе походила на Англичанку чѣмъ мать. Пусть заглянуть въ лучшій Англійскій кипсекъ и выберутъ прелестнѣйшее изъ женскихъ лицъ: съ нимъ только можно сравнить красоту ея въ восемнадцать лѣтъ. Старость или безобразіе мужа красивой жены всегда у людей влюбчивыхъ рождаютъ надежды, умножаютъ желанія. Князь Черкасской хотя былъ молодъ, богатъ, но при весьма подлой наружности былъ самая бессловесная тварь. Вотъ отчего, начиная отъ шестидесяти-пяти-лѣтняго Бетанкура до четырнадцати-лѣтняго сына его Альфонса, мы всѣ были влюблены въ его княгиню. Она же смотрѣла такъ невинно и благосклонно вмѣстѣ, что не любить ея было столь же невозможно, какъ ревновать или подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Я не понимаю, какъ отецъ ея не попользовался симъ нѣжнымъ расположеніемъ нашего старика, чтобы держать его въ своей зависимости. Напротивъ, сей послѣдній необычайную его снисходительность, по мнѣнію моему, часто слишкомъ употреблялъ во зло.

Еще былъ одинъ человекъ, который припелся къ нашему обществу: это былъ полиціймейстеръ Владимиръ Савичъ . . . въ. Будучи офицеромъ гвардіи въ Преображенскомъ полку, находился онъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ этотъ ужасный день онъ такъ много набрался страху, что, по возвращеніи изъ похода, поспѣшилъ оставить военную службу. Не знаю, замѣчено ли это было, заставили ли его выйти; только послѣ того долго и по гражданской части опредѣлить его не хотѣли. Ему удалось по выборамъ попасть въ исправники—должность, которою отставные гвардіи офицеры брезгали; но что ему было до чести, лишь была бы нажива? Зная дѣятельность его, Крюковъ черезъ Бетанкура выпросилъ ему должность, на которой я его нацѣль. Человекъ былъ замѣчательный! Невозможно, чтобы подлость могла идти далѣе, чѣмъ у него: онъ даже не бралъ никакого труда ее скрывать; нужнымъ людямъ дѣлаться нужнымъ, вотъ было его правило. Какъ искусно умѣлъ онъ навязывать всякаго рода услуги тѣмъ, въ коихъ иссалъ! Какъ былъ онъ согбенъ передъ вышними! Какъ лицо

его безъ словъ всегда говорило имъ: что прикажете? Какъ дерзко и нестерпимъ съ тѣми, кои въ немъ имѣли нужду! Какъ ненавидимъ дворянами и жителями! Увѣряютъ, что послѣ того, по прїѣздѣ въ Нижній всякаго сильнаго при дворѣ человѣка, что-нибудь загоралось въ этомъ городѣ и напередъ приготовленными къ тому средствами тотчасъ потухало; а онъ, вымаранный сажей, какъ бы изъ огня, спѣшилъ явиться къ вельможѣ, чтобы его успокоить. Гадко о немъ вспомнить. Такіе люди вездѣ есть; жаль, что у насъ только имѣютъ они продолжительные успѣхи *).

Среди сего малаго круга жилъ я до половины Іюля. Городъ былъ весьма немногочуденъ; въ немъ оставались одни только должностныя лица; помѣщики же всѣ разъѣхались по деревнямъ и вмѣстѣ съ толпами иногородныхъ къ началу ярманки должны были только прїѣхать; слѣдственно мнѣ никакого почти не было случая съ ними познакомиться. Съ барабаннымъ боемъ, 15-го Іюля, ярманка была открыта; но никого почти еще не было, и купцы только-что начинали раскладывать свои товары. Прежде, бывало, оканчивалась она 25-го числа, въ день Св. Макарія, а съ перенесеніемъ ея въ Нижній-Новгородъ, каждый годъ опаздываютъ съ ея открытіемъ, такъ что 25-го Іюля едва начинается она, а торгъ продолжается весь Августъ.

Родные мои сдержали слово. Покойная мать съ братомъ моимъ, съ двумя сестрами и съ зятемъ Ильей Ивановичемъ Алексѣевымъ, прїѣхали въ Нижній-Новгородъ 17-го числа, наканунѣ дня рожденія его и за три дня до его именинъ, отпраздновать ихъ со мною и нѣсколько дней потомъ погостить у меня. Я нанялъ имъ квартиру въ верхней части города, въ домѣ Поляка Зарембы, не знаю какъ тутъ поселившася, и первые дни безотлучно проводилъ съ ними, такъ что не замѣтилъ, какъ ярманочная площадь вдругъ наводнилась тысячами простаго народа на нее нахлынувшего.

Сдѣлать подробное описаніе этой знаменитой ярманки считаю здѣсь ненужнымъ, да и невозможнымъ; ибо изъ бумагъ о семъ предметѣ, бывшихъ у меня въ рукахъ, не сохранилъ я ни одной. Въ изданной о томъ книгѣ г. Зубовымъ видно, что работы, производившіяся пять лѣтъ, стоили казнѣ одиннадцать милліоновъ ассигнаціями, тогда какъ, сколько я припомню, въ смѣтѣ и трехъ не показано было. Изъ этой же книги видно, что каменный гостинный дворъ заключаетъ

---

*) Послѣ того въ двухъ губерніяхъ былъ онъ вице-губернаторомъ, когда водочная продажа не отдавалась на откупъ, а находилась въ непосредственномъ управленіи казенныхъ палатъ. За то ни одного губернаторскаго мѣста не хотѣли имъ замарать. Теперь онъ управляющимъ Главнаго Казначейства въ Петербургѣ.

въ себѣ 2520 лавокъ, но сколько получается сбора, того, къ сожалѣнію, не сказано; а желательно бы знать, выручаетъ ли казна хотя шесть процентовъ съ издержаннаго ею капитала? Въ мое время, если не ошибаюсь, съ деревянныхъ лавокъ получаемо было не съ большимъ сто тысячъ рублей ассигнаціями.

Маленькій городъ, съ маленькимъ дворцомъ, съ храмами православнымъ и иновѣрными, въ которомъ полтора мѣсяца кишить до двухъ сотъ тысячъ пріѣзжихъ и пришедшихъ, не удалось мнѣ видѣть, а только возвышеніе грунта для его построения. Что же касается до временной ярманки, я находилъ, что, въ самомъ большемъ размѣрѣ, она походитъ на Пензенскую. Также изъ досокъ сколоченные ряды, только въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи прочныя строенія, театръ, трактиры, бани. Тамъ только во всякое время дозволено было разводить огонь. Не знаю почему одинъ купецъ Колесовъ середь ярманки пользовался тою же привилегіей. У него, говорили, была молодая жена, которую онъ ко всѣмъ ревновалъ, съ которою не хотѣлъ разлучаться и для того, за большія деньги, выпросилъ себѣ право построить хотя временное, но прочное помѣщеніе. Онъ былъ царемъ Китайской у насъ торговли, черезъ его руки проходилъ весь чай, который распивается въ Россіи, и однихъ пошлинъ, говорили, платилъ онъ болѣе ста тысячъ рублей ассигнаціями. Такому человѣку снисходительность оказать можно было. Невидимая часть ярманки была самая важнѣйшая: оптовая продажа и вообще всѣ большія торговыя сдѣлки, которыя, за немнѣишемъ биржи, совершались на домахъ.

Я упомянулъ о временномъ ярманочномъ театрѣ; былъ еще въ городѣ другой, деревянный, постоянный. Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины, когда Русскіе бѣгомъ бѣжали на встрѣчу къ просвѣщенію, они воспринимали преимущественно, какъ народъ молодой, всѣ новыя забавы, которыя представлялъ имъ Западъ: оттого-то такъ много расплодилось домашнихъ оркестровъ и труппъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ обыкновенно одинъ помѣщикъ-забавникъ или, лучше сказать, забавитель публики. Въ одной Пензѣ, какъ видѣли, было ихъ нѣкогда трое. Сего мало: почти въ каждой губерніи былъ еще одинъ помѣщикъ-тиранъ, обыкновенно человѣкъ богатый, а иногда знатный и чиновный. Безотвѣтные крестьяне и дворяне не имѣли никакихъ причинъ на нихъ жаловаться: за то горе сосѣдямъ, не только мелкопомѣстнымъ, даже зажиточнымъ дворянамъ, когда они отказывались исполнять ихъ прихоти. Первыхъ они дарили, послѣднихъ часто угощали у себя грубо-роскошною трапезой. Но коль скоро произойдутъ какія-нибудь несогласія, возбудится въ нихъ досада, они не удовольствуются одними обыкновенными непріятностями: отравой полей, по-

рубкой лѣса: они посягали на ихъ личность, съ ватагой врываются въ ихъ селенія, съ тѣмъ, чтобъ иногда предавать ихъ тѣлесному наказанію. Непонятно, какъ такое жестокое самоуправіе могло быть терпимо. Для такой нравственной силы однако богатства было бы недостаточно: нужны были смѣлость и великая твердость воли. За то эти люди всѣмъ располагали на выборахъ: исправники трепетали предъ ними, и сами губернаторы старались обходиться съ ними осторожно.

Учредителемъ Нижегородскаго театра былъ меньшой братъ богатаго въ Москвѣ князя, Бориса Григорьевича Шаховскаго, бѣдный князь Николай Григорьевичъ. Оба одержимы были сильно сцениманіей, но старшій имѣлъ актеровъ для своей забавы, меньшой для прибыли. Странно видѣть человѣка, когда онъ берется совсѣмъ не за свое дѣло: этотъ Шаховской не имѣлъ никакого понятія ни о музыкѣ, ни о драматическомъ искусствѣ, а между тѣмъ ужаснымъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ. Все, что ему казалось нѣсколько неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ беспощадно выгидывалъ изъ піесъ; въ труппѣ своей вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, и когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживалъ ее. Послѣ того можно себя представить, какъ движенія ихъ были свободны и ловки. Я не имѣлъ довольно пристрастія къ Пензѣ, чтобы актеровъ ея предпочесть Нижегородскимъ, однакожъ и этимъ передъ тѣми преимущества дать не могу; вообще, трудно мнѣ рѣшить, которые изъ нихъ были хуже. Вотъ еще одна странность Шаховскаго: онъ находилъ (вѣроятно, изъ экономическихъ видовъ), что сцена производитъ гораздо болѣе эффекта, когда она одна только освѣщена, а всѣ другія части театра погружены во тьму. Оттого-то въ партерѣ можно было въ жмурки играть, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, всякой привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы. Онъ къ намъ былъ чрезвычайно милостивъ, далъ Бетанкуру даромъ ложу и поднесъ билетъ на всѣ лѣтнія представленія; только къ этой щедротѣ хотя бы огарокъ прибавилъ. И этотъ другъ Таліи и Момуса былъ молчаливый, мрачный и невзрачный старичокъ. У него была жена гораздо моложе его, отмѣнно добрая, но безъ всякаго образованія, да три подроставшихъ дочери, которыхъ послѣ, не знаю, кому онъ роздалъ.

Сверхъ того, въ самомъ городѣ была еще зала, не весьма огромная и не весьма красивая, въ которой собирались дворяне выбирать другъ друга въ должности, а зимой играть въ карты и танцевать. Я

видѣлъ ее еще до ярманки, когда дворянство Бетанкуру давало балъ. Постояннымъ старшиной этого собранія былъ тотъ же самый печальный Шаховской, слѣдственно, — источникомъ всѣхъ городскихъ увеселеній.

Я представилъ веселую, забавную (хотя не слишкомъ) сторону тогдашняго Нижегородскаго житя, а затѣмъ вотъ и ужасная. Всепопелительнымъ деспотомъ съ давнихъ поръ проживалъ въ сей губерніи сынъ одного Грузинскаго царевича, князь Егоръ Александровичъ. Я уже означилъ вкратцѣ дѣянія его, когда говорилъ о подобныхъ ему, коихъ число впрочемъ не было велико и изъ коихъ одинъ только Рязанскій Левъ Дмитріевичъ Измайловъ могъ равняться съ нимъ въ необузданности. Не знаю, первые ли шаги его ознаменованы были насиліями или онъ постепенно достигъ до власти, ни на какихъ законахъ не основанной? Царскаго происхожденія, съ полуденною кровью, съ пылкими страстями, съ крутымъ нравомъ, князь Грузинскій точно княжилъ въ богатомъ и обширномъ селеніи своемъ Лысковѣ, на берегу Волги, насупротивъ маленькаго города Макарьева. Всѣ пріѣзжіе, покупатели и торгующіе, находя въ Лысковѣ гораздо болѣе удобствъ и простора, нанимали тутъ квартиры во время ярманки, и это время для Грузинскаго было самое блистательное и прибыльное въ году, такъ что съ каждымъ годомъ, казалось, сила его умножается. Переведеніе этого огромнаго торжища въ Нижній-Новгородъ нанесло первый, но рѣшительный ударъ его могуществу. Я не нашелъ его столь страшнымъ, хотя показалось мнѣ, что глаза его выражаютъ еще утихающую бурю. Видно къ пріѣзжимъ былъ онъ милостивѣе; ибо я не могу нахвалиться его пріемомъ, когда у него обѣдалъ. Онъ былъ въ это время вдовъ: жена его урожденная Бахметева, скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, замученная столько же частыми изъявленіями его бѣшеной любви, какъ и порывами его неукротимаго гнѣва, и оставила ему сына и дочь. Сынъ, офицеръ гвардіи, умеръ еще въ молодости; а единственная, прелестная тогда дочь его, убѣгала общества и, вопреки обычаямъ другихъ красавицъ, столь же тщательно скрывала красоту свою, какъ тѣ ее любятъ показывать. Въ послѣдствіи она была замужемъ за однимъ весьма мнѣ знакомымъ графомъ Толстымъ *). Не знаю, какъ нынѣ, а

---

*) Ея набожность, ея уединенная жизнь до высочайшей степени возбуждали любопытство праздныхъ провинціаловъ; отъ того множество догадокъ, выдумокъ. Постриженіе въ монахи одного юноши, воспитаннаго въ домѣ отца ея, подало мысль о цѣломъ романѣ. Утверждали, что когда влюбленные признались князю во взаимной страсти, онъ объявилъ имъ, что бракъ ихъ дѣло невозможное, ибо молодой человекъ его побочный сынъ и на сестрѣ жениться не можетъ; тогда оба дали обѣтъ посвятить себя монашеству. Одна путешественница, Англійская леди, бывши въ Москвѣ, посѣтила и Троицкую Лавру, гдѣ отецъ Антоній, мнимый любовникъ, былъ тогда намѣстникомъ. Ей рассказали о поэтическомъ началѣ его жизни, она составила

прежде въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ существовала еще одна особенная должность, не показанная въ высочайше утвержденныхъ штатахъ, а не менѣе того полуофициальная, должность не жены, а подруги губернатора. Въ Нижнемъ исправляла ее тогда одна госпожа Жданова, дочь почтмейстера Руднева. Ей было лѣтъ за тридцать, а она была еще женщина свѣжая, красивая, видная. Лѣтъ восемнадцати вступила она въ нее; съ тѣхъ поръ перемѣнились три или четыре губернатора: она оставалась вѣрна не человѣку, а мѣсту. Всякой новый начальникъ губерніи спѣшилъ утвердить ее въ избранномъ ею званіи. Должно полагать въ ней, также какъ въ Польшахъ и Еврейкахъ, чрезвычайную любовь ко власти. Впрочемъ хотя всюду была она принята, но вездѣ съ холодностію. Снисходительнаго супруга, всегда жившаго съ нею въ согласіи, мнѣ не случилось видѣть или, лучше сказать, замѣтить. Желая ничего примѣчательнаго не пропустить въ посѣщенномъ мною городѣ, упомянулъ я и объ ней.

Сначала только, по пріѣздѣ моихъ родныхъ, могъ я нѣсколько дней провести съ ними вмѣстѣ. Вскорѣ цѣлыми гурьбами привалили Пензенцы, Саратовцы и помѣщики другихъ сосѣднихъ губерній. Между ними было много знакомыхъ, частыхъ посѣтителей; я тоже долженъ былъ воротиться къ умножившимся занятіямъ моимъ. Итакъ, будучи развлечены, мы были почти разлучены. Все зашумѣло, все задвигалось въ городѣ; я говорю, въ самомъ городѣ, ибо въ верхней части его можно было только найдти помѣщеніе. Кунавинская слобода, примыкающая къ ярманочной площади, состояла тогда вся изъ хижинъ; кой-гдѣ начинали однакоже подыматься въ ней хорошія строенія. Долго послѣ того перядочные люди не рѣшались въ ней жить: она почиталась мѣстомъ развратныхъ увеселеній.

Кстати о пріисканіи помѣщеній: въ разсказѣ моемъ я не долженъ пропустить одинъ случай, который показываетъ излишнюю снисходительность Русскихъ къ иностранцамъ и оттого ихъ наглость съ ними. Въ числѣ пріѣзжихъ находился одинъ туристъ, самый простой джентльменъ, даже съ весьма ледащею наружностію. Въ дорожномъ платьѣ явился онъ прямо къ Бетанкуру съ письмомъ отъ кого-то и съ требованіемъ, чтобъ ему отыскана была квартира. Начальникъ мой былъ великій энтузіастъ всего Британскаго, былъ колѣнопреклоненъ передъ отчизной механики и жены своей. Онъ немного затруднился; тогда Англичанинъ, указывая на меня, сказалъ: да велите вотъ ему. «И

изъ этого трогательную повѣсть и напечатала ее въ одномъ великолѣпномъ эпискепѣ. А я полагаю, что, наследуя упрямству отца, дѣвица просто отказывалась отъ свѣта, потому что онъ желалъ ее видѣть въ пемъ и того требовалъ.

подлинно; сказалъ Бетанкуръ, «не возьмете ли на себя?» Молча взглянулъ я на него; онъ понялъ нѣмой, исполненный негодованія мой отвѣтъ и прибавилъ: «Или лучше прикажите кому-нибудь этимъ заняться». — «Я поручу этого господина попеченіямъ курьера вашего превосходительства»; а курьеру наказалъ спроводить его въ Кучавинскую слободу.

Видно, онъ былъ не слишкомъ важная фигура; потому что ни Бетанкуръ, ни губернаторъ ни разу не пригласили его къ себѣ, и никто не взялъ труда узнать, какъ онъ прозывается. Наконецъ, явился онъ въ собраніи на балѣ, въ странномъ фракѣ съ длинными фалдами, съ огромною лысиной и съ маленькимъ лорнетомъ на шнурѣ, въ правый глазъ вставленнымъ, что показалось великою новостію. Онъ оставался посреди залы, вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ, а потомъ, окидывая взорами общество, сталъ что-то записывать или рисовать. Иные смотрѣли съ уваженіемъ и любопытствомъ на оригинальность, которую всякій подданный великой морской державы, лишь бы не совсѣмъ принадлежалъ къ простонародію, обязанъ на себя накидывать; другіе находили это не совсѣмъ приличнымъ; я одинъ чувствовалъ сильное негодованіе. Но тутъ случился одинъ молодой человѣкъ, который вскипѣлъ гнѣвомъ. Онъ принадлежалъ къ одной небогатой вѣтви Нарышкиныхъ, въ Нижегородской губерніи поселившейся; звали его Петръ Александровичъ. Кромѣ фамильнаго имени въ немъ не было ничего блестящаго, онъ былъ простой Русскій человѣкъ, дорожилъ народною честью и тѣмъ самымъ казался отпадшимъ членомъ отъ знатныхъ родовъ. Онъ съ видомъ ярости подошелъ къ Британцу и, опустивъ голосъ, молвилъ ему нѣчто, вѣроятно, весьма энергическое. Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, весьма хладнокровно положилъ книжку въ карманъ и скрылся въ толпѣ. И послѣ того этотъ же неучъ будетъ обвинять сѣверныхъ варваровъ въ негостепримствѣ: попытался бы какой-нибудь Русскій сдѣлать тоже самое въ Англіи!

Уставъ отъ шуму, мать моя начинала собираться въ обратный путь. Изъ знакомыхъ, въ Нижнемъ ею найденныхъ, чаще всѣхъ видѣла она двѣ духовныя особы. Первый былъ епархіальный архіерей Моисей, прежде бывшій епископомъ въ Пензѣ. Онъ былъ добръ, веселъ, еще не старъ и въ церкви весьма краснорѣчиво и назидательно проповѣдывалъ. Жаль только, что въ гостиниѣ было дѣло совсѣмъ иное: онъ всегда любилъ прищучивать и если шутки его не совсѣмъ были неблагопристойны, то по крайней мѣрѣ довольно грубы. Въ глазахъ матери моей святость сана всѣ недостатки его прикрывала; къ тому же и самъ онъ въ разговорахъ съ нею старался быть воздержнѣе. Другая

особа была двоюродная сестра ея, нѣкогда вдова, Дарья Михайловна Новикова, урожденная Мартынова, сестра чудака Федора Михайловича и Натальи Михайловны Загоскиной, коихъ прошу не забывать. Тогда была она настоятельницей женскаго монастыря, во иноцѣхъ Дороея. Она одарена была умомъ необыкновеннымъ, характеромъ гибкимъ и твердымъ, предприимчивымъ и терпѣливымъ, и умѣла сливать честолюбіе со смиреніемъ. Послѣ малочиннаго и не весьма любимаго мужа оставшись съ тремя дѣтьми въ недостаточномъ положеніи, ей было душно въ провинціальномъ свѣтѣ, гдѣ никто ея не понималъ и гдѣ презирали ея бѣдностію. Она скрылась отъ него въ стѣнахъ монастыря. Въ это время одинъ духовный вербунъ, архимандритъ Израиль, искусно склонялъ пожилыхъ дѣвицъ и вдовъ къ иноческой жизни; по его совѣту разсталась она съ міромъ. Но простою монахиней она долго оставаться не могла: она въ Пензенскомъ же монастырѣ составила особливую общину; самыя несогласія ея съ другими инокинями обратили на нее вниманіе начальства, и вскорѣ потомъ была она назначена игуменьей Нижегородскаго монастыря. Въ немъ была она совершенною царицей, когда пол-Москвы отъ непріятеля бѣжало въ Нижній. Всѣ барыни, и между ими весьма знатныя, искали ея знакомства, и она всѣхъ надѣляла христіанскими утѣшеніями. Съ этого времени вошла она въ связи съ обѣими столицами и сдѣлалась великимъ авторитетомъ, на который сами архіереи смотрѣли съ уваженіемъ и не безъ страха.

Съ 1-го Августа по 6-е, то-есть отъ перваго Спаса по второй была ярманка, какъ говорили, съ самомъ разгарѣ; куда ни поѣдешь, въ ряды ли, по городу ли, вездѣ скачка, вездѣ суматоха. Роскошнымъ обѣдамъ также конца не было у губернатора, у князя Грузинскаго, а изъ пріѣзжихъ — у богача-генерала Дмитрія Дмитріевича Шепелева, да у Пензенскихъ Хрущовыхъ, и еще у нѣкоторыхъ другихъ. О скучныхъ театрѣ и балахъ въ благородномъ собраніи уже не говорю. Для меня величайшимъ удовольствіемъ было ходить между простыми торговцами, прислушиваться къ ихъ толкамъ, дивиться торговой оборотливости Русскихъ людей. Это дѣлалъ я почти всякій разъ, когда не былъ съ своими. Для нихъ скоро пришелъ день отъѣзда. Отслушавъ въ день Преображенія обѣдню въ старинномъ соборѣ, въ которомъ находились могилы князей и Минина, и который послѣ, по ветхости, должны были разобрать, мать моя съ семействомъ отправилась домой. Отъѣздъ ея былъ какъ будто сигналомъ и для другихъ. Однакоже не всѣ тронулись вдругъ; отливъ совершился постепенно. Только черезъ нѣсколько дней и Бетанкуръ, къ удовольствію моему, началъ поговаривать о Петербургѣ, и даже 1-е Сентября назначилъ послѣднимъ срс-

комъ для отбытія нашего. Мнѣ же судьба не велѣла такъ скоро разстаться съ Нижнимъ, какъ увидимъ далѣе.

XIV.

Лѣченіе мое Парижское, не сопровождаемое должнымъ воздержаніемъ, оставило во мнѣ жестокіе слѣды. Весь физическій составъ мой былъ потрясенъ, и хотя боли, ломота совершенно прекратились, я чувствовалъ изнеможеніе силъ тѣлесныхъ и умственныхъ. Другіе, можетъ быть, не замѣчали сего; я самъ старался обманывать себя на этотъ счетъ и боролся съ возрастающими недугами. Примѣтно исчезла во мнѣ дѣятельность и овладѣвала мною тягостная лѣнь. Одинъ г-нъ Рандъ умѣлъ это подмѣтить и старался поддерживать мое бездѣйствіе. Двухнедѣльная моя отлучка въ Пензу и трехнедѣльное пребываніе родныхъ моихъ въ Нижнемъ, когда онъ увѣрилъ Бетанкура, что на это время надобно оставить меня совершенно свободнымъ, дали ему случай докладывать по дѣламъ моимъ. Когда же я принялся вновь за работу, все валилось у меня изъ рукъ, что и самъ Бетанкуръ могъ уже замѣтить.

Лѣто стояло самое мудреное: несносные жары безпрестанно смѣнялись сырую, холодную погоду и были ею смѣняемы; поле, на которомъ выстроены ряды, на которомъ толпились десятки тысячъ народу, было то чрезмѣрно увлажяемо проливными дождями, то отъ сильныхъ солнечныхъ лучей издавало зловредныя испаренія, и уже начинали показываться заразительныя болѣзни. Можетъ быть, и это имѣло вліяніе на здоровье мое. Вдругъ безъ всякой причины одолѣла меня тоска неизъяснимая, ко всему получилъ я отвращеніе, и все возвѣщало мнѣ, что со мною случится что-нибудь необыкновенное.

Такъ прошло нѣсколько дней, какъ, наконецъ, въ Воскресенье, 17 Августа, вставъ отъ обѣденнаго стола, за которымъ я ни до чего не касался, мнѣ пришла охота куда-нибудь бѣжать. Я пошелъ на ярмангу; тамъ бѣольшая часть лавокъ была заперта, въ другихъ поспѣшно укладывались, воздухъ былъ теплый, но небо мрачное, и все казалось уныло. Во мнѣ родилось такое отчаяніе, что, проходя по мосту, я готовъ былъ броситься въ Оку. Меня внезапно обхватило холодомъ, я бѣгомъ побѣжалъ домой, и хотя скорѣе легъ въ постель, нѣсколько часовъ не могъ избавиться отъ озноба.

На другое утро, послѣ безпокойнаго сна, при необычной слабости, чувствуя несносный жаръ и холодъ вмѣстѣ, началъ я вставать съ постели и надѣвалъ сапоги, когда нечаянно вошелъ ко мнѣ Маничаровъ. Онъ попытился отъ ужаса: такъ въ одну ночь лицо мое измѣ-

нилось. Тщетно уговаривалъ онъ меня успокоиться; я его не послушался и медленно продолжалъ одѣваться. Тогда побѣжалъ онъ доложить о моемъ упрямствѣ, и вскорѣ пришелъ Рандъ именемъ генерала просить меня, а если нужно требовать, чтобы я легъ въ постелю и послалъ за врачомъ. На первое я согласился, на второе нѣтъ. Какъ Базиля въ *Фишаровой Женитьбѣ* укладывали человѣка, въ которомъ все показывало отсутствіе разсудка. Къ вечеру болѣзнь такъ усилилась, что самъ Бетанкуръ привелъ съ собою доктора Либошица. Обнаружилась горячка, и самая злокачественная, гнилая, нервная; не дали ей настоящаго имени тифуса, потому что, кажется, его еще не знали.

Самое жестокое въ этого рода болѣзняхъ есть сохраненіе памяти при мученіи и тоскѣ нестерпимыхъ. Я помню, какъ все тѣло мое изъязвлено было синаписмами и Шпанскими мухами, что, конечно, оттягивая жаръ, умножало однакоже нервныя страданія. Еще болѣе помню я совершенно родственныя, нѣжныя попеченія обо мнѣ людей мнѣ чуждыхъ. Какъ забыть мнѣ и преданность вѣрнаго и пьянаго слуги моего Василья, который въ это время до водки не касался и ни дня, ни ночи вокругъ меня не зналъ покою! Хотѣлось бы забыть мнѣ безчеловѣчную, грубую алчность моего врача. Дѣло естественное: онъ былъ Еврей, и едва ли крещеный; но тяжко-болному изъяслять опасеніе на счетъ уплаты за труды, когда его не станеть,—мнѣ кажется дѣло неслыханное. Дабы успокоить его, сказалъ я ему, что за то поручится мой начальникъ.

Наступилъ двѣнадцатый, рѣшительный день, 28-ое Августа. Либошицъ пришелъ довольно рано, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ и ни слова не сказалъ. Я спросилъ его, отчего по всей кожѣ моей показавшіяся сперва красныя пятна превратились въ фіолетовыя, а тутъ сдѣлались черными? «Да у васъ и языкъ уже весь почернѣлъ», отвѣчалъ онъ. Кажется, довольно бы сего приговора; онъ, выходя, остановился у дверей и вслухъ сказалъ слугѣ моему и случившемуся тутъ одному изъ инженерныхъ офицеровъ: «Не мучьте его понапрасну, не давайте ему болѣе лѣкарствъ; я думаю, онъ и сутокъ не проживеть». Я принялъ это довольно хладнокровно; не смѣю назвать это стоицизмомъ, а скорѣе остолебеніемъ, какимъ-то душевнымъ онѣмблемъ. Пришелъ Бетанкуръ и, забывшись, сталъ при мнѣ умыть руки уксу-сомъ, которымъ вся комната была накурена, какъ у чумныхъ. Молча, одною рукой взялъ онъ меня за пульсъ, а въ другой держа часы, считалъ пульсаціи; вдругъ съ гнѣвомъ отбросилъ мою руку и убѣжалъ: добрый старикъ разсердился на болѣзнь. За нимъ, всѣ по одиночѣ начали приходить, какъ будто прощаться со мною. Не касаясь меня, становились они противъ меня, у ногъ моихъ. Со всѣми говорилъ я

свободно, ласково о близкой кончинѣ моей, каждому изъявлялъ искреннее желаніе, послѣ себя, всякаго благополучія. Добрѣйшій Маничаровъ плакалъ; даже Рандъ, который ничего не любилъ кромѣ власти и денегъ, говорилъ непритворно - растроганнымъ голосомъ. Мнѣ кажется теперь, что тайная вражда его противъ меня погасла тогда при дверяхъ гроба. Въ полдень открылись двери, и торжественно вступила тетка моя, игуменья Дорогея. Она съ важностію сѣла противъ меня, и между нами начался слѣдующій разговоръ:

— Знаешь ли ты, мой другъ, въ какомъ ты находишься положеніи?

— Знаю.

— Знаешь ли ты, что съ часу на часъ ты долженъ ожидать смерти?

— Знаю.

— Чего же ты медлишь послать за священникомъ, въ ту минуту, когда должна рѣшиться участь твоя въ вѣчности?

— Уже поздно, отвѣчалъ я:—теперь покаяніе было бы дѣйствіемъ страха. Я всегда вѣровалъ въ Господа Бога и въ Его милосердіе; оно одно простить мнѣ прегрѣшенія мои во мзду немногихъ добрыхъ дѣлъ и чувствъ.

Она продолжала краснорѣчивыя убѣжденія свои, а я вышелъ изъ терпѣнія.

— Вы мнѣ надоѣли, оставьте меня, вскрикнулъ я, выпрямясь передъ нею пугаломъ, привидѣніемъ; огонь, который пожиралъ существо мое, ярко заблесталъ во впадшихъ глазахъ моихъ. Она отворотилась съ ужасомъ, какъ бы видя передъ собою добычу демона; потомъ встала, и уходя промолвила:

— По крайней мѣрѣ, позволь придти священнику со святою водою отслужить молебень.

— Хорошо, отвѣчалъ я, только часу въ девятомъ вечера.

Про себя подумалъ я, что тогда уже онъ меня не застанетъ. Это было совершенное безуміе, и неужели Всевышній строго бы осудилъ издыхающаго сумасброда, когда и законы человѣческіе, по большей части столь несправедливые и жестокіе, такъ снисходительны къ умалишеннымъ?

По выходѣ игуменьи, нѣсколько часовъ остался я совершенно одинъ, какъ будто всѣми брошенный; и безпрестаннымъ бдѣніемъ самъ утомленный слуга мой въ боковой комнатѣ предался небольшому сну. Жаръ больнаго воображенія сталъ сильнѣе дѣйствовать въ головѣ моей: одна нелѣпица смѣняла другую. И вдругъ на память пришла мнѣ мать моя, о которой во время болѣзни ни разу я не подумалъ: до

того все перемѣнилось во мнѣ. Я представилъ себѣ горестъ ея, когда обо мнѣ получить она извѣстіе. За нею все, что мнѣ было любезно, мило, и люди, и мѣста, потянулось передо мною прелестною цѣпью, которая такъ и притягивала меня къ жизни, коей почиталъ уже я себя чуждымъ. Равнодушіе, покорность моя къ судьбѣ вдругъ превратились въ неистовство, въ бѣшенство: я дерзнулъ самого Бога звать на судъ, упрекалъ Его въ жестокости, когда безъ всякой причины, вдали еще отъ старости, внезапно лишаетъ Онъ меня всѣхъ даровъ Своихъ. Я вертѣлся, терзалъ грудь свою, кусалъ подушки; въ душѣ своей чувствовалъ адское мученіе. Изнеможенный перешелъ я къ умиленію. Сквозь опущенныя сторы сіяло мнѣ заходящее солнце. «Его уже болѣе не увижу», подумалъ я; «дай хоть въ послѣдній разъ взгляну на закатъ его, столь величественный за Окой». Откуда взялись у меня силы, я всталъ босой и, держась за стулья, вдоль стѣны, добрелъ до окна. Чуткій слуга мой, къ счастью, услышавъ шорохъ, вскочилъ и входилъ въ двери въ то самое мгновеніе, когда силы меня оставляли; я зашатался и упалъ къ нему на руки. Онъ и донесъ и дотащилъ меня до кровати, на которую уложилъ. Своро сказали, что пришелъ священникъ. «Хорошо,» вотъ все что могъ я отвѣчать. Усадили меня въ кресла, посреди подушекъ, и начался молебень. *Холодно, темно*, все повторялъ я слабѣющимъ голосомъ. А небольшая комната моя наполнилась всѣми любопытными, мнѣ сожителями, и по желанію моему, болѣе угаданному, дюжины двѣ свѣчъ горѣло. Громогласное чтеніе іерея мнѣ казалось шопотомъ, густой туманъ носился вокругъ меня, оконечности тѣла моего, руки по локоть и ноги по колѣно, нѣмѣли, остывали; слухъ, зрѣніе покидали меня; я отходилъ. Молебень кончился, и священникъ, окропивъ меня святою водою, поднесъ къ устамъ моимъ животворящій крестъ; бессознательнымъ движеніемъ, нѣмѣющими руками ухватился я за него, какъ за спасеніе свое, и прижалъ къ груди. Послѣ того уже безъ памяти положили меня на ложе. Я не умеръ, а погрузился въ мертвый сонъ, тогда какъ передъ тѣмъ рѣдко на полчаса случалось мнѣ забываться.

Надо мной совершилось чудо, точно чудо! Пусть увѣряютъ, что сильное волненіе, чувствуемое мною, къ вечеру произвело переломъ, для меня спасительный. Мнѣ пріятно думать, и я въ томъ твердо увѣренъ, что Провидѣнію угодно было, чтобъ я еще пожилъ, погрѣшилъ, подумался, пострадалъ и пописалъ. А для чего это? Неразгаданными Его тайнами мы окружены, и бездѣльныя причины какъ часто поражаютъ важныя послѣдствія. Видѣть въ себѣ нѣчто Имъ избранное было бы слишкомъ безразсудно, и я просто думаю, что когда висѣлъ я надъ могилой и не упалъ въ нее, на то была таже самая воля, безъ ко-

торой волосъ не спадеть съ головы человѣческой. Подробное описаніе этой болѣзни инымъ покажется скучнымъ. Но многимъ ли удавалось быть одною узкою чертой отдѣленными отъ вѣчности и круто поворотить отъ нея вспять? И тѣ, съ коими случалось сіе, не забывали ли того? А если и не забывали, то вѣрно уже не изображали. Вотъ почему я думаю, что для иныхъ будетъ сіе любопытно. Я могу сказать, что я отвѣдалъ смерти, и до того, что въ Петербургѣ, въ Москвѣ, успѣлъ прослыть покойникомъ: появленіе мое въ сихъ столицахъ могло одно поправить сію печальную репутацію.

Утромъ на другой день Бетанкуръ прислалъ узнать, въ которомъ часу я скончался; ему отвѣчали, что я живъ и сплю. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ сего донесенія, пришелъ онъ самъ; такъ случилось, что въ эту минуту я проснулся. Онъ повторилъ то, что дѣлалъ наканунѣ, и когда увидѣлъ, что быстрота и число пульсацій на лодыжку уменьшились, забывъ опасность, бросился меня обнимать; это одно должно уже примирить меня съ его памятью. Послѣ того впалъ я въ летаргію, а когда и очнулся, не понималъ уже ничего, что мнѣ говорили, никого почти не узнавалъ и молоть всякій вздоръ. Чрезмѣрное напряженіе жизненныхъ пружинъ до того ослабило мою голову, что когда мнѣ стало легче, нѣсколько дней я двухъ идей связать не могъ. Къ вечеру въ этотъ день, 29-го числа, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филиповичъ, за которымъ Бетанкуръ посылалъ въ Пензу нарочнаго. Я съ трудомъ и его могъ распознать.

Между тѣмъ начальникъ мой со свитой совсѣмъ собрался въ Петербургъ. Одного въ пустомъ домѣ нельзя было меня оставить. На общемъ совѣтѣ съ братомъ положено на другой же день, 30-го, перевезти брѣнное тѣло мое въ наемную квартиру, къ священнику Покровской церкви, на Большой Покровской улицѣ. Ужасныя мученія вынесъ я въ этотъ Александровъ день: инженеры давали Бетанкуру прощальный объѣдъ, у него же самого наверху; полицеймейстеръ Смирновъ хотѣлъ тоже подслужиться и привелъ музыкантовъ, которые загремѣли у меня подъ самыми окнами. Бетанкуръ въ ту же секунду велѣлъ прогнать ихъ. И дѣйствительно, сильные звуки для разслабленныхъ нервовъ—пытка. Пришедъ почти въ себя, я, говорятъ, завопилъ нечеловѣческимъ голосомъ. Пока солнце не сѣло, уложили меня въ четверомѣстную карету и вмѣстѣ съ братомъ потащили вверхъ на гору. Тряска възда была для меня новою казнію; я не понималъ, чего отъ меня хотятъ, что творять со мною, и жалобно вылъ. Бетанкуръ навѣстилъ меня 31-го числа; его узналъ я, понялъ, что онъ пріѣхалъ проститься, и слезы показались у меня на глазахъ. Чтобы успокоить меня, сказалъ онъ, что поручилъ меня попеченіямъ рядомъ живущей со мною чело-

въколюбивой баронессы Моренгеймъ, тещи барона Боде. Еслибъ я и понималъ его, то мало былъ бы утѣшенъ, ибо къ этой дамѣ не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи. 1-го Сентября чѣмъ свѣтъ уѣхалъ онъ.

Выздоровленіе не вдругъ превращается въ пріятное чувство: надобно сперва пройти черезъ тоску, дѣйствию безмѣрной слабости. Я, бывало, не смѣлъ глаза закрыть: страшныя чудовища, которыя иногда являютъ фантазмагорическія представленія, ничто передъ тѣми, которыя мнѣ мерещились. На другія страданія я жаловаться не смѣю: они были мнѣ полезны; сильный переворотъ въ составѣ моемъ взволновалъ, расшевелилъ въ немъ все дурное и выбросилъ наружу; все тѣло мое покрылось нарывами, которые совершенно очистили во мнѣ кровь.

Мнѣ, впрочемъ, было хорошо: со мною былъ братъ мой, котораго хотя всякій день куда-нибудь звали обѣдать, но который остальное время отъ меня не отлучался. Человѣколюбивой Моренгеймъ я въ глаза не видалъ; попеченія ея обо мнѣ ограничивались присылкою жиденькаго супа съ кухни своей. За то другая женщина, Русская, игуменья, часто навѣщала меня; я не гналъ ея уже прочь, а съ наслажденіемъ внималъ рѣчамъ ея, проникнутымъ христіанскою нѣжностію. Я не дожидаясь совѣта ея, чтобы 14-го Сентября, въ день Воздвиженія Креста, черезъ силу отправиться въ церковь и причаститься Св. Таинъ. Не погибая жизни, а возвращаясь къ ней, и въ здоровомъ смыслѣ, хотѣлъ я очиститься святыми дарами. По совершеніи сего, вдругъ такъ быстро стали приходить ко мнѣ силы, безъ помощи лѣкарствъ, даже подкрѣпительныхъ, о коихъ давно уже я слышать не хотѣлъ, что братъ мой, не находя болѣе присутствіе свое для меня необходимымъ, черезъ два дня, 16-го числа, отправился въ обратный путь.

Черезъ нѣсколько дней я въ состояніи былъ тоже сдѣлать. Меня удерживали; мало знакомые, а иные вовсе незнакомые желали меня у себя видѣть и въ честь мою давали обѣды, не изъ особаго уваженія какого, а изъ любопытства посмотрѣть на воскресшаго, изъ гроба подъятаго Лазаря. Сверхъ того пугали меня позднимъ осеннимъ временемъ; но я во всемъ полагался на испытанное мною милосердіе Божіе; никогда еще въра моя въ него такъ тверда не бывала. Какіе обѣты давалъ я тогда, и увы, какъ исполнилъ я ихъ!

Итакъ, въ упованіи на помощь Господню, выѣхалъ я 28-го Сентября, ровно черезъ годъ послѣ выѣзда моего изъ Парижа. Новое чудо! Въ воздухѣ сдѣлалось не тепло, а жарко какъ лѣтомъ; только послѣ вечерней похлады скоро наступала осенняя стужа, но я уже былъ въ Озябликовскомъ погостѣ, гдѣ нашелъ теплый и покойный ночлеги. Нѣсколько дней сряду стояла такая погода; но дорога скоро меня утомила, болѣе семидесяти верстъ въ день я сдѣлать не могъ и всякую ночь

останавливался. Вторую провель я въ Муромѣ, третью во Владимирѣ, четвертую, въ день Покрова, въ городѣ Покровѣ, пятую въ Новой деревнѣ. Коротенькую станцію до Москвы сдѣлалъ я 3-го Октября.

Ямщикъ привезъ меня въ трактиръ Лейпцигъ, на Кузнецкомъ мосту, отъ котораго осталось лишь одно только имя: при общей поправкѣ, перестройкѣ, сочли его лишнимъ и уничтожили. По близости я поспѣшилъ къ приятелю моему Александру Григорьевичу Товарову; но онъ домъ свой продалъ и поселился въ Старой Конюшенной, въ кварталѣ, въ счастливое время Москвы мало кому извѣстномъ, но послѣ пожара вошедшемъ въ моду. Послѣ обѣда Товаровъ пріѣхалъ самъ за мной и перетащилъ къ себѣ. Мнѣ еще очень нужны были дружескія бесѣды и попеченія.

Мнѣ бы слѣдовало не останавливаться, но какъ быть! Тутъ только въ Москвѣ почувствовалъ я вполне то благосостояніе, коимъ пользуются больные вскорѣ по выздоровленіи. Пять лѣтъ передъ тѣмъ оставилъ я ее въ развалинахъ; тутъ не могъ я налюбоваться бѣлокаменной, краснымъ солнышкомъ постоянно освѣщаемой; много было въ ней древняго, живописнаго, ничего стараго, все свѣжо, все ново, все выпрямлено, все изукрашено. Впрочемъ, городъ былъ довольно пустъ; невиданная вешняя теплота въ глухую осень вѣроятно удерживала еще помѣщиковъ по деревнямъ. Хозяинъ мой самъ подговаривалъ меня ѣхать, пользоваться благопріятною погодой, которая со дня на день, съ часу на часъ, можетъ измѣниться. Я ни о чемъ не заботился; про то знаетъ высшій мой Хранитель, думалъ я. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорилъ мнѣ Товаровъ.

Однакожь я послушалъ его и 11-го Октября оставилъ Москву. Видно, и тутъ силы не совсѣмъ ко мнѣ пришли, ибо я ѣхалъ также медленно какъ изъ Нижняго. Въ самый дѣнь моего отъѣзда, небо изъ свѣтло-голубаго превратилось въ сѣренькое, но дождя не было, и дорога была сухая. Только 13 числа, когда ночью вѣзжалъ я въ Торжокъ, пошелъ первый дождикъ, сильный, лѣтній, еще не осенній. На другой день воздухъ вдругъ похолодѣлъ и отсырѣлъ, и я долженъ былъ бороться съ дурною дорогой и съ дурною погодой; но я какъ-то не унывалъ, тепло одѣвался, преимущественно ночевалъ въ теплыхъ ямскихъ избахъ. За Новгородомъ сдѣлалось мнѣ гораздо хуже, когда 16-го числа долженъ я былъ рано остановиться на станціи Чудово. Я думалъ, что не доѣду до Петербурга, и немного трухнулъ. Хотя плоть была немощна, но духъ еще довольно бодръ; съ нимъ собрался я, чтобы до свѣту 17-го оставить грязную избу, въ которую нечаянно попалъ я на ночь. Тутъ нужна была твердость: строилось шоссе, его назначено было слѣдующимъ лѣтомъ проводить по той дорогѣ, по которой над-

лежало мнѣ ѣхать, и ея не чинили. Хотя не совсѣмъ выяснѣло, сдѣлался первый изрядный морозъ, что у насъ называютъ утренникъ; грязь не совсѣмъ застыла по бревенчатой дорогѣ, гдѣ торчали вверхъ оледенѣлыя бровешки, гдѣ образовавшіяся довольно глубокія лужи подернуло льдомъ: и тяжело, и скользко, и опасно. Четыре часа съ половиною нужно мнѣ было, чтобы сдѣлать двадцать пять верстъ до Померанья. И совершенно здоровому трудно бы было вынести; еслибы Богъ помогъ, въ этотъ день хотя бы еще одну станцію отъѣхать, сказалъ я.

Лишь только издали завидѣлъ я вновь устроенную, славную станціонную гостиницу Померанскую, какъ все перемѣнилось. Куда вдругъ дѣвались облака? Безъ ихъ дурнаго общества, солнце одно засверкало на небѣ почти съ лѣтнею теплотой, на всю зимнюю разлуку какъ будто нѣжно прощаясь съ землей. Мнѣ стало отрадно; къ тому же, въ эту осень только отъ Померанья открыто было шоссе, еще твердое, не изъѣженное; съ радостнымъ нетерпѣніемъ помчался я по немъ, и 32 версты до Тосны сдѣлалъ съ небольшимъ въ два часа. Я думалъ, не остановиться ли мнѣ въ Ижорѣ; но когда въ сумерки началъ я подъѣзжать къ этой станціи, небо опять заволокло, и въ воздухѣ кой-гдѣ стало показываться что-то похожее на бѣлый пухъ; тогда я рѣшился не дожидаться зимняго пути. Въ Царскомъ Селѣ, чрезъ которое тогда ѣздили, настоящимъ образомъ пошелъ первый для меня снѣгъ. Метеорологическія странности суть дѣло обыкновенное въ Петербургѣ; въ одинъ день видѣлъ я три времени года, и на одной недѣлѣ, послѣ долгой засухи, былъ первый дождь, первый морозъ и первый снѣгъ. На спускѣ Пулковой горы замѣтенъ уже былъ черный слѣдъ колесъ по убѣленной дорогѣ. Лишь только поравнялся я съ Среднею Рогаткой (нынѣ Четыре Руки), поднялся такой вихрь, такая буря, такая метелица, что еслибы въ степи, можно было бы заплутаться. По Петербургскимъ улицамъ тяжело было ѣхать; когда же остановился я у подъѣзда моей казенной квартиры, прежде чѣмъ вышелъ я изъ коляски, надобно было отгребать снѣгъ, навалившій на кожаный фартукъ ея.

Меня дожидались, и все готово было къ моему пріѣзду. Какое наслажденіе, наконецъ, быть у себя дома, въ теплыхъ, хорошо прибранныхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатахъ! По великой усталости я скоро отправился спать. Когда на другое утро, 18-го Октября, я проснулся, всталъ и посмотрѣлъ въ окно, солнце опять еще сіяло, только не грѣло, и весь Петербургъ разъѣзжалъ въ саняхъ, съ которыми и не разставался до слѣдующей весны.

XV.

Сначала исполнилъ я первый долгъ: пошелъ помолиться къ Спасу на Сѣнной; потомъ второй: явился къ начальнику своему. Онъ что-то черезчуръ принялъ меня ласково. Тутъ не было ни малѣйшаго притворства, а можетъ быть нѣкоторая совѣстливость. «Послѣ такой тяжелой болѣзни и трудной осенней дороги, вамъ необходимо успокоеніе», сказалъ онъ; «я увольняю васъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на три отъ всякихъ заботъ; отдохните, погуляйте на свободѣ, а потомъ опять примемся за дѣло.» Я всегда былъ отмѣнно довѣрчивъ; мнѣ и въ голову не вошло подозрѣвать тутъ перемѣну намѣреній его на счетъ будущаго служенія моего.

Во время моего отсутствія, лѣтомъ и осенью, произошла одна важная перемѣна въ министерствахъ. Чтобы не забыть, долженъ упомянуть здѣсь о ней. Козодавлевъ, послѣ кратковременныхъ, но жестокихъ страданій, умеръ въ Іюль мѣсяцѣ. Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ его, если не ошибаюсь, въ городѣ Архангельскѣ. Онъ обозрѣвалъ тогда весь Сѣверъ государства своего и спѣшилъ увидѣть Финляндію. Второпяхъ, на всякій случай, поручилъ онъ временно его Министерство Внутреннихъ Дѣлъ министру просвѣщенія, все тому же князю Александру Николаевичу Голицыну, который какъ будто на все, а между тѣмъ ни на что кромѣ придворной службы, не годился, въ чемъ сознаются нынѣ самые любимцы его. Въ началѣ Октября, въ самый день возвращенія Императора, престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся, чтобъ ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать нѣкоторыя бумаги. Вдругъ рука его остановилась: въ одну минуту прекратились всѣ жизненные его движенія. Съ нимъ вмѣстѣ скончалось и управляемое имъ Министерство Полиціи.

Оно по прежнему вошло въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и по прежнему поручено управленію графа Кочубея Онъ занималъ мѣсто выше министерскаго, онъ былъ предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, и принялъ только званіе управляющаго, съ сохраненіемъ прежней должности. Одно чадолюбивое чувство могло его заставить вновь посвятить попеченія свои искаженному дѣтищу. Въ кратковременное имъ управленіе, любимцу царскому Голицыну полюбилась въ немъ почтовая часть, и онъ выпросилъ себѣ ее. Изъ нея составилось особое министерство подъ названіемъ главнаго начальства надъ почтовымъ департаментомъ, и въ семь видѣ оно и нынѣ существуетъ. Самъ Кочубей счелъ нужнымъ передать Гурьеву департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Нѣтъ, навсегда уже прошло блестящее время этого министерства.

Случаются обстоятельства въ жизни, которыя хотѣлось бы забыть; тѣ, въ коихъ находился я въ концѣ 1819 года, изъ числа ихъ; но изобразить ихъ здѣсь для меня необходимость. Три недѣлями свободы и даже болѣе, дарованными мнѣ Бетанкуромъ, я охотно воспользовался. Какъ будто новорожденный, я вновь приступалъ къ жизни; все плѣняло меня въ ней, все сіяло мнѣ въ будущемъ. Бетангуръ и семейство его были со мною любезнѣе чѣмъ когда-либо, звали обѣдать, на вечеръ, а о дѣлахъ съ нимъ ни слова.

Наконецъ, мнѣ стало совѣстно, и я пришелъ объявить Бетанкуру, что чувствую себя совершенно въ силахъ вновь трудиться при немъ. «По прямой вашей должности въ Петербургскомъ строительномъ комитетѣ, вы всегда властны вступить въ управление дѣлами его; что же касается до другихъ особыхъ дѣлъ, Государемъ мнѣ порученныхъ, производствомъ коихъ вы, по снисходительности вашей ко мнѣ занимались, то какъ уже разъ они поступили въ канцелярію мою и еѣсколько мѣсяцевъ тамъ находятся, взять ихъ оттуда было бы напрасно: пусть остаются они у секретаря моего».

Что бы это значило? подумалъ я. Это значило, что Рандъ меня оттираетъ, что, пользуясь отсутствіемъ моимъ, онъ, все болѣе втираясь въ довѣренность бѣднаго старика, непримѣтнымъ образомъ овладѣлъ имъ. Не знаю, въ чемъ исподоволь обвинялъ онъ меня передъ нимъ, въ лѣности, въ хворости или въ неспособности? Но уже вѣрно не въ томъ, въ чемъ все главное управление путей сообщенія могло уличить его. Я пропустилъ нѣсколько дней, приготовляясь къ новому объясненію: званіе директора департамента все еще оставалось у меня въ виду. Мнѣ однакоже пора было замѣтить, что все перемѣнилось для меня. Обхожденіе со мною инженерныхъ генераловъ осталось вѣжливымъ, какъ слѣдовало; но не было уже той искательной привѣтливости, которую находилъ я въ нихъ до поѣздки въ Нижній-Новгородъ. Вельяшевъ не приглашалъ уже меня обѣдать, Саблуковъ пересталъ быть со мною словоохотенъ. Что еще болѣе должно убѣдить меня въ незамѣченномъ мною паденіи моемъ, была удвоенная со мною любезность любезнѣйшаго изъ Французовъ, генерала Карбоньера, который одинъ противъ Бетангура составлялъ тогда тайную оппозицію, превратившуюся послѣ въ явную.

Вдругъ сказали мнѣ тайкомъ, что готовится докладная записка къ Императору, въ которой титулярному совѣтнику Ранду, въ награду за его великіе труды и въ поощреніе его великихъ способностей, безъ университетскаго аттестата, не въ примѣръ другимъ, испрашивается чинъ коллежскаго ассессора и съ сохраненіемъ прежней должности—званія правителя канцеляріи. Правитель же канцеляріи совѣта

путей сообщенія, надворный совѣтникъ Хрущовъ, представленъ къ чину коллежскаго совѣтника и къ должности директора департамента, на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, котораго уволить съ пенсіей.

Меня поразило это извѣстіе, такъ что едва повѣрилъ я ему. Съ сердцемъ, трепещущимъ отъ сожалѣнія и досады, явился я къ Бетанкуру и рѣшился спросить объ истинѣ мнѣ сказаннаго.

— Васъ не обманули, сказалъ онъ: вчера Государь подписалъ указы о томъ.

— Генераль, сказалъ я, вамъ извѣстно, что я не искалъ этого мѣста, но со словъ вашихъ желалъ его получить и въ полученіи былъ увѣренъ. Вы можете себѣ представить, сколь прискорбно мнѣ должно быть это предпочтеніе.

— Какъ быть! отвѣчалъ онъ. Я замѣтилъ, что вы бы никогда не поладили съ г. Рандомъ, у васъ совсѣмъ разныя понятія о вещахъ; г. Кручкова я почти не знаю, но онъ очень хорошо знаетъ свою часть, съ которой ознакомиться вамъ нужно было бы время; вы довольно упорны, съ Рандомъ была бы у васъ вѣчная распря; каково же бы мнѣ было безпрестанно мирить васъ! Съ Кручковымъ этого не будетъ.

Улыбаясь, сказалъ я: Вѣроятно, вы удостовѣрились въ томъ, что о сихъ господахъ первоначально даны вамъ были ложныя понятія; что же касается до меня, то позвольте мнѣ сохранить на счетъ ихъ то мнѣніе, которое вы мнѣ дали.

— Какъ вы хотите, сказалъ онъ съ прижатымъ бѣшенствомъ.

— Итакъ, каріеръ мой конченъ при васъ?

— Нимало, оставайтесь сколько вамъ угодно; я даже намѣренъ представить васъ Государю къ чину статскаго совѣтника.

Когда я замѣтилъ ему, что маловажная должность моя не будетъ тому соответствовать, онъ отвѣчалъ:—Ничего, я буду умѣть это сдѣлать.

Въ этомъ разговорѣ можно найти нѣкоторое извиненіе и въ тоже время желаніе утѣшить меня. Болѣе внимательный, когда я послѣ пристальнѣе сталъ разсматривать это дѣло, то увидѣлъ руку г. Ранда, который со всею тяжестью наложилъ ее на старца. Онъ зналъ, что въ первую минуту пойду я на пропалую, что старикъ приметъ это съ Гишпанскою гордостію и съ полуденнымъ бурнымъ гнѣвомъ, что я, можетъ быть, пострадаю отъ того; но это и надѣляетъ шуму, а ему не хотѣлось никакой огласки. Оставаясь подъ начальствомъ Бетанкура, сіе положить, думалъ онъ, храненіе устамъ моимъ.

Нельзя было Ранду отказать въ искусствѣ и осторожности, вмѣстѣ со смѣлостію. Онъ молча высмотрѣлъ положеніе свое и, поощряемый примѣромъ Третѣра, убѣдился, что честный человекъ, какъ бы умень

ни былъ, сдѣлается подвластнымъ нечестному, лишь бы тотъ ловко умѣлъ за то взяться. А Хрущовъ былъ подлый плутъ самаго нисшаго разряда, безъ предприимчивости, безъ надежды даже на большіе успѣхи. Онъ совершенно подчинилъ себя Ранду только съ тѣмъ, чтобы и ему что нибудь перепаало отъ великихъ барышей, первымъ получаемыхъ. Однимъ словомъ, между ими было тоже разстояніе, что между воришкой, крадущимъ платки изъ кармановъ, и прославившимся Ванькой Каиномъ. Я ужаснулся не за себя, а за бѣднаго Бетангура, и опасенія мои скоро оправдались.

Я не заботился объ обѣщанномъ мнѣ чинѣ, полагая, что начальникъ мой испроситъ мнѣ его при первомъ личномъ докладѣ Государю; я не имѣлъ аттестата, какъ же было иначе это сдѣлать? Новое удивленіе: самъ Бетангуръ успѣшилъ возвѣстить мнѣ, что представленіе о томъ сдѣлалъ чрезъ военнаго генераль-губернатора.

— Да это все равно, что ничего, сказалъ я: первое представленіе обо мнѣ Государю сдѣлали вы сами и лично.

— Дѣло другое, отвѣчалъ онъ: тогда былъ Взмитиновъ, на него мы мало смотрѣли, а Милорадовичъ шутить не любить.

— Да какое ему дѣло до того? Онъ даже бы и не узналъ о томъ.

— Не беспокойтесь, я уже съ нимъ о томъ самъ переговорилъ, и онъ обѣщался все сдѣлать. Да, постойте, я еще лучше самъ къ нему напишу, а вы отдадите ему письмо. Вотъ вамъ случай съ нимъ познакомиться.

И дѣйствительно, во Французскомъ письмѣ, которое далъ онъ мнѣ прочесть, не было похвалъ, которыми бы онъ меня не осыпалъ. Мнѣ показалось, что онъ рехнулся, и я успѣшилъ удовлетворить его желаніе.

Къ тому меня побуждало еще и любопытство. Мнѣ хотѣлось хотя разъ вблизи посмотрѣть на человѣка, который въ арміи былъ столь извѣстенъ какъ храбрецъ и чудакъ. вмѣстѣ со многими смѣшными сторонами имѣлъ онъ и рыцарскія замашки. Болѣе всего прославился онъ необычайнымъ, постояннымъ счастіемъ. Замѣчено, что счастье рождаетъ умъ или, по крайней мѣрѣ, умножаетъ его въ тѣхъ, въ комъ онъ есть. Въ Милорадовичѣ до конца его жизни такого приращенія не было видно. И отъ недалновидности, отъ безграмотности сего вѣчнаго хвастуна сколько людей пострадало!

Коль скоро доложили ему обо мнѣ, онъ тотчасъ велѣлъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ: такъ называлось нѣсколько комнатъ верхняго этажа въ занимаемомъ для него домѣ на Невскомъ Проспектѣ, наполненныхъ разными предметами роскоши безъ большаго порядка и

вкуса. Онъ закидалъ меня словами, отъ другаго весьма бы лестными для моего самолюбія. Когда я сказалъ ему, что, за неимѣніемъ аттестата, производство должно встрѣтить неодолимое препятствіе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что никакихъ препятствій быть не можетъ, когда дѣло идетъ о столь извѣстномъ человѣкѣ какъ я (я-то тогда извѣстенъ!), представленномъ столь необыкновеннымъ человѣкомъ, каковъ мой генераль. Я тотчасъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ вздору и вспомнилъ Русскую пословицу: «изъ пустой хоромины или сычъ, или сова, или пустыя слова».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ покорный Бетанкуръ послушался совѣта немилостиваго ко мнѣ Ранда. Я не сдѣлалъ ему никакого вреда; а въ это время, если бы и хотѣлъ, то уже не могъ бы. Злоба его ко мнѣ была ничто иное, какъ инстинктивная ненависть, которую всѣ моленники питаютъ ко всѣмъ честнымъ людямъ. И что же вышло изъ того? Милорадовичъ представилъ обо мнѣ министру внутреннихъ дѣлъ, а тотъ — въ Комитетъ Министровъ, а Комитетъ отложилъ это, какъ говорится, въ длинный ящикъ.

Почти всегда такъ случалось, что когда приготавлились въ Европѣ важныя происшествія, а въ государствѣ нашемъ большія перемѣны, тоже самое послѣдовало и въ скромной участи моей. Четыре года, описанные мною въ сей части, были вездѣ довольно покойны и казались счастливыми послѣ послѣднихъ бурныхъ годовъ Наполеонова владычества. Для меня сіе четырехлѣтіе было дѣятельнѣйшею дотолѣ эпохой въ моей жизни: ихъ заключила жестокая неудача. Но роптать ли мнѣ на то? Сіе увидать въ слѣдующей части, если я буду продолжать сіи Записки. Въ этой же, главу сію, кратчайшую изо всѣхъ, написалъ я вмѣсто эпилога.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

	Стр.
I. Члены Французскаго посольства — Французы у А. П. Хвостовой.— Графъ А. П. Толстой.—Баронъ А. Я. Будбергъ.—Графъ Н. П. Румянцовъ.—Богатства Кочубея.—Князь Алѣй Борисовичъ Ку- ракинъ.—Графъ Арагчеевъ.—Грузино.—Князь Д. И. Лобановъ..	3
II. Зять Алексѣевъ.—Г. Г. Пшеничный.—Война съ Швеціей.....	17
III. Прѣсенскіе пруды.—П. С. Валуевъ.—Поѣздка въ Пензу 1808.— Колокольцовы.—А. Д. Панчупидзевъ.—Козодавлевъ въ Саратовѣ и Пензѣ.—А. П. Римскій-Корсаковъ.—И. Н. Бѣлоклоковъ.—Чи- новники-хлопотуны.—Н. П. Дубенскій.—Пиры въ честь Козодав- лева. — На пути въ Саранскъ.—Кошкарковы.....	22
IV. Возвращеніе въ Петербургъ (1 Окт. 1808 г.).—Графъ Н. М. Ка- менскій.—Зять Алексѣевъ въ Финляндіи.—Князь М. П. Долгору- ковъ.—Братъ Павелъ.—Кончина брата Николая.....	40
V. Король и королева Прусскіе въ Петербургѣ.—Русскія войска на льду Ботническаго залива.—Генераль Кнорингъ.—Ансельмъ-де- Жибори.—Графъ П. А. Шуваловъ.....	47
VI. Обѣды у богатыхъ откупщиковъ.—А. Ѳ. Крыжановскій.—Разрывъ съ Австріей (1809).—А. М. Салтыковъ.—Подвиги Алексѣева.— Присоединеніе Финляндіи.—Замыслы Сперанскаго.—Поѣздка Алек- сандра въ Тверь и Москву.—Е. В. Карнѣевъ.....	55
VII. Государственный Совѣтъ.—Барклай-де-Толли.—И. И. Дмитріевъ.— Графъ А. К. Разумовскій.—Д. А. Гурьевъ.—1810. Турецкая вой- на.—Князь Багратионъ.—Д. Н. Блудовъ	78
VIII. Императрица-мать на пути въ Тверь.—Пензенскій губернаторъ Крыжановскій.....	91
IX. Ассигнаціонный банкъ.—Опочининъ.—А. И. Рибопьеръ.—Графъ Н. М. Каменскій.—Преобразованія Сперанскаго.—А. Д. Бала- шовъ.—Б. Б. Кампенгаузенъ.—Князь А. Н. Голицынъ.....	99
X. Актриса Жоржъ.—И. А. Крыловъ.—Князь А. А. Шаховской.— В. А. Озеровъ.—Русская словесность.—Русскіе журналы.—Петер- бургскіе словесники.—Бесѣда Любителей Россійскаго Слова.— Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.....	119
XI. Пожаръ Большаго театра. 1811.—А. У. Болотниковъ.—А. Д. Копіевъ.—Поѣздка въ Финляндію.....	155
XII. Турецкая война 1811.—И. К. Лебедевъ.—Тяжба съ Тютчевымъ.	169
XIII. Казанскій соборъ.—Царскосельскій Лицей.—Обособленіе Финлян- діи.—Петербургъ въ началѣ 1812 года.....	177

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Кончина отца.—Обуза хозяйства.....	1
II. Князь Г. С. Голицынъ.—Русская знать.....	7

III. Причины опалы Сперанскаго.—Графъ И. В. Гудовичъ.—Графъ Ростовчинъ.—П. В. Чичаговъ.....	33
IV. Наборъ ратниковъ.—Ссылные въ Пензѣ.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Комитетъ по ополченію.—Смольняне въ Пензѣ.....	41
V. Простонародье въ 1812 году.—Спасающіеся Москвичи.—Пензенское гостепрѣимство.—Пенза въ 1812 году.....	59
VI. Уходъ Французовъ изъ Россіи.—Баль у князя Г. С. Голицына.—Основаніе „Сына Отечества“. — Березина. — Библейское Общество.—Князь Кутузовъ.	72
VII. Новый наборъ ополченцевъ.—Представитель купечества. — Ссоры по новому ополченію.—1813 годъ.....	87
VIII. Генераль Алексѣевъ.—Посѣщеніе Зубриловки.—Грозная княгиня.—Младшіе князья Голицыны.—Любовь.....	102
IX. Празднованіе взятія Парижа.—Пензенская депутація къ Царю.—Москва послѣ Французовъ.—Князь и княгиня Вяземскіе.....	113
X. Петербургъ въ 1814 году. — Возвращеніе гвардіи. — Молчановъ.—Аракчеевъ.—Наша Пасха въ Парижѣ.....	127
XI. Е. Ѳ. Муравьева.—Декабристъ Н. М. Муравьевъ.—Д. В. Дашковъ.—К. Н. Батюшковъ.—Гнѣдичъ.—Оленины.....	135
XII. Бѣгство Наполеона съ Эльбы.—Занятіе Франціи.....	149
XIII. Русскій театръ.—Возникновеніе „Араамаса“. — Служба въ Министерствѣ Финансовъ.....	164
XIV. Возвращеніе Государя въ Россію.—Князь П. М. Волконскій.—Персидскій посоль.....	178

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I. Людовикъ XVIII-й.—Заблужденія Александра Павловича.....	3
II. 1816-й годъ.—Бетангуръ.—Институтъ Путей Сообщенія —Сенноверъ.—Базенъ.....	11
III. Архитекторы.—Монферранъ.—Исакиевскій соборъ.....	24
IV. Князь Тюлякинъ.—Князь А. А. Шаховской.—Засѣданія „Араамаса“.—М. Ѳ. Орловъ и Д. Н. Блудовъ.—Масонство.....	33
V. Военныя поселенія.—Графъ Каподистрія.—А. П. Ермоловъ.....	57
VI. Пріѣздъ Александры Ѳеодоровны.—Поѣздка за границу.....	69
VII. Путешествіе за границу.....	73
VIII. Парижъ.....	106
IX. Поѣздка въ Мобѣжъ.—Графъ М. С. Воронцовъ.—Возвращеніе въ Россію.....	137
X. Графъ М. А. Милорадовичъ.—Поѣздка Бетанкура въ Нижній....	153
XI. Плаваніе на пароходѣ и путешествіе въ Нижній.....	161
XII. Сперанскій въ Пензѣ. Ѳ. П. Лубяновскій.....	173
XIII. Въ Нижнемъ.....	178
XIV. Болѣзнь.—Близость смерти.—Возвращеніе въ Петербургъ.....	190
XV. Кончина Козодавлева и Вязмитинова.—Перемѣна по службѣ....	198